

Забвение отменить

БУТМАНЫ–ФОНАРЕВЫ

10 ПОКОЛЕНИЙ

КНИГА II

АВТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ:

ЗАХАР ФОНАРЕВ

СОЛОМОН ФОНАРЕВ

МИХАИЛ ФОНАРЕВ

ЛЕОНАРД ФОНАРЕВ

ИЛЬЯ БУТМАН

С.ПЕТЕРБУРГ – ТЕЛЬ АВИВ

2013 г.

БУТМАНЫ–ФОНАРЕВЫ

10 ПОКОЛЕНИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике описываются события, начинающиеся с 1772 года, когда земли, где жили наши предки, в результате раздела Польши стали частью Российской империи, и заканчиваются 2011 годом. Таким образом, это история наших родов за 239 лет.

Все события жизни десяти поколений до 1920 года происходили для Фонаревых в Лудзенском уезде Латгалии, для Бутманов – в Невельском уезде. И Латгалия, и Невель в XVIII, XIX и в начале XX веков входили в состав Витебской губернии.

После 1917 года все здесь было переименовано. Но об этом позже.

Перед вами книга памяти. Памяти о создателях и продолжателях замечательного рода Бутманов-Фонаревых.

Мы, теперь уже старшее поколение Бутманов-Фонаревых, имели счастье расти под заботливой опекой своих лучших в мире родителей, ощущать тепло их ласковых рук, засыпать и просыпаться от поцелуев их мягких губ, внимать их словам. И пока наши родители жили, мы думали, что так будет вечно.

Увы, мы не всегда были хорошими детьми. И лишь теперь запоздало осознаем, что часто не проявляли к родителям должного внимания, нередко их огорчали, недостаточно часто с ними разговаривали и мало расспрашивали об их жизни.

А сами они смотрели на нас сияющими от счастья глазами и старались не быть нам в тягость. Они посвятили себя нам, они жили для нас. Наши успехи и радости были их успехами и их радостями. Вспоминая их

скудный по нынешним понятиям быт, нищенские зарплаты, непрерывный труд, жизнь в постоянном страхе ареста и потери близких, удивляешься, откуда они черпали силы, чтобы не потерять человеческое лицо, собираться на семейные вечера, ходить в кино и в театры. Через их жизни и судьбы прокатился безжалостный каток сталинских репрессий, война, блокада, голод и эвакуация. Они все вынесли.

И думается, что главная сила, которая помогла им выжить и вывести нас на широкую дорогу жизни – это любовь. Они были настоящими родителями, прекрасными братьями и сестрами, верными и любящими супругами. Самым святым понятием для них была семья. Любовь к семье являлась путеводной звездой их жизни.

Уже нет рядом добродушного, всегда веселого и жизнерадостного Израила Захаровича Фонарева, нет прекрасной, вечно хлопочущей и заботившейся обо всех Гани Соломоновны Фонаревой, в девичестве Бутман. Любовь давала силы слабеющей от голода Гане расставаться с частью своего пайка для детей, выкладывать все продукты, чтобы накормить внезапно получившего короткую командировку с фронта брата Менделя.

Умерли добрейший, трудолюбивейший Давид Соломонович Бутман и, пережившая страшную трагедию, но не ожесточившаяся, его жена Гутя Эльевна Бутман.

Именно благодаря любви в страшную голодную зиму 42 года Давид, дядя Додя, шел с далекой Обуховской окраины через мертвый, холодный город к своей сестре Гане на улицу Ракова, неся в руках узелок со спасительными дурандой и лярдом, хотя у него самого в это время оставались дома тающая от голода первая жена Мира и маленький сын Левушка.

Вечно занятый Давид – дядя Додя. Способный, подающий большие надежды химик, руководитель лаборатории на крупнейшем оборонном предприятии Ленинграда в годы войны. Тогда в промышленности стало не до разделений по национальности, многие евреи были привлечены к руководству оборонными объектами, а после победы переведены в простые мастера или рабочие, а то и репрессированы. Давид попал под пресс антисемитизма и после войны вынужден был покинуть лабораторию.

Когда он остался без работы, двоюродный брат наших родителей, Борис Бравин, директор большого магазина, пригласил Давида работать у себя заведующим отделом. Давиду пришлось согласиться.

Не стало вечного борца за справедливость Бориса Соломоновича Бутмана и его красавицы-жены Розы Наумовны Бутман. Борис был любимцем своих старших братьев и сестры. Всегда хлопочущий о чем-то, влюбленный в свою жену Розочку и своих детей Лену и Юру, щеголеватого одетый, окруженный друзьями.

Ушел в мир иной умнейший, с ироничной улыбкой и пронизательным взглядом, Лев Бутман – дядя Лева, талантливый рассказчик, ученый-агроном и организатор сельского хозяйства. Умерла и спутница его жизни Зоя Сергеевна Еранцева.

А разве это не подвиг, объясняемый лишь безграничной братской любовью, когда Лева пустил жить в свою комнату в коммунальной квартире на Лесном проспекте семью сестры Гани, вернувшуюся из эвакуации в Ленинград и оставшуюся без крова? А сам он много месяцев жил в это время с семьей в крохотной служебной квартирке в Старом Петергофе.

Похоронена и потерявшая в войну мужа, но достойно, с любовью воспитавшая своих замечательных дочерей, Мария Давидовна Бутман. Сам же Мендель Соломонович Бутман прошел сначала финскую войну, а затем, во время Великой Отечественной погиб при переправе его воинской части через Ладогу.

В США простилась с жизнью Фаня Печенюк (урожденная Бутман), так много сделавшая для семей своих братьев и сестры. Любовь помогла Фане, давно покинувшей Россию и живущей в Нью-Йорке, разыскать свою сестру Ганю в послеблокадном Ленинграде. Именно любовь помогла преодолеть всяческие препоны в Америке и в Советском Союзе, посылать письма и посылки с вещами и продуктами, хотя всякая связь с братьями и сестрами прервалась еще в 20-е годы. Та же любовь заставляла Ганю делиться со своими братьями этими посылками, защищая их от возможных репрессий за переписку и связь с иностранцами. И только она, их сестра, переписывалась с Фаней до самой ее смерти.

Суровой блокадной зимой в Ленинграде умерла от голода Хая-Лея Бутман, мать Фани, Менделя, Гани, Левы, Давида, Зиновья и Бориса Бутманов.

Сталинская машина уничтожения стерла в лагерную пыль красавца Зиновья Бутмана, так и не успевшего обзавестись семьей.

Мы хотим, чтобы эти замечательные люди, давшие нам жизнь, навсегда остались в памяти наших потомков. Чтобы вы, наши дети, наши внуки и правнуки полюбили их и помнили также, как мы. Чтобы помнили, что мы в бесконечном долгу перед ними. На примере их жизней, достижений и ошибок может быть и нам всем удастся стать лучше, передать эстафету любви следующим поколениям. Чтобы мы все могли гордиться своим замечательным родом и своей причастностью к славным фамилиям Бутманов и Фонаревых.

Подготавливая к изданию 1-ю часть эпопеи о Фонаревых-Бутманах, работая в архивах, ведя переписку с историками, писателями и очевидцами, Соломон и Захар Фонаревы накопили огромный материал об истории наших родов, живших в России на протяжении 3 веков, о страшной судьбе многих представителей наших предков в годы Второй мировой войны и сталинского террора. Рассказ об их судьбах выходил за рамки задуманного братьями повествования. И было бы несправедливо оставить в забвении судьбы наших далеких и близких родственников. Тем более, что на фоне истории нашего общего рода еще ярче проявляются лучшие черты наших родителей.

В 2000 году закончена, а в 2001 году издана первая часть книги «Фонаревы», написанной, в основном, Соломоном.

Накопленные материалы и продолжающаяся работа Захара и Соломона в архивах нуждались в напряженной работе по подготовке к изданию второй части книги – «Бутманы-Фонаревы». Этому помешала тяжелая болезнь и безвременная кончина на 77 году жизни Соломона – нашего дорогого брата Семочки, любимого и любящего, веселого и жизнерадостного человека, талантливого писателя и незаурядного журналиста, человека из золота высшей пробы, замечательного отца и мужа.

Основная тяжесть работы над книгой легла на плечи Захара, который подошел к ней фундаментально и как писатель, и как историк. К счастью, в подготовке книги о Бутманах принял участие наш молодой двоюродный брат Илья, сын Давида, профессиональный писатель и редактор, и дело закипело. Когда сборник о Бутманах был уже почти закончен, ушел из жизни Захар.

И эта книга – не только память о наших родителях, их предках и родственниках, не только книга о роде Бутманов-Фонаревых, но и книга па-

мяти о замечательном человеке, добром, ироничном, энергичном, красивом во всех смыслах этого слова, разносторонне талантливым инженером и ученом, изобретателе и историке – Захаре Израилевиче Фонареве, о нашем любимом брате Зореньке.

ОБ АВТОРАХ ЭТОЙ КНИГИ

Захар Израилевич Фонарев. Родился в 1927 году в городе Пустошка Великолукской (ныне Псковской) области. С 1931 года жил и учился в Ленинграде. Отечественная война застала его в Псковской области, в совхозе Быстрецово, где директорствовал наш дядя – Лев Бутман. Четырнадцатилетний Захар вместе со своими родными бежал от наступающих фашистов. Он пережил самый страшный период блокады Ленинграда. И лишь после открытия Дороги жизни оказался в эвакуации. В 1946 году окончил ленинградский нефтетехнологический техникум им. Менделеева, работал техником, а потом инженером-нефтяником в Казахстане, Карело-Финской АССР, Ленинградской области. Одновременно учился в нефтяном институте им. Губкина в Москве. Возглавлял крупнейшее в Союзе инженерно-конструкторское бюро нефтяной промышленности в Ленинграде. Автор ряда книг по нефтяному делу. На его счету несколько патентов на крупные изобретения, в том числе и на уникальный способ обогрева емкостей с горючими и легко воспламеняющимися жидкостями.

Именно Захару принадлежала идея создания книги об истории нашего рода. И он подошел к ее реализации фундаментально, как ученый-историк работая с архивами, переписываясь с многочисленными свидетелями жизни представителей рода Фонаревых-Бутманов. Он работал над книгой до последних дней своей жизни, успев завершить сбор материалов ко 2-й части труда о клане Бутманов. Его любимая жена Шура поддерживала Захара во всех его начинаниях.

Захар Израилевич Фонарев умер в июне 2010 года на 84 году жизни. Он похоронен на еврейском Преображенском кладбище в Санкт-Петербурге, рядом со своими замечательными родителями – Израилем Залковичем Фонаревым и Ганей Соломоновной Фонаревой (урожденной Бутман).

Соломон Израилевич Фонарев. Родился в 1928 году в Пустошке Великолукской области. С 1931 года – в Ленинграде. Перенес самые суровые месяцы Ленинградской блокады. С 1942 по 1945 год находился в

эвакуации в Ивановской области, где окончил 7 классов, одновременно работая в колхозе. После возвращения в Ленинград из эвакуации начал трудиться на заводе. Учился в вечерней школе рабочей молодежи, а затем поступил на факультет журналистики Ленинградского университета, который блестяще окончил в 1956 году. Работал главным редактором заводской многотиражной газеты «Красная Заря» (почти 2 года его литературным сотрудником был Сергей Довлатов, сохранивший теплые и дружеские чувства к своему редактору Соломону, взявшему его на работу в самое тяжелое для писателя время). В 60-е годы и вплоть до 1990 года, до отъезда в Израиль, Соломон возглавлял отдел сельского хозяйства Ленинградского отделения ТАСС, оставаясь действующим журналистом. Он обладал замечательным характером, был человеком широкой души и необычайного обаяния, в любой обстановке сразу становясь центром компании.

Живя в Израиле, Соломон продолжил свою журналистскую и литературную деятельность. Писал рассказы и статьи, издал книгу о своей послевоенной юности. Соломон с энтузиазмом окунулся в работу над книгой о роде Фонаревых-Бутманов. Он взял на себя литературную обработку и редактирование материалов, много ездил вместе с Захаром по родным местам Невельского и Пустошкинского районов, встречался с уцелевшими в оккупацию жителями Березовки и Зелупе в Латвии. Он имел счастье видеть завершенным и изданным свой труд «300 лет рода Фонаревых».

Соломон Фонарев ушел от нас после продолжительной и тяжелой болезни в 2005 году, в самом расцвете своих творческих сил. Он похоронен в Израиле, на берегу Средиземного моря, в городе Ашдоде, описанном в Библии более 2000 лет назад.

Михаил Израилевич Фонарев. Родился в 1931 году в деревне Ильюшкино Пустошкинского района, ныне, увы, не существующей, но навсегда связанной с историей нашего рода. С трехмесячного возраста Михаил житель Ленинграда, в котором окончил школу и медицинский институт, став детским врачом. Пережил блокаду. После окончания института с 1954 года работал в Ленинградской области, пройдя путь от участкового врача до главного педиатра города и зам. главврача межрайонной больницы. После защиты кандидатской диссертации в 1963 году работал в Ленинградском педиатрическом медицинском институте (ныне Педиатрическая академия С.Петербурга) ассистентом, затем доцентом, а

с 1985-го да и до отъезда в Израиль в 1990 году, заведующим кафедрой детской спортивной медицины и лечебной физкультуры. Михаил – автор более 200 научных статей и 12 монографий, изданных в СССР и за рубежом. Ему принадлежит честь быть основоположником одного из самых прогрессивных направлений современной научной педиатрии – медицинской реабилитации.

В Израиле Михаил продолжает свою врачебную и научную деятельность.

Вместе с Соломоном и Захаром принимает участие в подготовке материалов к книге о Фонаревых, готовя к публикации некоторые ее главы. С 2005 года работает вместе с Захаром и Ильей над продолжением труда о клане Бутманов.

Леонард Израилевич Фонарев. Родился в 1943 году в селе Парское Родниковского района Ивановской области, где семья Израилей и Гани Фонаревых находилась в эвакуации. В мае 1945 года красивые глаза Леонарда увидели родной Ленинград. Он рос всеобщим любимцем. Учебу начал в школе, в которой преподавался испанский язык, что оказалось для Леонарда судьбоносным. Окончил среднюю школу № 213 Куйбышевского района, где его одноклассниками и ближайшими друзьями были будущие писатели братья Шаргородские. Окончил физико-металлургический факультет Ленинградского политехнического института. Работал в научно-исследовательском институте. В эти же годы началась его литературная деятельность писателя-юмориста. Короткие юморески и рассказы печатались во многих изданиях и даже в знаменитых «Рогах и копытах» необычайно популярной тогда «Литературной газеты».

В 1976 году, пройдя сквозь строй собраний, комиссий и проработок, променял социалистический рай на загнивающий Запад и выехал вместе с женой Соней и двумя сыновьями, Ильей и Мишей, в благополучную Америку. Живет и работает в Майами-Бич, Флорида. Активную деловую жизнь сочетает с напряженной литературной деятельностью. Автор многочисленных юмористических, и не только, рассказов и повестей, а также нашумевшего романа «Яша Абрамович, как зеркало русской перестройки». Леонард – лауреат ряда литературных премий.

Илья Давидович Бутман. Родился в 1948 году в Ленинграде. Профессиональный писатель. Начинал как сатирик и драматург. 11 лет руководил Ленинградским клубом сатиры и юмора. Затем организовал твор-

ческий коллектив «Авторы на эстраде», который возглавлял 12 лет и с которым побывал на гастролях в большинстве городов страны.

Илья являлся редактором шести журналов. Автор нескольких книг и более двух тысяч публикаций в газетах и журналах, альманахах и сборниках. Его произведения для детей были включены в 11 школьных учебников как для внеклассного чтения, так и для изучения на уроках литературы.

Будучи детским писателем, Илья Бутман очень часто выступал перед своими маленькими читателями. В его личном архиве много трогательных писем от них. Вот, например, одна стихотворная записка, которая пришла ему от мальчика Миши из зрительного зала:

*Был бы я министр концертов,
За такое выступленье
Я б вам орден дал огромный
И две баночки варенья.*

А девочка Надя из города Владимира написала ему: «Дядя Илья, я очень люблю и Ваши книги, и Вас, и очень хочу быть на Вас похожей».

На что Илья Бутман ответил: «Дорогая Надя, если, когда ты вырастешь, станешь похожа на меня, то это будет очень смешно, потому что я бородатый и усатый, а тётенькам это не идет».

Илья при этом, конечно, немного кокетничал, а на самом деле он очень гордится такими письмами. Ведь благодарность маленьких людей, для которых работаешь, самая большая радость для детских писателей.

Мы, авторы сборника, с самого начала мечтали о том, что среди наших потомков найдутся люди, которые продолжат начатое нами дело и напишут новые книги о будущих поколениях Бутманов-Фонаревых. И тогда наши потомки уже никогда не превратятся в «Иванов, не помнящих родства». Так получилось, что мы разбросаны сейчас по всему миру. Живем в России, США, Израиле, Англии, Канаде, на Канарских островах. Пусть и эта, и последующие книги объединят нас и послужат примером любви и преданности. И еще мы завещаем вам, нашим потомкам, обязательно посещать места преклонения и скорби – могилы родных. И тогда память о них не прервется и сохранится в ваших сердцах навеки.

* * *

Часть I

БУТМАНЫ

Ильюшкино. Пустошка. Ильюшкино от основания в XVIII веке до исчезновения в результате советских пертурбаций перед Отечественной войной.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ильюшкино впервые упоминается в перепесных листах как деревня Невельского уезда Витебской губернии. После октябрьского переворота деревня по административному делению стала находиться в Пустошкинском районе вновь образованной Велико-Лукской области, а затем – Псковской области Российской союзной республики.

Одним из первых жителей деревни стал отставной солдат Илья Хролов, получивший надел после окончания воинской службы. Его именем деревня и названа. Было это в начале XVII века.

История нашего ильюшкинского бутмановского рода начинается с того момента, когда невелицкий мещанин Соломон Беркович Бутман взял в жены Лейку (1866 г.р.). Она была дочерью жителя Ильюшкино Залмана (Рэфозл-Залмана) Лейбовича Хролова. Молодая семья поселилась в Ильюшкино.

В 1895 году у Соломона Берковича и Хаи-Леи (так звали Лейку после замужества) родилась дочь Фаня, затем появилась Эстер-Гайла, а потом пошли уже одни мальчики: Мендель, Лева, Зиновий, Давид и Хаим-Бер.

В Невельском уезде, да и в самом Невеле среди всех иудейских семей род Бутманов был самым многочисленным. Бутманы занимали должности в городском магистрате, состояли в купеческом сословии. Множество семей Бутманов поселилось и в новом городе Пустошка Невельского уезда. Один из потомков пустошкинских Бутманов, Гилель Бутман,

собрал сведения более чем о сотне своих однофамильцев и свел их в родословное дерево.

Историю Ильюшкино, семьи Соломона и Хаи-Леи мы смогли воссоздать благодаря доставшимся нам письмам Левы и Хайм-Бера, по нашим собственным воспоминаниям детства. А еще (хвала дотошной российской статистике) из литературных источников, хранящихся в фондах РНБ (Российской национальной библиотеки) в Санкт-Петербурге. В первую очередь, из трудов витебского историка Алексея Парфеновича Сапунова. В опубликованных в его книгах подробных реестрах мы нашли сведения о земледельцах, проживающих в деревне Ильюшкино Рыкшинской волости Невельского уезда Витебской губернии.

Дополнительную информацию об Ильюшкино мы получили из найденного в фондах РНБ атласа Витебской губернии, изданного в 1858 году. Эта находка позволила определить местоположение деревень, в том числе Ильюшкино, которое к 1941 году прекратило свое существование и на картах уже не обозначалось. Там же оказались подробные карты Лудзенского (Люцинского) уезда, на которых обнаружили все «фонаревские» поселения. Ведь Лудза (Люцин) и Невель тоже входили тогда в состав Витебской губернии.

Для более полного представления о Пустошке дается история этого города с момента возникновения.

Значительное место в сборнике предоставлено описаниям мученической гибели евреев Пустошкинского и Невельского районов от рук германских фашистов и их добровольных местных помощников, действовавших еще более активно, чем сами немцы.

На этих страницах размещен частичный список погибших евреев, включающий и наших родственников.

Здесь же описаны жизнь и судьбы детей Соломона и Хаи-Леи: Менделя, Левы, Зиновья, Давида, Хаим-Бера, Фейги и Эстер-Гайлы.

Во время массовой, безжалостной коллективизации, ликвидации НЭПа и любого проявления частного предпринимательства, многие жители Пустошкинского района, спасаясь от голодной смерти, бежали в большие города, главным образом, в Ленинград. В их числе оказались и наши Бутманы.

Это спасло их от гибели в период оккупации Пустошки фашистами.

* * *

Часть I: Глава 1

ИСТОРИЯ ИЛЬЮШКИНО И ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ

В первое послевоенное лето 1945 года наша мама решила поехать на свою родину – в Ильюшкино, увидеть которую она мечтала в долгие блокадные дни и все годы эвакуации. Ехали мы втроем: наша еще совсем молодая и энергичная мама, брат мой Соломончик, и я – Михаил. На Витебский вокзал нас провожал папа, тащивший огромное, как мне казалось, количество вещей, уложенных в пестрые, первязанные веревками узлы. Только мамина швейная машинка была бережно упакована в цветастое ватное одеяло и помещена в коробку.

Помню бесчисленные пересадки из одного набитого до отказа поезда в другой, пока мы не оказались в Великих Луках. Оттуда, уже на пригородном поезде, добрались до станции Маево. Наняли подводу, т.е. лошадь с телегой, на которую возница уложил наши нехитрые вещицы, посадил нас с мамой, и по проселочной ухабистой дороге мы доехали до Сатонкино.

Только там мама узнала, что деревни Ильюшкино уже нет, что во время немецкой оккупации всех оставшихся в ней евреев фашисты уничтожили, а деревню сожгли.

Рыдающую маму окружили бабы, среди которых нашлось несколько довоенных маминых землячек, хорошо помнивших Ганю и бабушку Хаю-Лею. Они наперебой звали нас поселиться на лето в их хате, но мама хотела быть поближе к родному пепелищу.

Так мы оказались в Пружинцах. Мы с Семеном почти все время проводили на речке или на близ расположенном озере. Подружились с деревенскими мальчишками и девчонками. Ходили с ними по грибы и за ягодами, собирали орехи.

Мама встречалась со своими подругами детства и юности, уцелевшими во время войны и оккупации, слушала их рассказы и воспоминания

о погибших родных, писала письма братьям. В разгар лета приехал дядя Додя.

И так получилось, что в Ильюшкино поехали только он и я. То ли потому, что Доде удалось раздобыть лишь два велосипеда, то ли потому, что Семен должен был остаться помогать маме, занятой шитьем и заготовкой варений и солений.

Был погожий летний день, мы ехали по живописным лесным тропкам, потом вдоль берега какой-то речушки, отдыхали на лесной полянке, собирали и ели крупные, сладкие ягоды малины...

Чем ближе было Ильюшкино, тем красивее становилась местность, а потом, с косогора мы увидели раскинувшиеся внизу несколько холмов.

– Вот она, наша Родина, наша деревня Ильюшкино! – воскликнул дядя Додя.

Оставив велосипеды у яблони, мы долго бродили между одичавших плодовых деревьев и буйно разросшихся вокруг невысоких, поросших травой и кустарником холмиков, бывших когда-то домами наших родных.

– А это наш дом, – сказал дядя Додя. – Здесь родились мой дед, моя мама – твоя бабушка Хая-Лея, твоя мама Ганя, здесь родился и ты, маленький Рахмилчик.

Холмик, на котором мы в это время стояли, почти не отличался от остальных, разве яблонь и груш росло больше вокруг, да вишни были крупнее и слаще... И хотя меня увезли из Ильюшкино грудным младенцем, мне показалось, что я узнаю это место, что я уже бывал здесь, бегал в саду, купался в речке... Стало грустно и тяжело на душе. Дядя Додя обнял меня, и слезы навернулись на наши глаза.

Обратная дорога уже не казалась такой радостной. Мы ехали молча, думая каждый о своем.

Я последний из нашего большого рода, кто появился на божий свет в Ильюшкино. И, наверное, я последний, кому довелось увидеть развалины родового гнезда, еще хранящие дух своих обитателей.

Ильюшкино – небольшая деревня Невельского уезда Витебской губернии, потом – Псковской области, Пустошкинского района.

Здесь родилась наша бабушка Хая-Лея, и отец бабушки – наш прадед Рэфозл-Залман Хролов. В Ильюшкино жили родители Рэфозла-Залмана, его дед и их предки, вплоть до основателя деревни Ильи Хролова, по имени которого она и была названа.

В этой деревне после свадьбы Соломона Бутмана и юной Хаи-Леи осталась жить молодая семья, в которой один за другим стали появляться красивые дети. Сначала замечательные девочки Фаня и Ганя, а потом только мальчики: Мендель, Лева, Давид, Зиновей и Борис (Хаим-Бер).

Документально подтвержденные имена жителей деревни иудейского вероисповедания мы узнали из материалов переписи 1882 года, полученных из НИАБ (Национальный исторический архив Белоруссии). Сведения о жителях Ильюшкино на самое начало XX века были почерпнуты из книг А.П. Сапунова, фактически справочников-реестров, включавших в себя данные обо всех, даже самых крошечных поселениях Витебской губернии, о всех ее земледельцах и землевладельцах.

(Книги А.П. Сапунова имеются в фондах РНБ – Российской национальной библиотеки).

О повседневной жизни деревни в XIX веке и послереволюционных годах оставили воспоминания Хаим-Бер Бутман и его брат Лева.

Свои воспоминания Хаим-Бер изложил в двух рукописных повестях, которые мечтал опубликовать. А полученные им от брата Левы письма в Молдавию, куда Хаим-Бер был направлен на работу после окончания войны, переписал четким и понятным почерком.

Сведения о деревне Ильюшкино и ее жителях, относящихся к 1905 году, из книги А.П. Сапунова «Список населенных мест Витебской губернии», стр. 270:

Деревня Ильюшкино расположена у речки Спастырка.

В числе земледельцев – владельцев земли в деревне:

- 1. Хролов Залман Лейбович – иудей*
- 2. Хролов Абрам Янкелевич – иудей*
- 3. Вольняго Яким – православный*
- 4. Либо Иоганн – лютеранин*

Там же указано, что всего в деревне 40 десятин удобной земли, неудобной – 10, под лесом – 10, дворов 7, мужчин 24, женщин 14. Ильюшкино находится в 147 верстах от Витебска, в 43 от Невеля и в 3 от Рыкшино, относится к Рыкшинскому православному притчу. До ближайшей почтово-телеграфной конторы в поселке Линец – 25 верст.

В благодарной памяти наших родителей глухая эта земля осталась, как райский уголок, неоднократно описываемый ими в письмах, воспомина-

ниях и рассказах. Сюда мечтал приехать тяжело больной дядя Лева.

О сказочных этих местах в горестные годы войны, блокады, голода и эвакуации мечтали Ганя и Доля. Ильюшкино и родной край с сердечной теплотой вспоминала в своих письмах к сестре тетя Фаня. Ее вспоминал в свой смертный час наш дорогой дядя Зиновойй.

Мы приводим ниже машинописный текст в современной орфографии из переписи 1882 года о жителях деревни Ильюшкино.

**Машинописный текст переписи 1882 года
в современной орфографии и пояснения к этому списку**

1. Хролов Абрам Янкелев, неveltский мещанин, 43 лет, в деревне с 1839 г. (т.е. с рождения), его жена Итка Хролова – 43 лет.

Сыновья: Мендель – 14 лет, Хацкель – 8 лет.

Дочери: Еха – 6 лет, Марьяся – 6 месяцев.

В списке указано, что Абрам имеет в деревне дом и землю. Занимается стекольно-столярным делом. Дальше для каждого жителя указывается размер и вид недвижимого имущества. (Некоторые эпизоды из жизни Хацкеля, сына Абрама, вплоть до трагической гибели от рук фашистов в 1942 году, приведены дальше в этом сборнике).

2. Болотовский Меер Мордухов, 34 лет, неveltский мещанин, в Ильюшкино с 1879 года, имеет здесь дом и землю, его жена Гитля Залманова, 28 лет (дочь нашего прадеда Рэфозла Залмана).

Сыновья: Мендель – 9 лет, Нохим – 4 лет, Зуська – 2 лет.

3. Ефа (Иоффе) Михель Давидов, 28 лет, 1854 г.р., городовский мещанин, его жена Шейна Залманова, 23 лет.

Дочери: Эна – 5 лет, Сора – 1,5 года.

Михель имеет дом и землю, занимается столярно-стекольным мастерством, в Ильюшкино с 1875 года.

Шейна – дочь нашего прадеда Рафозла Залмана. О Михеле и его сыне Менделе, родившемся в 1890 году, дальше по воспоминаниям наших дядей Левы и Хаим-Бера.

4. Шмуйлович Моисей Данилов, 40 лет, 1842 г.р.

его жена Фрейда Лейбова – 20 лет, 1862 г.р. (вторая жена).

Сыновья: Эли – 17 лет, Мендель – 6 лет.

Дочери: Муси – 15 лет, Сора – 10 лет, Стерна – 8 лет,

Лейба – родился после 1882 года.

Илья – сапожник – родился после 1882 года.

Эдли – 1,5 года.

Моисей имеет дом и землю в Ильюшкино с 1859 года, занимается изготовлением кирпича.

5. Хролов Залман (Рэфозл-Залман) Лейбов, неveltский мещанин, 48 лет, в деревне с 1834 года, т.е. со дня рождения, его жена Геня Лейбова, 48 лет (Генриетта).

Дочери: Марьяш (Марьяся) – 19 лет, Лейка – 16 лет, Элка – 13 лет,

сын Эли (Элиша) – 8 лет, усыновленный от мещанина Болотовского

Мать Залмана Хролова – Бася Давидовна, 90 лет, 1792 г.р.

Залман – хлебопашец, имеет в Ильюшкино дом и землю, арендует пустошь в деревне Ерзовка. (Он отец нашей бабушки Хаи-Леи, записанной здесь как Лейка).

6. Зарецкий Лейба Хацкелев, 60 лет. В Ильюшкино только с 1881 года.

Числится как проживающий в деревне Никулино. Вида не имеет, его жена Фрейда Менделеева, 46 лет, 1836 г.р.

Сыновья: Хацкель – 1857 г.р., Мендель – 1867 г.р., Залман – 1881 г.р.

Лейба занимается мелкой торговлей. Собственности не имеет.

Анализ этого списка и рукописей Льва и Хаим-Бера Бутманов позволили сделать первые выводы о родственных связях и хронологии жителей Ильюшкино:

1. Хролов Абрам Янкелевич в деревне со дня рождения, с 1839 года.

2. Хролов Залман Лейбович (или Рэфозл-Залман) родился также в Ильюшкино, в 1834 году.

Следовательно, их отцы Янкель и Лейба Хроловы, а также жена Лейбы, Бася Давидовна, в 1834 году, а скорее всего, и раньше, жили в Ильюшкино. Бася Давидовна, 1792 г.р., в 1882 году, ко времени переписи, жила у сына Рэфозла-Залмана.

В 1905 году Залману (Рэфозлу-Залману) Лейбовичу – 75 лет, а Абраму Янкелевичу – 70 лет. Нашей бабушке Хае-Лее, дочери Рэфозла-Залмана, 39 лет, она замужем за Соломоном Бутманом, у них уже сын Мендель, дочери Эстер-Гайла и Фейга.

В списке мещан Невельского уезда, в книге «Землевладения и земледельцы Витебской губернии в 1905 году», находим жителей Ильюшкино, вписанных как владельцы земли, указанной в десятинах, под соответствующими номерами.

	удобной	лес	неудобная	итого
№ 300 Хролов Абрам Янкелевич	5	–	1	6
№ 301 Хролов Залман Лейбович	11	–	4	15
№ 302 Хролов Лейба Моисеевич	11	–	4	15

Все иудейского вероисповедания.

По этой же книге в Ильюшкино числятся:

№ 51 Вольняго Яким Ефимович, православный, владеет 6 десятинами удобной земли.

№ 144 Либо Иоганн Карлович, лютеранин, владеет в десятинах, удобной – 11, леса – 1, неудобной – 1, всего 13 десятин.

Написание имен и фамилий сохранено, как и в книгах.

Хроловы Абрам Янкелевич и Залман Лейбович входили в перепись 1882 года. Лейба Моисеевич в эту перепись не вошел.

Исходя из этих документов, с большой долей вероятности, можно предположить, что деревня Ильюшкино, была основана в самом начале 18-го века отставным солдатом Ильей Хроловым – нашим пращуром. Он получил земельный надел в 50 десятин в мало заселенной местности тогдашнего полоцкого края.

Поставленный Ильей просторный дом находился на берегу речки Спастьрка. Вокруг дома трудолюбивый новоявленный землевладелец разбил плодовый сад и огород. Вскоре рядом появилось еще несколько домов. Земля была плодородной, луга обильными, а в речке Спастьрка и в небольших озерах поблизости в изобилии водилась рыба. Вскоре в семье бывшего солдата появились дети, а потом и внуки.

Судя по материалам переписи 1882 года наша пра-пра бабушка Бася Давидовна 1792 года рождения, родилась в Ильюшкино у внука пращура Ильи-Давида. Ее старший сын Залман (Рэфозл Залман) Лейбов и, по видимому, племянник Абрам Янкелевич Хроловы унаследовали землю и дома своих родителей. Так что прослеживается 10 поколений рода

Хроловых-Бутманов:

1-е поколение – Хролов Илья, род. около 1670.

2-е поколение – рождения 1720-1730 г.г. – сведения отсутствуют.

3-е поколение – внук Ильи-Давид, рождения 1760-1765 г.

4-е поколение – пра-пра бабушка Бася Давидовна, 1792 г.рожд.

Лейба Хролов, 1780-85 г.рождения.

5- поколение – прадед Хролов Залман (Рэфозл-Залман) Лейбов 1834 г. рождения.

6-е поколение – бабушка Хая-Лея Хролова 1866 г. рождения, после замужества – Бутман. Муж – Соломон Бутман, невелиский мещанин.

7-е поколение – Фейга, 1895 г.рожд. и наши родители – Ганя Соломоновна, рожд.1898, Мендель Соломонович- 1900 г., Лев Соломонович – 1906 г., Давид Соломонович – 1907 г., Зиновий Соломонович – 1910 и Борис (Хаим-Бер) – 1911 г.

8-е поколение – авторы этого сборника – Захар Израилевич, Соломон Израилевич, Михаил Израилевич, Леонард Израилевич, Илья Давидович и их сестры и братья.

9-е поколение – наши замечательные дети.

10-е поколение – наши совершенно замечательные и гениальные внуки и внучки.

Почти 300 лет миновало с той поры, как новоявленный землевладелец Илья Хролов начал строить свой дом в будущей деревне Ильюшкино. Рождались и вырастали дети. Одно поколение сменяло другое. Но маленькая деревенька Ильюшкино крепко вросла своими корнями в родную землю.

Суровые испытания войн, эпидемий и смут обошли деревеньку стороной. И только в XX веке Ильюшкино поневоле оказалось на перекрестке судьбоносных событий: Октябрьского переворота, развала Российской империи, гражданской войны.

В поисках лучшей доли деревню покинули ее молодые обитатели, а потом за ними потянулось и старшее поколение. Начавшаяся война 1941-1945 г.г. застала деревню почти забытой богом и советской властью. В ней проживало к июню 41 года лишь несколько семей, к несчастью, в том числе и еврейских.

Об исчезновении нашего родового гнезда Ильюшкино, и о печальном эпилоге ильюшкинской Истории мы рассказываем на следующих страницах.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ ИЛЬЮШКИНСКОЙ ИСТОРИИ – ИСЧЕЗНОВЕНИЕ С ЛИЦА ЗЕМЛИ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ

В послереволюционные годы в результате всех большевистских передрог: коллективизаций, укрупнений мелких деревень, раскулачиваний и, как следствие, разорений и голода, многие жители стали покидать эти когда-то оживленные и сравнительно благополучные места. Бежали в города, в первую очередь, в Ленинград.

В результате, и наша родная деревня Ильюшкино перед Отечественной войной обезлюдела и фактически исчезла с лица земли, а затем и с географических карт.

Мы пытались найти деревню на послевоенных картах Псковской области, изданных в масштабах 2 км в 1 см. Использовали воспоминания дяди Левы, который писал, что расстояние от Ильюшкино до волостного центра Рыкшино – 3 км., и до станции Маево – 5 км.. Значит, если циркулем в масштабе карты сделать окружность радиусом 3 км. из Рыкшино и 5 км. из Маево, то на их пересечении должна находиться Ильюшкино. А какая из двух точек пересечения – наша деревня, можно определить по движению процессии, провожающей Фейгу в Америку, о чем в письме к брату Хаим-Беру сообщал Лева в 1954 году: «Сестру Фейгу в дальнюю дорогу провожали от Ильюшкино через Кушки и Сильвестрово». Эти деревни на карте обозначены были.

В итоге мы находим карты, где Ильюшкино обозначена.

Но мы продолжили поиск старых карт, где, возможно, будет обозначена Ильюшкино. Таких карт, из выпущенных после 1917 года, не нашлось. Листаем «Справочник по истории дореволюционной России», в котором обнаруживаем, что в 1792-1871 годах были изданы атласы губерний Российской империи.

И вот в отделе картографии РБН находим многостраничный том, посвященный Витебской губернии, изданный в 1858 году, масштаб: 3 версты в дюйме, т.е. почти 1 км в 1 см. Счастливый момент. Видим Ильюшкино и все знакомые нам, а также по рассказам родственников, деревни. В отделе обслуживания заказали ксерокопии территорий Рыкшинской волости, а также фонаревских мест Люцинского уезда.

Ведь все это в Витебской губернии. Отксерили и скомпоновали участки карты с местами поселений Бутманов, Хроловых и Фонаревых. Сверили названия деревень на этой карте с названиями на карте Псковской области 1980 года. Многие деревни, указанные на карте 1858 года, есть и

на карте 1980 года, но, увы, уже не все.

Создается впечатление, что карта 1858 года более точная, да и масштаб 1 км. – 1 см. в 2 раза крупнее масштаба карты 1980 года.

На прилагаемой карте Пустошкинского района, изданной в 1980 году, показана железная дорога, проходящая через Пустошку, а также через станции Забелье и Маево.

На этом мы заканчиваем повествование об истории деревни Ильюшкино, увы, окончательно исчезнувшей с лица земли и со всех карт, и оставшейся теперь только в нашей памяти.

* * *

Часть I: Глава 2

ЭПИЗОДЫ И СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ИЛЬЮШКИНО

ХАЯ-ЛЕЯ РАССКАЗЫВАЕТ ДЕТЯМ О ПРАДЕДУШКЕ ЛЕНКЕ (ЛЕЙБЕ) И О СВОЕМ ОТЦЕ РЭФОЭЛЕ-ЗАЛМАНЕ

Летом братья Лева и Мендель приезжали в родной дом, который, по сравнению с мрачной атмосферой в ешиботе, был для них настоящим раем. Их мать, Хая-Лея, радостно встречала своих старших сыновей. В родительском доме было хорошо и весело. За околицей привольно и свободно: вышел из деревни и пошел гулять по рощам, лугам и оврагам, завернул на речку и искупался. Хорошо рано утром бродить с матерью по лесу, собирать грибы и ягоды. А как здорово по очереди с отцом пахать сохой или рано утром, по росе, косить траву.

Хая-Лея обладала феноменальной памятью и была мастерицей рассказывать захватывающие истории из прошлого. Однажды она поведала детям о их прадедушке Ленке (Лейбе) и о своем отце Рефоэл-Залмане.

Прадедуска содержал корчму, славился силой и двухметровым ростом (старший брат Мендель ходил на него обликом и мощью), был грозой для разгулявшихся земляков, которые приходили отведать спиртного. Если кто-нибудь из них после изрядной выпивки начинал буяннить, то стоило ему услышать, что Ленка идет, как он тут же успокаивался. Лейба ходил своей могучей силой на библейского Самсона. Землю он обрабатывал так, что если не под силу было лошади, то впрягался сам, и пахота продолжалась. Если борона не брала глыбы земли, то Ленка разбивал их ногами. Прадед прожил до ста лет, захватив почти весь XIX век.

Дедушка Рэфоэл-Залман – человек другого склада, он был известен как знаток талмуда, славился добротой и трудолюбием. Хотя Рэфоэл-Залман и продолжал работать на земле, но страстно любил лошадей. Пристрастие дедушки к этим животным вошло в легенду. Он покупал

тощих и слабых коней, выкармливал и выхаживал их, что редко приносило доходы. Его жена, бабушка Геня, запрещала Рэфоэлу-Залману этим заниматься. Страстью дедушки пользовались цыгане, которые путем хитроумных обменов сбывали ему полудохлых кляч.

Бескорыстие дедушки было известно далеко за пределами его волости. Симпатию к нему питали даже некоторые местные помещики. Они охотно предоставляли Рэфоэлу ночлег при его разъездах, помещая гостя на теплую лежанку русской печи, зная, что проснувшись, он будет великолепно петь задушевные канторские песни.

Однажды дедушка заехал к знакомому помещику на захудалой кляче, которую втюхали ему цыгане. Барин был в прекрасном настроении, ему очень хотелось позабавить гостей:

– Рэфоэл, – сказал он, – я хочу поменяться с тобой лошадыми, но уговор, ты не должен пока моего коня видеть. По рукам?

Дедушке пришлось согласиться. Разве можно было перечить помещику?

Когда ударили по рукам, помещик вытащил из-под стола игрушечную лошадку и, присовокупив к ней 25 рублей, под хохот гостей, отдал дедушке.

Рефоэл-Залман сделал вид, что он очень обижен. Но что поделаешь, уговор есть уговор! Забрав игрушку и деньги, дедушка пошел домой, не выказывая барину своего удовольствия, ведь кляча обошлась ему всего лишь в 6 рублей.

ЛЕВУ БУТМАНА ОТДАЮТ В ЕШИБОТ. ПРОВОДЫ. УЧЕБА И ЖИЗНЬ НАХЛЕБНИКОМ

Хая-Лея и Соломон решали судьбу подрастающего сына.

– Левушке 10 годков. Смысленный мальчик, пора пристроить его в ученье.

– И правда, – согласился Соломон, – отдадим его в подмастерье к чаровых дел мастеру или пусть выучится на закройщика.

Но на родительские планы решительно наложила вето бабушка Геня:

– Не пушу внука в ремесленники. Наш умный мальчик должен стать раввином, а поначалу учителем священного писания. Пойдет в ешибот!

Возражать Гене было опасно, да и совет показался неплохим. К тому же благополучие семьи в немалой степени зависело от бабушки. По ее желанию уже учился в религиозном училище старший сын Хай-Леи и

Соломона – Мендель.

Лева был седьмым ребенком в семье, однако его появление на свет вызвало у бабушки Гени особый восторг:

– Славного парня ты родила, – говорила она дочери, принимая малыша после родов, – на брит-милу устроим настоящий пир.

Так и произошло. На восьмой день рождения Левы съехались гости со всей округи, новорожденному предрекли славное будущее.

В СВЕТЛЫЕ ДАЛИ

Первым шагом в светлые дали стала для Левы поездка в губернский город Витебск для учебы в ешиботе. Сборами Левушки занимались всем домом. Старшая сестра Эстер кроила и обшивала брата, Хая-Лея выпекала сдобу и готовила сладкие сухарики, бабушка Геня успела съездить в Великие Луки к дочери Марьясе, от которой привезла ворох поношенной, но вполне пригодной одежды. А главное, бабушка не поскупилась и купила любимому внуку новенькие ботинки со скрипом. Левушкиному восхищению не было предела.

Близилась ночь, а бабушка Геня не выпускала из рук молитвенник. Она просила господу ниспослать любимому внуку прекрасную долю, внести в его книгу судеб счастливую запись.

Молодежь нередко покидала Ильюшкино в поисках лучшей доли. Это было в порядке вещей, достаточно привычно и буднично. Но проводы на учебу в ешибот становились событием. Недавно радовались, когда Соломон и Хая-Лея провожали в религиозное училище Менделя, и вот снова торжество. Попрощаться с Левушкой и пожелать ему успехов пришли родственники и односельчане:

– Чем судьба не шутит, а вдруг из нашей деревни выйдет прославленный раввин, как знаменитый ребе Шнеерсон.

Во всяком случае, раввин, это вам не сапожник и не портной, даже не столяр или часовщик. Пусть по части библейских законов ильюшкинские евреи и так слыли знатоками, но ученый раввин – это совсем другое дело.

Пришел наставить юного земляка на добрый путь в божью науку сапожник Илья Моисеевич. Его почитали в деревне как обладателя красивого баритона, в синагоге Илья успешно выполнял обязанности кантора. В лапсердаке, с благообразной бородой и длинными пейсами, высокий и статный, он производил своим пением очень благостное впечатление.

Совсем в ином виде предстал на проводах старший брат Ильи – Лей-

ба. Он пришел в закатанных по щиколотку штанах, босой, со следами глины, которую месил у богатого соседа. Лейба часто бедствовал, и готов был за двугривенный сбегать для Ильи в Невель за сапожными гвоздями, пройдя туда и обратно 80 верст. Он жил в нужде, но был гораздо добрее своего зажиточного, но скуповатого брата.

Пришел и Хацкель Хролов, известный не только как отличный пахарь, но и как превосходный мастер-стекольщик. Его богобоязненная жена Песя сказала:

– Давно пора отправить в ешибот наших сыновей – Янкеля и Залмана. Но ты упрямо учишь их своему ремеслу. Побоялся бы бога...

– Бог знает, что кому-то надо быть и ремесленниками, – отозвался муж.

Глубоко религиозная Песя, управляя домом, опекала большую семью Стерны, сестры Ильи и Лейбы, которая осталась вдовой. Песя постоянно занималась благотворительностью. Не щадя себя, она объезжала соседние деревни, собирая деньги, вещи и продукты для бедных. Бывало, что и ее семья недоедала, дети ходили в заплатанной одежде, но Песя не оставляла свое святое дело.

Пришел сказать свое напутственное слово родной дядя Михель Иоффе, невысокий, с окладистой бородой. Он достал табакерку, не спеша сделал из самосада самокрутку, высек кресалом искру и сладко затянулся, после чего поведал племяннику о богатых духом богатырях, отправлявшихся в путь за волшебным кладом. Для Левы таким кладом станет знание священных книг. Истории Михеля слушали все ильюшкинцы. Помимо того, что он был интересным рассказчиком, Иоффе открывал землякам секреты садоводства. В этом он был непревзойденным мастером. Подобно Мичурину, Михель выращивал в своем саду вишни, груши, сливы и яблоки, которые не боялись заморозков и давали богатые урожаи. А вот в торговле дегтем Иоффе конкурентов не терпел, заверяя всех, что его товар самый лучший на белом свете. Михель объезжал окрестные деревни в упряжке, запряженной кобылой, поражавшей таким же крутым норовом, как и ее хозяин. Если поездка оказывалась дальней, и Иоффе останавливался на ночлег, то послушать его диких историй о разбойниках и храбрецах, проповедниках и книжниках, собирались и стар, и млад. Добро у Михеля всегда побеждало зло.

Бабушка Геня, опираясь о палку и с трудом передвигая ноги, подошла к подводе, вокруг которой уже хлопотала родня, укладывая пожитки будущего ешиботника. Бабушка всплакнула, обняла внука и торжественно

вручила ему пять рублей, очень немалые по тем временам деньги, на личные расходы.

– Будут силы, без помощи тебя не оставлю, – пообещала она.

Геня не знала, что видит внука в последний раз. Ее здоровье было подорвано непосильным грузом, который она несла как тяжкий крест, будучи наследницей дома и сельхозугодий, заботясь о своем многочисленном потомстве. Бабушка крепко держала в руках хозяйство, но если надо было помочь кому-то из родственников, никогда не скупилась.

После отъезда Левушки бабушка слегла. Годы, труды и заботы взяли свое, она скончалась на девятом десятке.

ТОЛКОВЫЕ РЕБЯТА

Едва старшая сестра Эстер-Гайла, провожавшая брата до Витебска, с ним распрощалась, как Леву окружили юные талмудисты.

– Угощайтесь, – произнес простодушный абитуриент, развязывая мешок с гостинцами. Повторять не пришлось. Оставался еще чемоданчик с домашней снедью. Но едва кто-то из учеников протянул к нему руку, как появился старший брат Мендель. Он не застал сестру, так как прислуживал раввину в синагоге, но постоять за Леву и его багаж успел. Высокий, с густой шевелюрой, Мендель был очень сильным. Завязалась потасовка, и только крик «раввин идет» прекратил ссору.

Жила религиозная школа за счет благотворительности состоятельных прихожан. Делились продуктами и бедные горожане. Некоторые были не прочь обойти нужды ешиботников стороной, но боялись божьего гнева. По наставлению раввинов, ученики и сами обходили еврейские дома, собирая нехитрую снедь и денежные подаяния. Жизнь за счет благотворительности была полуголодной и жестокой. Зачастую, вместо доброго слова, мальчикам доставались подзатыльники. Спали на скамейках или столах. Но и такие «удачные» постели доставались лишь «старожилам», а новичкам из приготовительных групп приходилось располагаться на полу. Именно на таком ложе Лева свой первый учебный год и провел.

Авторам этой книги приходилось неоднократно беседовать и с другими бывшими ешиботниками. Те рисовали иную, гораздо более благополучную картину. Мы думаем, что наш дорогой дядя Хаим-Бер, обо всем этом рассказавший, являвшийся поборником коммунистической идеологии, был просто отравлен антирелигиозной пропагандой.

Разлука с домом и горькие уроки полуказарменного бытия сделали

Леву самостоятельным человеком. В трудные минуты он даже не обращался за помощью к старшему брату, который был заметной фигурой в ешиботной иерархии и смог бы оказать помощь. Лева к этому времени усвоил основной закон ешибота – на бога надейся, а сам не плошай, обходишь своими умом и силами. Мальчик научился переносить голод и невзгоды, упорно читал Пятикнижие.

Ешиботники питались, в основном, в домах прихожан. Первый опыт Левиного общения за чужим семейным столом оказался не из приятных. Хмурая и скупая хозяйка не очень жаловала непрошеного гостя, а то и просто запирала перед его приходом дверь, что заставляло Леву ложиться спать на голодный желудок. С надеждой ждал мальчик, когда же его переведут к другим хозяевам. В результате, был вознагражден, попав в доброжелательную семью Бернштеци. Здесь над ним взял шефство сын хозяев – гимназист Арон:

– Для начала почитай греческие мифы про Геракла. Потом попробуем заняться другими предметами.

Так, под опекой Арона ешиботник увлекся русским языком, прочитал пушкинские сказки в стихах, повесть «Дубровский», освоил арифметику, азы аглебры и геометрии. Арон только удивлялся тому, как Лева быстро схватывает гимназическую науку. Мальчик рассказал об этом однокласснику.

– Лева Бутман, говоришь? Так это же младший брат Менделя, который столовался в нашей семье. Он тоже за год освоил программу двух ступеней гимназии. Толковые ребята.

УСПЕТЬ К СУББОТНЕЙ МОЛИТВЕ. БАБУШКА ГЕНЯ

После очередной неудачной попытки устроиться за чертой оседлости, семья Соломона Бутмана опять возвращалась в родные места. Соломон усердно погонял лошадь. Он и его жена Хая-Лея торопились вернуться в деревню до захода солнца. Упаси бог застрять в дороге до наступления субботы. Но повозка продвигалась медленнее, чем им хотелось. Колеса то с трудом переваливались через ухабы, то с натугой выползали из топкой лужи.

Но вот-вот за пригорками покажется земля предков. Первыми ее заметили мальчишки. Повозка бодро въехала в родную деревню Ильяшкино.

Закатные солнечные лучи еще озаряли ряды домов с соломенными крышами, но за окнами уже пробивались огоньки керосиновых ламп.

Оставались минуты, чтобы успеть соблюсти закон субботы. Когда путники переступили порог дома, от сердца отлегло. Отставив медные подсвечники, навстречу им поспешила бабушка Геня. Выскальзывая из ее рук, внуки заполнили дом весельем и шумом.

– Вот бесенята, – с чуть заметной обидой в голосе сказала бабушка, обнимая дочь, – даже поцеловать себя не дали.

– Не сердись, мама, – улыбнулась Хая-Лея, – ты же знаешь, молодое вино сильно бродит. Скоро успокоятся и усядутся вокруг тебя слушать сказки.

– Хорошо, а пока позови Соломона, пора уже браться за вечернюю молитву.

Дети немного притихли, но продолжали играть в просторных бабушкиных хоромах, в которых Геня после кончины Рэфозла-Залмана стала полновластной хозяйкой.

– Хозяйство живет в одном кулаке, иначе его разнесут на мелкие части, – говорила бабушка.

Своим замужним дочерям, в том числе и Хая-Лее, даже в качестве приданого, Геня ничего из семейных наделов не отвела.

Только один раз единоличной хозяйке пришлось под нагиском, как говорят сейчас, общественности, проявить милость к своей племяннице Стерне. Молодой вдове с кучей детей тетушка отвела участок на заброшенном пустыре. Стерна была счастлива поставить на собственной земле небольшой дом и распахать целину под огород.

В ПОИСКАХ КЛАДА

Наш добрейший дед Соломон был больше мечтателем, чем человеком практичным. Он искренне желал, чтобы его семья жила в достатке, а в доме царили радость и спокойствие. Вероятно, Соломон смог бы для этого что-то сделать, если бы в его характере не боролись противоположности: сила и слабость, ум и предрассудки. Во время торговых разъездов дедушка наслышался о таинственных кладах, которые помогли счастливым разбогатеть и выбиться в люди. Правда, его предостерегали, упаси бог найти заколдованный клад. Подобное произошло с одной женщиной, у нее сразу отнялись руки и ноги. Но страсть к поиску клада так овладела Соломоном, что он поделился заветным замыслом с другим мечтателем, соседом Василием Шагиным. Оказалось, что и тот вынашивал такие же планы. Мало того, Василий тут же выложил Соломону важнейшее ус-

ловие кладоискательства – в промысле должны принимать участие два бедняка и один зажиточный мужик. Первые двое были налицо. А выбор третьего выпал на Ваньку Бурило, состоятельного односельчанина. Иван, естественно, возжелал разбогатеть еще больше.

Как-то, проходя через сени, Хая-Лея обратила внимание на металлический предмет, прислоненный к стене. Пришлось Соломону поделиться тайной и с женой:

– Это шуп. Он поможет нам найти клад, и тогда мы, наконец-то, выберемся из нужды. Я уже подыскал компаньонов, надежных людей. Клад разделим на троих, наша доля будет немалая.

– Дай бог оправдаться твоим словам. Но не рано ли делить шкуру не убитого медведя?

Слова жены Соломон пропустил мимо ушей. Он со своими партнерами всю уже исследовал окрестности, используя слухи и легенды о запрятанных в землю сокровищах. И вот в ночь с субботы на воскресенье телега с тремя седоками, шупом, ломом и лопатами отправилась на заброшенный хутор, которым владел когда-то богатый купец.

Воздух был насыщен зноем минувшего дня, но чем дальше продвигались путники, тем гуще сходились тучи. В десятке метров от забитого колышка вдруг завыл ветер, дрогнул кустарник и разом хлынул ливень. Искатели едва успели скрыться в старом сарае. Когда буря утихла, Соломон заметил:

– Примета не из приятных. Может быть, вернемся?

Но подельники уже бежали к холмику, под которым, они в этом не сомневались, был зарыт клад. Поспешил к нему и Соломон. Меняя друг друга, троица копала землю. Ветер не стихал, и над ямой как будто пронеслась нечистая сила: раздавался то звон колокольчиков, то волчий вой... Наконец, лопата уперлась во что-то твердое, при свете фонаря мелькнула узорчатая крышка чугунного котелка. Бутман торжествуя поднял голову, и, о ужас! Он увидел, как Иван Бурило, пыхтя, вытаскивал из-под полы топор. Зловещая физиономия богача не оставляла сомнений в его намерениях. Соломон, словно подброшенный пружиной, выскочил из ямы и бросился к подводу. В нее уже вскакивал посиневший от холода и страха Васья Шагин. Лошадь помчалась, телега затарахтела. Злодей остался наедине с находкой.

Хая-Лея не смыкала глаз, ожидая мужа. Тот появился без кровинки в лице. Супруги откупорили бутылочку наливки.

– Лучше синица в руке, чем журавль в небе, – заключила Хая-Лея, вы-

слушав страшную исповедь Соломона. – Придется занять деньги у знакомых лавочников. Была бы голова на плечах, а достаток придет.

ЗА СОВЕТОМ К МУДРОМУ РЕБЕ ШНЕЕРСОНУ

Неудачи следовали одна за другой. Семья бедствовала. И вот однажды Соломон решил обратиться к известному ребе Шнеерсону. Для этого пришлось проделать немалый путь до города Любавичи.

Игра, как сказал потом Соломон, стоила свеч. Он был поражен колоритной фигурой раввина, величественности которому прибавляли окладистая борода и орлиный взгляд умных глаз, в которых светилось больше доброты, чем строгости. Еще в приемной, ожидая очереди, Бутман наслышался о пронизательном и остром уме ребе. Бывалые ходоки предупредили, что Шнеерсон не любит многоречивых прихожан. Одно из его изречений гласило: «Тот, кто говорит долго, не рассказывает ничего». Поэтому на приеме Соломон был краток, он отбросил все, что не относилось к сущности дела, например, черту оседлости, которая стояла как глухая стена на пути еврея. Выслушав ильюшкинского ходока, Шнеерсон улыбнулся. Подобные истории ему были знакомы.

– Послушайте моего совета, – сказал ребе, – поезжайте домой и перестаньте скитаться по свету. Плетью обуха не перешибешь, с царями не поспоришь. Передайте теще от моего имени, чтобы она позволила пристроить к ее дому трехстенку, да попросторнее. Ведь и камень обрастает, если лежит на одном месте.

– Согласен, уважаемый ребе, но под лежачий камень вода не течет. Я к тому, что моя теща властный человек, – смиренно заметил проситель.

Но Шнеерсон успокоил своего гостя:

– Да снизойдет на тебя благословение божие. Счастье тебя найдет. Придет и к тебе удача.

Вскоре властная теща скончалась. Семья смогла перебраться в просторные хоромы.

«Может это и стоит считать удачей», – подумал Соломон.

ВЕСТИ О РЕВОЛЮЦИИ.

МЕНДЕЛЬ ИОСИФ – ВЕСЕЛЬЧАК, ГУЛЯКА И БАРАБАНЩИК

Весть о том, что Матушка-Русь осталась без царя, первой принесла своим ильюшкинским землякам Татьяна Вольнягина, по прозвищу Вих-

ра. Она услышала эту сногшибательную новость на богомолье в волостном центре – селе Рыкшино. Там же Татьяне довелось узнать как перемену власти использовали в свою пользу крестьяне из деревни Подбельской в имении Коробцево. Они, не мешкая, поделили барскую землю.

– Батюшки-светы, – не унималась Татьяна, – только мы вышли из церкви, как увидели толпу мужиков, кричавших: «Долой царя!» Кто же теперь будет править государством, не те ли разбойники и голытьба?

– Не надрывайся, и без царя проживем, – успокоил землячку Сашка Миккель, который почти три года провел на фронте.

– И чему радуешься? – вмешался мудрый Хацкель. – Вот уж посмотрим, что они натворят.

– Если власть перейдет к народу, то многие безобразия прекратятся, – не согласился Миккель. – Сколько вы, Вольнягины, по судам таскались, чтобы отстоять свои кровные шесть десятин! А теперь на мироедов управу найдут.

Дядя Михель засомневался, сказал, что без царя нельзя – ведь молитвы за здоровье государя и его августейшей семьи обязательно возносятся при каждой службе.

– Не бери в голову. Вместо здоровья помолимся за упокой, – поставил точку в споре сын Михеля Иоффе – Мендель.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

О Менделе ходили легенды. Он только что вернулся из Новоскольников, куда вынужден был отвезти детей к родителям жены. Семейную кормилицу, корову, он накануне проиграл в карты. Пристрастился к этой азартной игре в Одессе, куда родственники пригласили его учиться на портного. Ремесло он освоил прекрасно, получил даже рекомендацию работать в мастерской, обслуживающей придворную знать. Такое признание могло бы сделать его семью благополучной и обеспеченной. Однако в Петербурге эти надежды рухнули. Мендель повадился ходить во Владимирский клуб, где за карточными столами сражались не только профессионалы, но и шулеры. Там Иоффе спустил приданое супруги.

И все таки золотые портновские руки остались при нем. Они и помогали содержать многочисленную семью. Человек бывалый, остроумный, занимательный рассказчик, Мендель располагал к себе окружающих. Приходила удача, и его щедрости не было конца. Но находясь в проигрыше, портной мог обмануть и родственника, и близкого друга.

Несмотря на это, когда Иоффе попал в компанию, ему все прощалось. Балагур, знаток множества анекдотов, он развлекал детей и стариков, мужчин и женщин. Привязались к Иоффе и его двоюродные братья – тезка Мендель и Лева.

Истории Менделя Иоффе стали, можно сказать, народным творчеством. Они из уст в уста передавались на деревенских ярмарках, расходились по окрестностям. Особенно веселил рассказ Менделя о том, как он вызвался заменить ротного барабанщика. А дело было так.

В первую мировую войну солдат Иоффе не вылезал из окопов. И тут представилась такая возможность.

– Кто умеет играть на барабане, шаг вперед! – приказал командир.

Менделя как будто подтолкнула нечистая сила:

– Я умею, – объявил он неожиданно для себя.

– Молодец. Завтра будешь в строю с полковыми музыкантами, а пока шагай в казарму, осваивай новый барабан.

Взял он инструмент в руки и задумался. Что делать, ведь барабан был знаком ему лишь понаслышке? А вась пронесет, не боги горшки обжигают.

И вот по сигналу учебной тревоги новоиспеченный музыкант занял свое место. Первые такты у него получились, но через минуту палочки перестали слушаться, затарахтели как попало, неровная дробь донеслась до ротного. Он вывел Менделя из строя, с ходу закатал ему пару затрепчин, обозвал прохвостом и отправил на гауптваху. Так закончилась музыкальная карьера Иоффе, а солдатская продолжалась до семнадцатого года. С фронта он принес георгиевский крест и медаль за отвагу. Так что Мендель не посрамил родную деревню Ильюшкино и своих земляков.

ГОЛОД В ДЕРЕВНЕ. НА ПОКЛОН СЕМЕНАМИ И ХЛЕБОМ НАСУЩНЫМ. ХАЯ-ЛЕЯ МЕНЯЕТ ПЛАТОК НА ХЛЕБ.

Наступила весна и пришла пора сеять яровые, а семян у бедняков не оказалось. Пошли они на поклон к мироедам. (Для бедняков Бутманов, да еще в том революционном угаре, каждый крепкий крестьянин, даже не пользовавшийся наемным трудом, получал прозвище «мироед»).

Хацкель успел уже побывать у кушковского мироеда Архипа и выпросил у него на кабальных условиях два пуда ячменя. Посоветовал Хацкель и своему соседу Соломону к нему сходить, а вась и «выручит». Пришел Соломон к Архипу с поклоном.

– Архипушка, дорогой, выручи, яровой клин у меня остается не за-

сеянным.

– Да что ты, Соломон, – отозвался Архип, – я и сам с горем пополам сев закончил.

– А может быть, картошку на посадку одолжишь?

– Я сам за медок скушал бы картошку.

Так и ушел Соломон не солоно хлебавши. А когда пришло время, и Архип был раскулачен, то понадобилось несколько подвод, чтобы управиться с вывозкой всякого его накопленного добра в рыкшинский сельсовет.

– Что же делать? – подумал пахарь, но тут же сообразил, что выручить его из беды может только крестьянин из хутора Барок. И поспешил Бутман к нему.

– Кирилл Ефимович, – чинно обратился Соломон к зажиточному крестьянину, – одолжи ячменя или овса на посев. Осенью отдам в два раза больше, долг, как говорится, платежом красен.

Хуторянин усмехнулся и изрек:

– Нет, дорогой земляк, – от меня ни ячменя, ни овса не увезешь, у самого в обрез.

Только благодаря комбеду часть ярового клина была засеяна.

Учеба в религиозной школе у Левы шла успешно, и быть бы нашему герою раввином, но надвигающиеся грандиозные события не дали этому свершиться. Революция всколыхнула народные массы, привычные устои начали трещать по всем швам. Перестал существовать и ешибот, поскольку зажиточным попечителям пришлось бежать без оглядки. Разбрелись и их подопечные. Лева со своим старшим братом Менделем вернулись в то время, когда повсеместно стал наступать голод. Это было в тяжелые дни Гражданской войны. Сначала родители обрадовались приезду своих старших сыновей, но кормить им их было нечем. Вместо хлеба с солью на столе стояла большая миска с похлебкой из жмыха. Но никто до нее не дотронулся, вся семья сидела у стола и чего-то ждала. Горше всего на душе было у матери, ведь этот дом испокон веков славился своим гостеприимством. И вот дожили до того, что даже собственных детей нечем досыта накормить. А те, не дождавшись нормальной еды, начали стучать ложками и требовать хлеба. Тогда глава семьи и выложил горькую правду о том, что все запасы иссякли. Оглядываясь на прибывших сыновей, вздохнул:

– Вот еще два едока добавилось, когда и малышей кормить нечем.

Соломон был не в духе. Поникнув головой, он сидел в своем изношен-

ном, старомодном, черном кресле, которое досталось ему в наследство еще от деда, и неистово сокрушался на новые порядки, обвиняя власти в том, что пока голод душит и косит бедняков, зажиточные крестьяне сыты и продразверстка их не возьмет. Пока глава семейства изливал душу, его жена, Хая-Лея, соскребла остатки гороховой муки и спекла сыновьям лепешки. Почувя запах свежего хлеба, малыши вместе со своими старшими братьями быстро с ним разделались.

А на следующий день пошли к зажиточному крестьянину, чтобы добыть у него хоть буханку печеного хлеба. В предзакатной мгле стали вырисовываться контуры хуторских построек. На стук вышел хозяин дома. Он встревожился, неужели заблудились какие-то непрошенные гости? В те годы часто налетали банды грабителей, и не только все забирали, но и пускали красного петуха. Но когда он увидел свою землячку с мальчуганом, то от сердца у хуторянина отлегло. Озябшие пришельцы вошли в дом.

– Что случилось? – спросил хозяин.
 – Дмитрий Алексеевич, не удивляйся, это голод меня к тебе пригнал.
 – Голод нынче не редкость. Ну а чем я могу тебе помочь?
 – Я не за милостью пришла, а просто по-человечески прошу тебя одолжить до нового урожая немного ржи.

Хуторянин не сразу отреагировал на такую щекотливую просьбу. Сначала он почесал затылок, потом подергал бороду и несколько раз переступил с ноги на ногу, затем махнул рукой, мол, будь, что будет, ладно уж, решусь на такую жертву.

– Хорошо, одолжу тебе пуд муки, а ты отдашь мне с нового урожая два.

– Ну что ж, пусть будет так.

Но она тут же вспомнила, что в узелке припасен красивый платок.

– Держи, земляк, пригожий подарок для твоей Марфы. Когда-то для себя покупала, думала, поношу в праздники или на свадьбу, но голод не тетка, а то бы никогда с ним не рассталась.

Хуторянин взял платок в руки, несколько раз его повернул, покрутил перед своим носом и позвал жену. А Марфа, увидев этот подарок, обрадовалась.

– Ой какой красивый!

Восторженно вырвав подарок из рук мужа, жена побежала примерять его перед зеркалом. Вскоре вернулась с огромной, примерно с полпуда, буханкой ржаного хлеба, вручила его гостям.

– Ну что, Левушка, – спросила Хая-Лея сына, – дотащим до дому?

– Дотащим, мама, ноша-то драгоценная!

Они покинули хутор, когда солнце уже поднялось над лесом и утренний туман с обильной росой улетучился; и дышать стало легко, и в душе появилась радость. Когда довольные мать с сыном явились домой, они были поражены. Оказывается, Мендель надумал пойти на призывной пункт с Залманом Хроловым, на руках у которого была уже повестка.

Узнав о намерении своего сына, Хая-Лея начала его уговаривать:

– Пойми, сынок, ведь годков для этого дела тебе еще маловато, не примут тебя добровольцем в Красную Армию.

– Примут, – возразил Мендель, – я ведь на голову выше этого призывника, – он указал пальцем на Залмана, – да и силенок у меня, дай бог, не в пример ему. Скажу, что мне уже 18 лет.

И действительно, на призывном пункте Менделю поверили и приняли его в Красную Армию. А Залману после медицинского осмотра сказали, что пусть он малость подрастет, наберет силу и повзрослеет. И отправили его домой. Менделю же дали три дня на сборы. Весть о том, что он уходит на фронт, удивила всю деревню – только что мальчишкой бегал без портков, и на тебе, идет воевать.

А в родительском доме поселилась тревога. Шутка ли, в такую пору отправлять родного сына в пекло братоубийственной войны! Как ни переживали за новобранца, но в указанный срок сопроводили его на сборный военный пункт. На дорогу напекли Менделю ржаных лепешек и пожелали ему вернуться домой невредимым.

В ИЛЬЮШКИНО ПОЯВЛЯЮТСЯ БЕЖЕНЦЫ – ЕВРЕИ С ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ. НА ОТДЫХ ПРИБЫВАЮТ КРАСНЫЕ КАВАЛЕРИСТЫ. КРЕСТЬЯНЕ ПОДРУЖИЛИСЬ С КРАСНОАРМЕЙЦАМИ. СМЕРТЬ ЯКИМА ВОЛЬНЯГИНА.

Сапожник Герш-Лейб, приехавший из Пустошки, объявил, что в Ильюшкино скоро приедут гости-беженцы. Их надобно временно приграть.

– Если не секрет, откуда такие люди взялись? – поинтересовался Хацкель.

– Они впопыхах убегают от белогвардейских банд, которые устраивают погромы, резню, грабят, убивают и пускают в ход красного петуха. Бегут они со стороны Себежа, Полоцка, Опочки. Кто в фургонах с се-

мьями, а кто пешком с котомками за плечами. Их порядочно собралось в Пустошке, а с наступлением холодов беженцы разбрелись по деревням. Я был в Пустошке и направил к вам несколько семей по своему усмотрению.

– Спасибо тебе, наш родненький человек, мы и сами голодаем, а ты нас так обрадовал, что вовек не забудем, – ответили ему земляки.

– И у них горе, война никого не щадит, и, хотя бы по мере возможности, надо беженцам помочь.

Не успел Герш-Лейб уехать, как из Пустошки явился Лева, который гостил там у своей тети. Вернулся он на фургоне с беженцами.

– Где ты их подобрал? – удивились родители.

– В Пустошке беженцев очень много. Я увидел там девчонку, которую мне стало жалко. Спросил у ее родителей куда они едут. Они, оказывается, двигаются подальше от границы, в надежде, что добрые люди на время их приютят. Тогда я взял на себя смелость и пригласил их поехать со мной к нам.

Беженцы оказались настолько симпатичными людьми и мастерами на все руки, что Бутманы не захотели с ними расставаться. Гости заново сложили лежанку так, что обогревался весь дом. А Лева подружился с их дочуркой Раечкой.

Мартовское солнце повернуло на весну. Беженцы, как птицы осенью, двинулись на юг. Не усидели дома и бутмановские гости, в начале апреля хозяева трогательно их проводили. Раечка обещала не терять связь с Левушкой, дала слово ему написать.

Не успели расстаться с беженцами, как появились красноармейцы. Усталые и потрепанные, они направлялись с фронта в бывшее имение Коробцево, где располагался военный лагерь. Рядом с солдатами шли пораженные чесоткой, изрядно польсевшие кони. Некоторые крестьяне узнавали собственных лошадей, которых не так давно реквизировали для армии.

Между бойцами и местным населением завязалась дружба, которая еще и усилилась после того, как военные стали помогать крестьянам в посевную страду. А когда подошел весенний праздник, пасха, Хая-Лея предложила пригласить на нее единоверцев из коробцевского военного лагеря. Ильюшкинские евреи эту идею поддержали. От такого предложения солдаты-единоверцы не отказались. Командование охотно их отпустило и на целую неделю выдало положенный паек. Правда, хлеб заменили фуражным ячменем, который ильюшкинцы смололи на жерновах и

спекли из этой муки мацу. Хозяева очень обрадовались, что на праздничном столе появились сахар и соль, которые ценились на вес золота.

Несмотря на голод и разруху, которые несла гражданская война, некоторые бедняки смогли при помощи Советской власти построить себе избы (простите, дядя Боря, но по свидетельству, например, Бабеля, красноармейцы не только не помогли евреям строить избы, но и просто вырезали их). Сбылась и мечта вдовы Стерны, она перешла жить в новую хату и даже заимела корову (но и здесь, дядя Боря, советская власть ни при чем, Стерна должна благодарить за это Хаю-Лею).

Татьяна Вольнягина (Вихра) и ее муж Яким дождались, когда рыкшинский священник явится к ним освящать новый дом. Его привез Татьянин брат Влас, владелец извозного двора на Обводном канале. В присутствии святого отца Влас торжественно вручил хозяевам дома икону. Клади низкие поклоны Божьей Матери и усердно крестились. Радовались и соседи, что добродушный Яким воспрянет теперь духом и заживет по человечески. Но эта радость оказалась преждевременной. Скоро снова появился батюшка, но теперь уже для отпевания хозяина, который внезапно скончался. Татьяна прижимала старенькие сапоги своего покойного мужа к груди и причитала, что он носил их 30 лет, и это все, что осталось от него на память. А как он их носил? Летом до церкви и обратно шел домой босиком, а зимой передвигался в тюнях, неся сапоги через плечо. Только в церкви их и одевал. Запомнился Яким высоченным, с седенькой бородкой. Длинный сермяжный кафтан, во рту неизменная самокрутка из крепкого табака. У изголовья покойного сидел Хацкель, нашептывая Якиму в ухо что-то таинственное. Соседи обрядили Вольнягина в последний путь как подобает. При жизни Яким никогда не был так хорошо одет, как в гробу. Всем казалось, что Вольнягин заслужил быть в раю среди праведников, поскольку на этом свете он натерпелся предостаточно.

При жизни Яким был тихим, малоразговорчивым, но магически действовал на своих соседей, не допускал между ними ссор. Эту черту он унаследовал от своего отца Ефима. Тот был настолько связан со своими соседями евреями, что разговаривал с ними на идише. Невельская религиозная община, где ежегодно появлялся Ефим по поручению своих друзей, чтобы подобрать им на Новый год кантора, и не подозревала, что он православный. Просьбу соседей Ефим выполнял превосходно. Не каждый кандидат в канторы был ему по вкусу, Вольнягин тщательно их отбраковывал.

* * *

Часть I: Глава 3

БУТМАНЫ ИЩУТ СВОИ КОРНИ.

Нам, изучающим еврейские роды Фонаревых и Бутманов, повезло, что мы встретили Гилеля Бутмана и его помощницу Милу Белицкую, исследователей бутмановского рода.

Живущая в Израиле Мила Белицкая, в девичестве Бутман, зная о работе Гилеля над родословной Бутманов, прислала ему нашу статью о Фонаревых-Бутманах.

В феврале 2006 года Захар неожиданно получил письмо из Израиля от легендарного Гилеля Бутмана. Гилель родился в 1932 году в Ленинграде и жил там, с перерывом на эвакуацию, до 15 июня 1970 года. В этот день он был арестован за попытку захвата самолета, как один из руководителей Ленинградской сионистской организации. Самолет сионисты пытались захватить потому, что это был для них единственный способ вылететь в Израиль. Операция сорвалась, а все участники оказались в тюрьме. Через 9 лет Гилель, вместе со своими товарищами, был освобожден в рамках сделки с американцами, и выслан в Израиль, где его давно уже ждали жена Ева и две дочери. Одну из дочерей жена привезла из Ленинграда, вторая родилась уже в Израиле, в результате суточного лагерного свидания. Семья живет в Иерусалиме. Гилель и его супруга Ева – пенсионеры (в Израиле Гилель работал юристом, а его жена – инженером).

Интересоваться своими корнями Гилель начал еще до ареста. После воссоединения с семьей в Израиле он оформил генеалогическое дерево Бутманов, собрал краткие сведения о своих родных, их фотографии. На графике дерева 8 кустов, 4 из них – Гилеля, 4 – Евы.

– Предмет нашего особого интереса, – говорит Гилель, – это самый левый куст на дереве – линия деда по отцу. На всех кустах сведения начинаются с прадедов, т.е. примерно с середины XIX века.

Из большого числа Бутманов, найденных Гилелем, мы взяли 100 человек, в основном, имеющих пустошкинские корни, и, возможно, являющихся нашими родственниками.

Вместе с Милой Гилель пытался разобраться в родственных связях Бутманов.

Видимо, дед Гилеля, Гаврила Бутман, Шнейор-Залман (Захар) Бутман и Меир-Лейб Бутман (он же прадед Милы Белицкой) были двоюродными братьями. Дядя Гилеля, Яков, был женат на своей двоюродной сестре Ольге Захаровне из соседнего древа, а Нина Пайкина, также из соседнего древа была замужем за Гришей Бутманом, поэтом, живущим в Санкт-Петербурге.

О ЛИНИИ ОТЦА ГИЛЕЛЯ

Дед отца, Иосиф Бутман, родился, по-видимому, в Пустошке. Его жена Мина до замужества была Щегловой. Старший сын Иосифа, Гаврила, родился примерно в 1870-м, а умер в Ленинграде в 1961-м году. До революции он занимался мелкой торговлей, после переезда в Ленинград работал продавцом в киоске. Примерно в 1875-м году у Гаврилы родилась сестра Фаня. Третьим отпрыском Иосифа стал Меир-Хаим (примерно 1880-го года рождения). Насколько Гилель помнит, он умер в тюрьме от голода, так как отказывался от некошерной пищи. Младший сын Иосифа, Яков, родившийся примерно в 1885-м году, работал в торговой сети в Ленинграде. У него был сын, тоже Яков, который появился на свет в 1925-м году и трудился в Ленинграде механиком по холодильникам. Еще один сын Иосифа, Шмуэль, оставил после себя двух дочерей – Симу и Раю. Гилель напоминает, что все дети Иосифа родились в Пустошке.

У Гаврилы было четверо детей: отец Гилеля – Израиль; дочь Анна, родившаяся в 1905-м году, в 80-е годы она уехала в Нью-Йорк, умерла в преклонном возрасте; сын Яков 1908-го года рождения, умер в Ленинграде в 1990-м году, оставил после себя приемного русского сына Леву, который работает в Санкт-Петербурге таксистом; младший сын Сергей, родившийся в 1918-м году, во время войны находился в финском плену, умер в Ленинграде в 1981-м году. Все дети Гаврилы родились в Пустошке, Анна, Яков и Сергей были инженерами.

У отца Гилеля – Израиля Бутмана, 1903-го года рождения, работавшего в Ленинграде в торговле, а затем в Утильсырье, есть дочь Людмила

Миркина, родившаяся в 1938-м году. Она живет в Хайфе, сейчас на пенсии.

У самого Гилеля две дочери. Старшая, Лиля, родилась в 1966-м году, живет под Тель-Авивом, трудится в рекламном отделе большой фирмы, воспитывает дочку Ноам, родившуюся в 1992-м году. Младшая дочь Гилеля, Геула, родилась в 1973-м году в Кибуце, живет в Тель-Авиве, не замужем, работает учительницей.

О своей жизни, в том числе и о годах заключения, Гилель Бутман написал две книги, которые были опубликованы в Израиле: «Ленинград – Иерусалим с долгой пересадкой», «Время молчать и время говорить». Гилелем Бутманом (с подключившейся позже Милой Белицкой) проделана огромная работа по исследованию рода Бутманов. Причем, почти все они уроженцы Пустошки или потомки уроженцев Пустошки, несомненно родственники Бутманов по линии Соломона Берковича Бутмана, нашего деда. Но подробности этого родства предстоит еще выяснить и уточнить.

МИЛА БЕЛИЦКАЯ, ДО ЗАМУЖЕСТВА БУТМАН

Мила родилась в 1955-м году в Ташкенте. Она потомок двух генералов – белого и красного. По линии матери Мила русская. Генералом был ее прапрадед, командовавший дивизией в битве при Бородино, его портрет помещен в галерее генералов 1812-го года в Государственном Эрмитаже. Еврейский дед Милы, Матвей Бутман, выходец из Пустошки, был командиром бронепоезда во время гражданской войны, и его звали красным генералом.

Вот что Мила сама о себе сообщила:

Мой дед Матвей Бутман (родом из Себежа) женился на Вере Аронштам из Пустошки, своей двоюродной или троюродной сестре. Во время его учебы в Москве, в академии, у них родился сын Семен. Жили они в Ленинграде, на углу Халтурина и Аптекарского. В 1934-м году дед был направлен в Ташкент, где служил начальником отдела военных сообщений Среднеазиатского округа. В 1937-м году он был арестован и, как нам совсем недавно удалось узнать, в 1938-м году расстрелян в Москве.

В книге Свердлова «Об истории еврейского героизма» написано, что мой дед похоронен в Москве на Донском кладбище.

Я попросила свою подругу это кладбище посетить. Она написала мне: «Камень, установленный в память о жертвах сталинских репрессий 1930-1941-го г.г. находится в глубине кладбища. Тут же круглый цветник площадью около трех квадратных метров. По всему этому небольшому пространству стихийно воткнуты металлические дощечки с фамилиями. Их много, а места мало. Я запомнила фамилии: Тухачевский, Блюхер, Уборевич...»

(Вот такое знаменитое соседство).

В кладбищенской канцелярии фамилия Бутман не значится. Но я все же осмелилась заказать тут дощечку с именем деда, и с оказией отправить ее на Донское кладбище.

Семен, мой отец, после ареста его родителей, попал в детдом, где пробыл примерно полтора года. Мою бабушку выпустили из тюрьмы, и ей удалось разыскать сына где-то в Казахстане. В 1943-м году Семен был призван в армию, а демобилизован в начале 50-х. Закончил в Ташкенте университет, в этом городе и преподавал математику.

Я родилась в 1955-м году. После окончания школы переехала в Рязань, где закончила радиотехнический институт. Распределена в Загорский электромеханический завод, где работала на регулировке составляющих ЭВМ ЕС. Года через три вышла замуж. Мой супруг трудился на том же предприятии. В 1994-м году мы остались без работы, т.к. завод резко сокращал производство. Тут мне неожиданно повезло, и я пару лет поработала корректором в газете «Вечерняя Рязань».

В 1996-м году пришлось перебраться в Израиль, где, параллельно учебе, я с энтузиазмом взялась за швабру. В результате упорных трудов удалось овладеть профессией компьютерного графика. Работала в разных местах, от «русской» рекламной газетенки до пристойного рекламного агентства.

Все бы так и продолжалось, если бы в феврале 2003-го года не сгорел в танке наш старший сын, который мечтал стать медработником и лечить людей. И тут мне вдруг пришла в голову безумная идея поступить в школу медицинских сестер, раз уж не довелось сделать этого сыну. Чудом я поступила и выучилась, чудом сдала экзамен – требования высокие. И вот в 50 лет начала работать медсестрой.

Про детей: Алексей родился в 1981-м году, а Борис в 1983-м – оба в Рязани. В возрасте 15 и 13 лет они прибыли в Израиль. Дети закончили школу, служили в армии. Старший – танкистом, младший – водителем. Алешин танк подорвался и сгорел в районе Газы. Борис через пару лет

после этого демобилизовался, работает сейчас на стройке. Планирует учиться дальше.

Адрес Гилеля Бутмана: Hillel Butman, Even Shmuel st, 35/3, 97230, Ramot-2, Jerusalem, Israel Телефон: 972-2-596-57-84

Адрес Милы Белицкой: Mila Belizky, Hershfeld str, 21/13, Rishon Lezion, Israel

* * *

Часть I: Глава 4

НАША МАЛАЯ РОДИНА. НЕВЕЛЬ. ПУСТОШКА.

В этой главе мы вновь обращаемся к истории тех мест, где когда то поселились и обитали наши далекие и более близкие предки.

ГОРОД НЕВЕЛЬ. О ЕВРЕЙСКОМ НАСЕЛЕНИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Город Невель, описание которого дано на начало XX века, органично связан с Пустошкинским краем. До образования Пустошкинского района эти места входили в Невельский уезд Витебской губернии. В те времена многие евреи, в том числе наши Хроловы и Бутманы, входили в мещанское и другие сословия, приписанные к Невелю.

Жизнь многих пустошкинских евреев оборвалась именно в Невеле, на «Голубой даче», о чем говорится в материалах об уничтожении евреев в этом районе.

Уездный город Невель.

Любопытные сведения об уездном городе Невеле взяты из книги «Список населенных мест Витебской губернии на 1905 год»:

Невель (с пригородами: Вараксино, Кухарено и Мурованкой) расположен при озере Невельском и по обоим берегам р. Еменки (прит. р. Ловати).

Величина заселенной площади около 210 десятин.

Улиц – 28, переулков – 10; протяженность мощеных улиц около 4 верст.

Переулки не мощеные, тротуаров, мощеных булыжником, около 8 верст; площадей – 6 и 2 сада, площадью 5 десятин.

Домов каменных – 232, деревянных – 1222; крыто железом – 29, деревом – 1163.

В Духовной Ивана Грозного Невель упоминается в числе городов, основанных в его царствование. По всей вероятности, Грозным была построена только крепость, сам же город существовал уже раньше. В конце XV века Невель принадлежал Ивану и Михаилу Невельским. Находясь на границе, Невель часто переходил из одних рук в другие. В 1562 году им овладели, после ожесточенной битвы, русские, в 1580 г. Невель был взят поляками, причем деревянный замок был взорван, частично сожжен. В 1582 г. по мирному договору Невель был возвращен России. Затем он вновь достался Литве. В 1654 г. Невель был опять взят русскими войсками, но в 1678 г. возвращен Польше. В 1772 г. Невель был присоединен к России. В 1773 г. стал уездным городом Полоцкой провинции Псковской губернии. В 1777 г. вошел в состав Полоцкой губернии, которая с 1802 г. переименована в Витебскую.

Освещается город 110 керосиновыми фонарями.

Водопровода нет, город пользуется водою из реки и озера.

Нечистоты вывозятся в бочках.

Имеется пожарная команда и вольно-пожарное общество. Пожарных машин – 8, бочек – 16.

На бойне убивается ежегодно до 4000 голов разного рода скота.

Церквей православных – 2, мужской монастырь – 1, костел – 1, часовень – 4, кладбищ – 3. (Почему-то о еврейских молельных учреждениях не сообщается).

Низших учебных заведений – 9, из них мужских – 6, учащихся – 14, учащихся – 596; женских – 3, учащихся – 6, учащихся – 289.

Библиотек – 2, абонентов в них – 40.

Больница – 1, на 24 кровати, приемный покой – 1 на 5 мест, аптек – 1, аптекарских магазинов – 8.

Врачей в городе – 3, ветеринар – 1, акушерок и повивальных бабок – 6, фельдшеров – 6.

Гостиниц – 6, номеров в них – 43, ценою от 50 к. до 1 руб. 50 коп., харчевен и постоялых домов – 18.

Фабрик и заводов – 10, рабочих в них – 130 чел., сумма производства – 70.000 руб. в год, ремесленников – 486 человек.

Наиболее распространенные промыслы: торговля, гончарное и шорное, торговлею занимаются до 400 еврейских семейств, гончарным – 11 человек, кирпичным – 8 человек, шорников – 50 человек.

Любопытно сравнить покупательную способность невелиского жителя 1905 года и петербуржца в 2009 году.

Считаем, что средняя зарплата современного рабочего в Петербурге – 15000 рублей, а житель Невеля получал тогда 25 рублей.

Поскольку вес продуктов в источниках указан в фунтах, то воспользуемся этой мерой и мы. Фунт равен 400 граммам.

В Петербурге приличная говядина стоит в 2009 году 300 рублей за килограмм или 120 рублей за фунт. Таким образом, при зарплате 15000 рублей можно купить 125 фунтов мяса. При тогдашней невелиской зарплате 25 рублей и стоимости приличной говядины 12 копеек, этого мяса можно было купить 208 фунтов.

Сравним теперь хлеб и сахар.

В Невеле в 1905 году хлеб стоил 3 копейки за фунт, в Петербурге в 2009 году – 18 рублей за фунт. В Невеле $2500 : 3 = 833$, в Петербурге $15000 : 18 = 833$. Как видите, никакой разницы. Сахар в Невеле – 16 копеек за фунт, в Петербурге – 10 рублей за фунт. В Невеле рабочий мог купить сахара $2500 : 16 = 156$ фунтов, в Петербурге – $1500 : 10 = 1500$ фунтов.

Итак, за свою месячную зарплату рабочий в Невеле мог в 1905 году купить:

мяса – 208 фунтов
хлеба – 833 фунта
сахара – 156 фунтов

Петербургский рабочий за свою месячную зарплату в 2009 году мог купить:

мяса – 125 фунтов
хлеба – 833 фунта
сахара – 1500 фунтов

Итак, делаем выводы, за 100 лет прогресс покупательной способности увеличился лишь по сахару. Так что наступления обеспеченной жизни еще надо подождать, хотя «сладкая» уже пришла.

КРАТКО О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОРОДА ПУСТОШКА И ЕГО ИСТОРИИ ДО 1917 ГОДА.

Материалом для статьи послужила книга об истории России «Из глубины столетий».

Пустошка – город районного подчинения, расположенный на юге Псковской области, на Великоорецкой равнине. Возник как поселок при открытой в 1901 г. станции Пустошка. Находится в 191 км. к югу от Пскова.

Пустошка – самый молодой город Псковской области. Основан в начале XX века. Пустошкинский район не из крупных, его рельеф сильно изрезан озерами, рекой Великой и ее притоками. Название происходит от слова «пустошь», и это полностью соответствует тому, что было здесь раньше. Как только по ветке стали курсировать паровозы, возле станции начали появляться и первые жители. Это были торговцы, скупавшие в окрестных деревнях лен, кожи, скот, поставившие у станции свои склады. Построили здесь дома и ремесленники: кузнец, жестянщик, бондарь. Стал селиться и другой бедный люд, крестьяне, превратившиеся в грузчиков, и извозчики. Тут же появились лавка и питейное заведение.

В конце 1925 года Пустошка получила статус города. Произошло это, в основном, из-за ее расположения на пересечении важнейших коммуникаций северо-запада. Самое крупное производство в городе (30 человек), изготавливало плуги. Были еще: дегтярный завод, кустарные предприятия по выделке кож, производству колбас, три кузницы и несколько бытовых мастерских. Население Пустошки к тому времени превышало 1000 человек. Обозначились первые успехи в экономике. Хороший доход получали рыболовецкие артели, укрепила позиции потребкооперация.

Общая площадь района около 130 тысяч гектаров, из них около 50 тысяч гектаров занимают сельхозугодья, почти половина из них – пашни. По количеству озер (их в районе 368) Пустошка занимает одно из первых мест в области. Большинство озер окружено живописными лесами, берега удобны для отдыха. Здесь много лесных массивов, особенно хвойных. В них обитают зайцы, белки, лисицы, барсуки, еноты.

В последней четверти XIX века многие крестьяне покидали родные края. Нужда гнала их в Петербург, на строительство железных дорог. Требовались рабочие руки и на Петербургском тракте. Его покрывали камнем. Некоторые жители деревень Звяги, Соино, Деено, Долосцы и других населенных пунктов вблизи шоссе, приобрели профессию каменщиков. На стыке XIX и XX веков строительство Московско-Виндавской железной дороги велось от Новосокольников в сторону Себежа. Ветка должна была пройти и по земле, принадлежавшей крестьянам дерев-

ни Звяги, расположенной рядом с шоссе Петербург-Киев. Тогда и была представителем акционерной компании куплена у них пустошь для станционных построек. Покупка обошлась главному инженеру-строителю в два... ведра водки. Старожилы, помнящие те дни, рассказывали, что был среди технического персонала строителей мастак давать прозвища и названия. «Думали мы, думали, как назвать станцию, – говорил он, – ничего не придумали. Вот и назовем ее Выдумкой. Много после этого мы маялись-перемаялись – вот и наречем новую станцию Маево». В дни основания станции Пустошка обслуживающий ее персонал был приписан к Соинской волости, деревня Соино находилась в пяти километрах от домов железнодорожников. Не прошло и года, как рядом с ними появились и другие постройки. Паровозные гудки не только нарушили деревенскую тишь, но и вызвали к жизни силы, способствующие довольно быстрому заселению бывшей пустоши. Вдоль железнодорожной колеи протянулась первая улица – Вокзальная.

Место на скрещении двух дорог, железной и шоссейной, оказалось бойким. Вскоре Пустошка официально стала именоваться местечком, сюда были переведены из Соина волостное управление, урядник с несколькими стражниками. В 1910 году в местечке насчитывалось около 500 жителей, по национальной принадлежности русские, белорусы, евреи. Накануне первой мировой войны трудно было найти деревню, где хотя бы половине жителей хватало своего хлеба до весеннего сева. И теперь уже не десятки, а сотни крестьян отправлялись в город, пытаясь выбиться из нужды. Основная масса шла в Питер.

Пустошка между тем обстраивалась. Появились каменные постройки.

В 1913-1914 годах в Пустошке работали небольшой дегтярный завод, лесопилка, паровая мельница, две кузницы. Действовала четырехлетняя земская школа. Жил врач, имевший частную практику. При волостном управлении был и ветеринарный фельдшер, обслуживавший десятки деревень. Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война забрала с пустошкинских земель сотни крестьян, большинству не суждено было вернуться к своим семьям. Население самой Пустошки, наоборот, несколько увеличилось за счет беженцев из Латвии и западных уездов Белоруссии. В дни сражения за Ригу через станцию проходили эшелоны к фронту с воинскими частями, подолгу стояли санитарные поезда. Через раненых, солдат-калек, возвращавшимся к родным очагам, в местечко и в самые захолустные деревни проникали слухи о волнениях в столице, о желании

фронтовиков кончать войну и призыве большевиков: «Мир – хижинам, война – дворцам!» Весть о свержении самодержавия пришла в Пустошку из уездного города Себежа. Весной в некоторых деревнях крестьяне начали раздел покосов, принадлежавших помещикам, но представители витебского губернского комиссара Временного правительства стали препятствовать их действиям.

Такова история Пустошки и всего края от древних времен и до первых революционных лет.

ЕВРЕИ В ПУСТОШКЕ ПОСЛЕ 1917 ГОДА.

Даниил Романовский, исследователь гибели евреев в Псковской области в годы оккупации, сообщил следующие сведения об иудейском населении Пустошки в послереволюционный период:

По переписи 1926 года в Пустошке проживал 931 еврей (город входил до революции в черту оседлости). С 1926 по 1941 год еврейское население Пустошки сильно уменьшилось, особенно в 1930-31 годах, в годы коллективизации и раскулачивания. Уезжали в этот период, в основном, лица, потерявшие собственность, лишившиеся своих мастерских (еврейскокожевенники, столяры, жестянщики, кузнецы и т.д.). Уезжали из Пустошки и позже, но преимущественно молодежь – на учебу в Ленинград. Так в городе на Неве образовалась немалая пустошкинская община. В общем, по многим свидетельствам, еврейское население Пустошки за предвоенные годы уменьшилось в несколько раз.

В Пустошке до войны была еврейская начальная школа, в 30-е годы она была двухкомплектная, т.е. 2 учителя приходились на 4 класса. В одном помещении одновременно занимались 2 класса, обучаемые одним учителем. В 1937 году школа прекратила свое существование. Судя по ней, к началу войны в городе оставалось примерно 60 еврейских семей, всего же, в среднем, по разным оценкам, около 200 евреев.

* * *

Часть I: Глава 5

ПУСТОШКА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ.

ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ЕВРЕЕВ В ПУСТОШКИНСКОМ РАЙОНЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Начнем этот скорбный рассказ со статьи «Пустошка. Псковская область» Даниила Романовского, который в составе группы исследователей изучал факты уничтожения евреев в оккупированной Псковской области. Вот некоторые материалы из этой работы, опубликованной в 1987 году.

Многие евреи в начале июля 1941 года решительно снялись со своих мест и покинули город. Организованной эвакуации (не считая вывоза руководящего состава города, в котором также имелись евреи) не было, однако в первых числах июля еще ходил поезд Себеж-Москва. 5 июля он доехал только до Пустошки и повернул обратно. Начиная с 6 июля добирались уже кто как мог. 12 июля подали эшелон для руководства. Этот эшелон впоследствии попал под бомбежку.

Через Пустошку шел мощный поток беженцев из Латвии, особенно много среди них было евреев, и все они говорили только одно: надо уходить. Сильное впечатление на пустошкинских произвел и вид беженцев, в частности, вид беженцев-евреев из Себежа (они здесь прошли позже) – шли босиком, «ноги в крови», кто с сеточкой, а кто и пустой» Тем не менее, все-таки эвакуировалось около половины евреев. Многие верили, что под Полоцком их остановят, иные не верили в немецкие зверства, многие были слишком стары. Гершон Мотькин перед войной построил себе новый дом. Война уже шла, а он еще крыл крышу. Ему говорили: «Ты с ума сошел, уходи». Мотькин упорно продолжал отделывать свой дом. Погиб он вместе со всеми остальными евреями.

Немецкие самолеты разбрасывали над городом листовки – карикатура и подпись: «Берите хворостину, гоните жида в Палестину».

Немцы взяли Пустошку 16 июля 1941 года. В феврале 1942 года евреев города оккупанты расстреляли. К сожалению, достоверных сведений о том, что было между июлем 1941 и февралем 1942 года, у меня нет.

По некоторым сведениям, гетто в Пустошке устроено не было, евреи, в массе своей старики, продолжали жить в своих домах. В феврале 1942 года немцы согнали всех евреев в Старую Пустошку, где их собрали в деревянном здании на улице Луначарского, около школы. Вещи было приказано оставить дома, так как «сбор – ненадолго». В доме на улице Луначарского евреев продержали двое суток. Затем их вывели и провели в болотистую местность на северной окраине города, к востоку от Ленинградского шоссе. Там, среди полей ячменя, есть болотистая ложбина, в которой имела яма (возможно, воронка от бомбы). Евреев разбили на партии и партиями расстреляли. По некоторым сведениям, руководил расстрелом полицейский Авдеенков Николай (после войны Авдеенков получил 10 лет). Многих евреев закопали не убитыми, а только ранеными. Всего в этом месте погибло 60-70 человек.

Сейчас на месте расстрела можно увидеть плиту. Когда-то она была установлена местными властями по инициативе пустошкинских евреев. В настоящее время за плитой никто не следит.

В феврале-марте 1942 года, через некоторое время после расстрела в Старой Пустошке, немцы расстреляли около сотни человек в Долосцах, в 1-1,5 км к юго-западу от города. Среди расстрелянных было 15-20 евреев.

Теперь на этом месте возвышается стела, имеется камень и надпись на нем. Памятник хорошо виден с дороги.

На месте расстрела военнопленных в Пустошке (их, однако, было гораздо больше, чем евреев) устроен мемориал. Туда проложена дорога, туда часто водят школьников.

По некоторым оценкам, в Пустошке погибло около 100 евреев. Сейчас в городе живет несколько еврейских семей.

Послесловие к статье Романовского написал Александр Френкель:

Ранее не публиковавшуюся статью о гибели евреев Пустошки Даниил Романовский писал в середине 80-х годов. А с конца 1988 года в Таллине

начала выходить русскоязычная еврейская газета – первая в СССР. Еврейские активисты Ленинграда получили место для публикации своих материалов, до того бывших лишь достоянием самиздата. Ко Дню катастрофы 1989 года из таких материалов был составлен специальный номер таллиннского «Хашахара». В нем была опубликована сделанная Романовским фотография разбитого памятника на братской еврейской могиле в Пустошке. Сам Даниил к тому времени уже репатриировался в Израиль. Номер газеты с еврейскими буквами и могоендовидом в заголовке (тогда это еще казалось абсолютной фантастикой!) я отправил в Пустошку, в райисполком и в районный комитет КПСС...

Это было странное переходное время, середина 80-х – время, когда уже можно было о чем-то говорить вслух и когда это имело хоть какой-то смысл. Фотография в малотиражной еврейской газетке из потусторонней Эстонии – кто обратил бы на это внимание сегодня? А тогда (о, благословенные времена, когда все проблемы легко решались одним звонком из райкома!) этой публикации оказалось достаточно.

На заброшенной заболоченной окраине Пустошки появились люди и техника. Разбитая плита исчезла навсегда. На ее месте появился новый памятник. Могилу привели в порядок, сделали ограду.

Надпись на памятнике восстановили старую, стандартно-советскую: «На этом месте зимой 1942 года немецко-фашистскими захватчиками зверски замучены и расстреляны более 60 граждан города Пустошки. Вечная память павшим от рук фашистских палачей».

Вечная память...

Могила в Пустошке сегодня не посещается никем. Евреев в Пустошке осталось лишь двое стариков. Школьников к этой могиле, как и прежде, никто, естественно, не водит. Не существует сегодня и райкома, который, в случае чего, можно было напугать публикацией в малотиражной прессе. Забота о состоянии еврейских братских могил в Пустошке, Невеле, Себеже, Локне, сотнях других мест лежит на евреях Петербурга, Москвы, крупных еврейских центров. Кстати, немало выходцев из Пустошки (пустошкинская община) живет в Петербурге и сегодня... (примечание аторов: эти строки были написаны в 1990 г, с тех пор количество выходцев из Пустошки, по естественным причинам, из-за смерти или эмиграции в Израиль, заметно уменьшилось).

Далее приводим показания свидетелей о гибели пустошкинских евреев:
Сведения о гибели евреев взяты из двух полученных нами документов:

- 1) Акта от 4 декабря 1944 года Специальной комиссии, созданной для определения ущерба, нанесенного району за время оккупации, и выяснения количества жертв среди жителей и военнопленных.
- 2) Протокола опроса в 1985 году свидетелей уничтожения евреев в Пустошке.

В акте от 4 декабря 1944 г. материалов об уничтожения евреев очень мало.

Приводятся показания Литвинова:

В конце февраля 1942 года немцами в болоте между Старой и Новой Пустошкой было произведено массовое истребление евреев путем расстрела. В один день были убиты 58 человек. Среди расстрелянных был Малгинский Гиля, работавший кожевенником в сапожной артели инвалидов, его жена и семеро детей в возрасте от 4 до 15 лет, семья Решетникова из Старой Пустошки, Ронштант – 70 лет, Осиновский – 25 лет вместе с матерью. Все жители Пустошки.

Когда стали слышны выстрелы, расстреливали их партиями, то дети стали разбегаться, взрослые плакали и падали в обморок. На убегающих детей немцы напускали заранее взятых с собою собак, которые догоняли детей, сваливали в снег и подтаскивали к месту расстрела. Часть детей была брошена в могилу еще живыми.

Далее показания свидетелей уже в 1985 году. Илья Рафаилович Оксер, 1924 года рождения, учитель математики. Из Пустошки выехал 6 июля 1941 года, а затем из Великих Лук 16 июля 1941 года:

Можно считать, что в Пустошке накануне войны проживало около 300 евреев, но не менее 200.

Оставшиеся в Пустошке евреи считали, что немцев остановят на старой границе или, что немцы – тоже люди. Из 60 семей евреев сумело эвакуироваться около половины. Уехали Богорады (ныне во Ржеве), Ханины (ныне в Киеве), Аронштамы (ныне в Риге). Организованной эвакуации не было. Сначала по здешней дороге стал ходить поезд Москва – Рига, потом Москва – Себеж. 5 июля он пришел в Пустошку и вернулся обратно 6 июля. Это был последний поезд. В Великих Луках до 16 июля был нормальный эвакуопункт, выдавали места в поезд и даже талон на обед.

Свидетель Трескунов Исаак Львович, 70 лет, при опросе рассказал:

Когда началась война, было меньше 200 евреев. После захвата Пустошки все лето евреев гоняли на самые тяжелые работы, зимой заставляли работать без рукавиц. Евреи ходили по городу свободно. В феврале 1942 года всех евреев согнали в старую Пустошку. Если кто не мог идти, сажали на подводу, если кто пытался бежать травили собаками. Здесь евреи прожили недолго. На работу не водили и не кормили, из хат не выпускали. Затем увезли в болото, где уже была готова яма и партиями расстреляли. Земля качалась 3 дня. Всего было убито 60-70 человек.

Представляют интерес показания Решетникова, 1932 года рождения, данные им этой же комиссии в 1985 году:

Я закончил первый класс в Ленинграде и приехал в Пустошку отдыхать. Что началась война, мы не сразу узнали. Уже бомбы сыпались, нас надо отправлять. В эшелон было не сесть. Я помню эту толпу у эшелона в последний день. Сели и уехали соответственно, те, кто с положением, а нам хоть цепляйся за буфер. Тем более, что нам надо еще доехать до Новосокольников и пересесть на ленинградский поезд. Так что осталось и молодежи много, моя сестра, например, 21 года. Ну, а потом, стали бомбить, мы побежали в лес в сторону Невеля. Видим, через лес наши солдаты бегут, потом появились немцы на мотоциклах. Мы ушли в деревню и прожили с дядькой до конца июля или до августа, а затем вернулись в Пустошку. В Пустошке я жил с двоюродным братом Мишей у дядьки и его сестры – русских. Дядька – муж сестры отца. В Пустошке постоянно жила наша бабушка-еврейка.

Далее Решетников рассказал, что где-то с месяц евреи жили спокойно, никто их не трогал. Потом стали гонять на работы, но работы были для всех. А затем их выселили за железнодорожную линию в Старую Пустошку. Выселили за один час, может за два, моментально. Шмутки все на машину, ценности отобрали. В Старой Пустошке евреев поселили очень плотно. Было, наверное, более 100 человек. Место обнесли проволокой, нашили желтые шестиконечные звезды на правое плечо, спереди и сзади.

И еще в начале, когда только звезды нашивали, один меня в городе встретил и говорит: «Чего же ты без звезды ходишь, пора и тебе нашивать». После войны, когда я вернулся, я ему морду бил. Да, никто из евреев не уцелел. Расстреляли тихо, никто в Пустошке выстрелов не слышал. Вечером все было тихо-спокойно. А утром – избы пустые. Расстрел был

произведен в ночь с 4 на 5 марта 1942 года. Убита были и моя бабушка.

Потом к нам в дом приходил один полицаи, Дима, и рассказывал всем: «Один еврейчик, вот примерно, как он (на меня), пытался убежать, мы на него спустили собачку и она его закончила». Как закончила – не знаю, наверное, загрызла. Этого мальчика звали Семен, фамилию забыл.

А мы с братом оставались жить с дядькой. Что нас спасло – я был приезжий, меня никто не знал. Как там с метрикой вышло – не знаю, но дядька выдавал нас за своих сыновей. Ближайшие соседи, конечно, понимали, кто мы – лицо, в первую очередь, выдавало, но не доносили. боялись, что им потом придется за это рассчитаться. Еще непонятно было, чья взяла – наши или немцы. На всякий случай молчали. Только иногда, когда какая-нибудь ссора вспыхнет – огороды ведь, все общее – говорили дядьке: «А ты кого здесь прикормил?»

Из населения некоторые выселение евреев приветствовали, говорили: давно пора за евреев приняться, все они первые и самые богатые – еврейское богатство им спать спокойно не давало. Но что будут расстреливать евреев – никто не подозревал, все думали, что просто куда-то вывезут.

О страшной картине расстрела евреев в Невеле рассказал свидетель этих казней немецкий ефрейтор Г. Кильгорн:

Одними из первых жертв на территории Псковской области стали евреи Невеля, оккупированного 16 июля 1941 г. 7 августа они были собраны и перевезены в пригород, в парк «Голубая дача». На рассвете 4 сентября 1941 г. подразделение ЗК-7Аа, входившее в состав АГ «В», расстреляло 74 мужчин-евреев якобы «за поджог». В этот же день состоялся массовый расстрел женщин и детей (не отраженный в отчете АГ «В» и, возможно, проведенный другими подразделениями СС). Очевидцем этого события стал немецкий мотоциклист ефрейтор Г. Кильгорн. По свежим следам, всего через четыре дня, он дал в Витебске показания, которые за протоколировал штабной офицер, шокированный этими сведениями. Протокол немецкого ефрейтора – одно из самых свежих впечатлений очевидца о расстреле невинных жертв. Он содержит детали, которые отсутствуют в показаниях нацистов перед судом. Кильгорн показал:

«Я узнал от солдат оперативного отдела, что приблизительно в двух километрах от стоянки состоится массовый расстрел евреев. Говорили, что мужчины были якобы расстреляны в тот же день на рассвете, и что теперь очередь женщин. Потом я пошел с несколькими товарищами из оперативного отдела на это место. Там я увидел толпу в количестве

приблизительно 600 женщин и детей под охраной эсэсовцев. Число 600 является не только моим подсчетом, но так высоко определялось число и другими солдатами оперативного отдела. Из этой толпы непрерывно выводили по 5 женщин к находившемуся на расстоянии 200 метров противотанковому рву. При этом женщинам завязывали глаза, и они должны были держаться за палку, с которой их подводил один эсэсовец ко рву. Когда они подошли, они должны были раздеваться донага, за исключением нескольких старух, которые должны были обнажить только верхнюю часть тела. Потом несколько эсэсовцев сталкивали их в ров и сверху расстреливали их. Когда женщины услышали приказ раздеться, они очень кричали, потому что поняли, что они будут расстреляны.

Так как у меня не было много времени, и я должен был вернуться к своей машине, то я оставался на месте экзекуции не более получаса. За это время было расстреляно 30-50 женщин. Расстрел остальных продолжался и после моего ухода. Я присутствовал при начале экзекуции от 10 до 11 часов утра. Что касается противотанкового рва, то это была большая яма, к которой я сам подошел на расстояние 5 метров. После расстрела одной группы женщин следующая группа сталкивалась на том же самом месте в ров, прямо на тех, которые только что были расстреляны. Расстрела детей я лично не видел, но большое количество детей находилось в толпе. Я категорически подтверждаю, что мои показания соответствуют истине: Штаб-квартира, 8.09.1941 г. А.О.К.Д 1У Ви. Подписал: ефрейтор Г. Кильгорн».

Один из эпизодов, связанный с уничтожением пустошкинских евреев, стал известен от нашего дяди, Льва Соломоновича Бутмана. В 1955 году жившая в Ленинграде землячка из Ильюшкино рассказала ему, что ее родственница из деревни Ильино, мобилизованная немцами, возила из гетто евреев, превратившихся в полугруппы от голода и истязаний, наваленными на телегу и опутанных проволокой, к месту казни. (Об этом дядя Лева подробно пишет в одном из писем, которое мы приводим в сборнике). Один из этих несчастных, Хацкель, наш родственник и земляк, рвал на себе волосы и кричал слова еврейской молитвы: «Шма Исроэл, адонай» («Слушай, господь бог»), пытался освободиться из груди полумертвых тел. Конвоир стукнул его прикладом и он умолк. Всех сбрасывали в глубокий ров. Свежий холм земли долго то вздымался, то опускался, после того, как его засыпали глыбами мерзлого грунта.

К сожалению, тогда Лев Бутман не уточнил место уничтожения ев-

реев и приблизительную дату. Но мерзлые глыбы, значит, зимой. Возможно часть евреев Пустошкинского района была согнана в Невельское гетто, где и уничтожена. Это предположение возникло после ознакомления с «Книгой памяти Псковской области» по Невельскому и Усвяцкому районам, где на стр. 10 написано, что фашисты почти в течение месяца сгоняли евреев на так называемую «Голубую дачу», где было устроено гетто, из Невеля и района. Всего там оказалось более 800 человек, в основном женщин, детей и стариков. В начале сентября 1941 года всех их после издевательств немецкие головорезы и их пособники расстреляли, трупы сбросили в ямы вместе в ранеными и живыми детьми.

Другая группа невеличан, около 200 человек, после долгих мучений, была расстреляна в заречной части города Петина. В этой же книге на стр. 369-380 приводится список расстрелянных, имена которых полностью или частично удалось установить. В списке, который прилагаем, 168 семей евреев или 690 человек.

Семья Бутманов, Хроловых, Фроловых, Свердловых, Бравиных, Финкельштейнов, скорее всего наших родственников, живших в Пустошкинском и Невельском районах. (Напомним, что девичьи фамилии нашей бабушки – Хролова, а мамы – Бутман.)

Если говорить о Пустошке, к сожалению, точное количество жертв среди евреев, а тем более их имена до сих пор нам неизвестны.

В показаниях свидетелей, которые приводились выше, число расстрелянных колеблется от 60 до 100, но конкретных имен немного.

Следует отметить, что Специальная комиссия, созданная в 1944 году, не делала попыток выяснить подробности уничтожения евреев Пустошки, не пыталась установить имена погибших, хотя тогда по горячим следам все можно было установить в подробностях. Да и позже, можно было это сделать. Но антисемитской Советской власти это все было абсолютно не нужно. Думаем, что чьи либо частные попытки провести это расследование тоже преследовались.

Мы считаем своим долгом, хотя и прошло уже более 60 лет после уничтожения Пустошкинских евреев, попытаться вырвать из небытия имена.

Список евреев, уничтоженных на Голубой Даче в Невеле (цифрами обозначено количество убитых членов семьи, жирным шрифтом – фамилии наших родственников):

Бейлинсон Хаим	Зильберов – 10	Малкины – 4	Сорочкины – 5
Беленские – 2	Зингаревичи – 7	Марковы – 10	Станкевич Фолин
Березина Фрума	Зискины – 8	Масарские – 3	Стернины – 4
Берлины – 2	Злотниковы – 5	Миллеры – 5	Тейтельбаумы – 4
Бершадская	Зусевы – 5	Мильнеры – 3	Трескунова Алта
Беркина Этя	Игдаловы – 12	Миндлины – 5	Трубняковы – 3
Богороды – 4	Идкины – 2	Мирлины – 5	Усвяцковы – 6
Бравины – 2	Иосфины – 2	Маграчева Сара	Урины – 2
Брускина Рива	Исмагова Муся	Моисеевы – 2	Филановские – 14
Булгакова Песя	Иткины – 5	Моносовы – 9	Филькентейн
Бураковы – 2	Ицелевы – 2	Наумовские – 2	Фрума
Бутманы – 14	Каганы – 14	Нейштадты – 2	Финкач Геня
Вазлинский Меер	Каминаровы – 6	Обольские – 21	Флигельман Фейга
Вайханские – 6	Кандели – 4	Озерские – 2	Фроловы – 6
Видергаусы – 3	Катевичи – 4	Ойстраки – 2	Фуковы – 2
Виравские – 2	Качетовы – 2	Ольховский Беря	Ханины – 20
Виханская Сося	Кисец – 13 чел.	Оскотские – 10	Ханок – 2
Гайдуки – 6	Кишенев Борис	Оскоца Хая	Хануковы – 3
Генделевы – 3	Клейнер Сендер	Пайкины – 6	Хануковичи – 2
Герцовские – 4	Кошиновы – 5	Паришолом	Ханцеров Эля
Гершты – 3	Котевичи – 5	Партан Соломон	Хенсоны – 2
Гильбо – 2	Крейсы – 3	Пахомовские – 7	Хроловы – 2
Гинзбурги – 3	Креславские – 7	Перловы – 11	Храповская Хая
Глазмицкие – 2	Кресловы – 2	Песок – 2	Хроловы – 2
Глазманы – 2	Кривоносовы – 2	Печатниковы – 5	Цвик Шейна
Глицхоки Розел	Кривошеевы – 2	Пискунова Анна	Цейтлины – 4
Гортенфляусы – 2	Кривошеевы – 2	Понизовские – 2	Цемахи – 5
Гришины – 2	Кублановы – 13	Прусс – 4 чел.	Цодиковы – 3
Гудовичи – 5	Кузнецовы – 6	Пураженские – 4	Черневин –
Гуревич Лейба	Куперманы – 5	Пурин Калман	Черномордики – 3
Гусиновы – 3	Лажданы – 3	Равины – 4	Чуманский Абрам
Двирцы – 3	Лебедевы – 2	Равичи – 4	Шабашовы – 11
Дворкиж Соломон	Левиды – 2	Райхманы – 2	Шабкины – 2
Донда – 2	Левины – 2	Ратовские – 2	Шабхины – 5
Ерменсоны – 3	Левинсоны – 5	Рахманы – 7	Шайкевичи – 3
Еришины – 3	Левнова Малка	Рутенбурги – 3	Шапиро – 4
Живова Брайна	Левтовы – 9	Рутштейны – 2	Шапкины – 5
Загарацкий Мендель	Лезновы – 11	Свердловы – 23	Шафрановы – 11
Загарадский Хая	Лены – 2	Свойские – 3	Швер – 4
Зарецкие – 9	Лейбовы – 2	Сепалова Эсфирь	Шейкманы – 5
Звягины – 2	Ломовские – 2	Симунины – 3	Шейнины – 3
Зельберовы – 2	Лосевы – 7	Синдаловские – 8	Шендель
			Шмулевич – 1

Итого – 168 семей или 690 человек

Часть I: Глава 6

ДЯДЯ ЛЕВА

ЛЕВ СОЛОМОНОВИЧ БУТМАН – ЛЕТОПИСЕЦ НАШЕГО РОДА.
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ!

В этой главе собраны бесценные материалы из истории Бутманов и Фонаревых, принадлежащие перу выдающегося человека, писателя, ученого, крупного организатора сельского хозяйства. Для нас, старшего уже поколения Бутманов – Фонаревых, которые имели счастье жить рядом с ним, купаться в его любви, наслаждаться его умом, его юмором, его рассказами, он всегда останется одним из самых близких и родных. Захару и Илье удалось собрать часть сохранившихся рассказов дяди Левы, а, главное, разыскать его письма к брату Боре – Хаим-Беру. Каждое письмо – это шедевр, яркое литературное произведение, приближающее к нам и сохраняющее в веках ушедшее время и незабываемые образы наших родных и близких.

А теперь рассказ дяди Левы о себе.

АВТОБИОГРАФИЯ ЛЬВА СОЛОМОНОВИЧА БУТМАНА.

В начале 1966 г. решался вопрос о персональной пенсии. Одним из необходимых документов для ее получения являлась автобиография. Престижная персональная пенсия имела по сравнению с обычной ряд преимуществ. В автобиографии, которая с некоторыми сокращениями приводится ниже, дядя Лева перечисляет основные вехи своей трудовой деятельности.

В 1930 году Лев Бутман попадает в номенклатуру партийно-хозяйственных кадров ВКП(б), с тех пор все назначения и перемещения идут по воле этой «единственной, мудрой, руководящей и направляющей организации.»

Итак, Лев Бутман пишет:

В 1921 году, после вступления в комсомол, направлен на учебу в Невельскую совпартшколу. В конце 1924 года получил путевку от Невельского укома комсомола на учебу в Ленинград. С 1924 по 1930 год работал и учился на вечернем рабочем факультете. В 1930 году по мобилизации ЦК ВКП(б) направлен Ленинградским обкомом в числе «400» в подшефные республики Средней Азии на проведение коллективизации и заготовок хлопка.

Первый год работал в Чарджоуском районе Туркменской ССР, а на второй год был направлен в Узбекскую ССР. За успешную работу по коллективизации и заготовкам хлопка моей бригаде было присуждено переходящее знамя ЦК профсоюза и Средазбюро ВКП(б).

В 1931 году принят в члены партии. По возвращении из Средней Азии, с 1932 по 1934 год – ответственный редактор многотиражки «Ударница» текстильного комбината им. Кирова и одновременно учеба на курсах газетных работников.

В 1934 году направлен Смольнинским райкомом партии в подшефный колхоз «Возрождение».

В 1935 году назначен директором совхоза «Красный текстильщик», где проработал до 1937 года. В этом же году был направлен обкомом на учебу в Высшую Коммунистическую сельскохозяйственную школу в Ленинграде, которую закончил в 1940 году и получил направление на работу директором плодопитомнического совхоза «Быстрецово» Псковской области.

Из этого совхоза на второй день войны, 23 июня 1941 года, ушел в действующую армию. Находился на Ленинградском и Волховском фронтах, в авиачасти № 1949, в составе 16-й армии. После контузии и ранения демобилизован по инвалидности и с июня 1943 года до февраля 1945 года работал председателем колхоза «Красный пролетарий» в Кашинском районе Калининской области.

После снятия блокады Ленинграда получил вызов из Ленинградского обкома и вернулся на работу в Ленинградскую область. Вначале директором совхоза «Имени Марти», затем директором совхоза «Дубки».

В 1947 году перешел на прежнюю, до Отечественной войны, работу в трест плодоягодных совхозов в качестве директора плодопитомнического совхоза «Петродворцовый».

С 1951 года переведен на работу в сельхозинститут в качестве директора учебно-опытного хозяйства, и затем, в 1953 году, директором

опытно-производственного хозяйства Северного НИИ гидротехники и мелиорации. В 1955 году, по призыву ЦК партии, в числе 30-ти тысячников был направлен в качестве председателя колхоза «Коммунар» в Псковскую область, где проработал до 1959 года. Избирался кандидатом, а затем членом райкома партии. В 1959 году по состоянию здоровья был освобожден от работы в колхозе и переехал в Ленинград на лечение.

После курса лечения направлен в колхоз «Память Ильича» в качестве агронома, где после двух месяцев работы был единогласно избран председателем колхоза. Когда колхоз был объединен с совхозом «Красные Поляны», по ходатайству института, где работал раньше, переведен на работу опять в Северный НИИ гидротехники и мелиорации в качестве заведующего Карельским опытно-мелиоративным опорным пунктом.

Это была последняя работа Льва Бутмана. В 1966 году он тяжело заболел, в мае того же года нашего дяди Левы не стало.

И вот более чем через 40 лет мы решили поведать о некоторых эпизодах его жизни.

О ПИСЬМАХ ДЯДИ ЛЕВЫ

Дядя Лева переписывался со своими родственниками и друзьями, поддерживал с ними постоянную связь.

В конце войны Борис (Хаим-Бер), после излечения от полученных ранений, был демобилизован и направлен на восстановление народного хозяйства в Молдавию, где полюбил местную красавицу Розу. И вот в семье у него появились сын Юра и дочка Лена.

Но чувствовал себя Борис в Молдавии неуютно, мечтал вернуться в родной Ленинград.

Лева, сам еще не оправившийся от тяжелых ранения и контузии, полученных на фронте, вынужденный часто прерывать работу из-за необходимости лечения в больницах и госпиталях, обменивался с братом письмами, по мере сил помогал ему материально. Лева сообщал брату о жизни в Ленинграде, о своей работе, о трудностях в семейной жизни. Регулярно писал о событиях в семьях сестры Эстер-Гайлы (Гани) и брата Давида. Почти во всех письмах он возвращался к воспоминаниям о дорогих для них годах детства в Ильюшкине, о горячо любимой матери Хае-Лее.

Борис любил и уважал Леву, который был авторитетом для всех членов семьи. Страшным потрясением для Бориса стала смерть брата после

тяжелой и продолжительной болезни в 1966 году.

Борис привел в порядок всю переписку с Левой. Сохранившиеся у него письма, учитывая недостаточно разборчивый почерк брата, он переписал.

На основе этих писем и собственных воспоминаний, Борис написал «Повесть о Льве Бутмане» и «Огненные годы». В них он рассказал о детстве и юношеских годах Левы, о революции, накатившейся в Невельский уезд, затем в Рыкшинскую волость, и затронувшей деревню Ильюшкино.

Лева всей душой поверил в будущую счастливую жизнь, со всей пылкостью и энергией юности включился в революционную борьбу. Его направляют в Невельскую совпартшколу. В 1921 году Лев одну за другой организует комсомольские ячейки в Рыкшинской волости. Комсомольцы рьяно проводят в жизнь политику Советской власти, помогают в сборе продналога, вместе с милицией выявляют уклоняющихся. А затем принимают участие во внедрении передовых методов земледелия.

Многим не нравится при этом, что Лева разоблачил местного знахаря Антона – обидел святого человека. По новым веяниям, для укрепления здоровья, молодые люди осваивают разные физкультурные снаряды. Именно во время таких упражнений младший брат Левы, Давид, упал и сломал ключицу, затем лечился в Великолукской больнице.

Письма Левы и повести Бориса, непосредственных участников событий, правдиво рассказывают о революционных потрясениях, о ломке привычных устоев, о жизни и быте еврейской бедноты, о родной деревне Ильюшкино, о ее колоритных жителях, многие из которых были знатоками Торы и еврейской учености.

Лева пишет о своих братьях и сестре Фейге (Фане), уехавшей в 1914 году в Америку.

Мы считали дядю Леву самым мудрым и талантливым из нашей родни. В его письмах чувствуются писательский дар, юмор и любовь к своим близким. Несомненна их большая информативная ценность. Поэтому мы сочли необходимым включить письма Левы в наш сборник.

Фактически, эти письма – Сага о семьях Бутманов и Фонаревых.

Первое, из опубликованных в этой книге, написано в 1942 году, в военном госпитале.

В 1942 году Лева, будучи в свердловском госпитале после ранения, получил от Бориса письмо с сообщением о смерти матери в блокадном

Ленинграде. Борис, убитый горем, обвиняет сестру Эстер-Гайлу, что пока он лежал в госпитале в Ленинграде, она не уберегла мать и уехала с семьей в эвакуацию, оставив ее одну.

(Курсивом в тексте выделены примечания и пояснения авторов сборника)

В ответе Лева пишет Борису:

«Не обвиняй тех, жизнь которых висела на волоске. Ведь сестра наша с детьми и мужем находилась в блокадном городе на грани смерти. И сейчас переживает смерть матери не меньше нас. Мы не вернем уже к жизни нашего вечно горящего факела разума и доброты. Не будут уж больше ее глаза излучать искры любви, согреть нас, осиротевших, материнской любовью, теплотой. Когда читал твои вычерченные сердцем строки, я вновь пережил разлуку с матерью, чье существование было для нас воздухом, кровью. Рана, полученная в бою, заживет. Рана же от гибели матери никогда не затянется. Если бы не борьба за счастье народа и за Вас, которых она беззаветно любила, если бы не долг перед Родиной, разве хватило бы сил пережить это? Боря, не жги огнем своего слова и ненависти тех, кто слабее тебя. Матери были чужды чувства мести и злопамятства. Она умела при жизни прощать обиды. Не будем беречь раны. Будем достойными преемниками доброй, сильной в своей любви, обаятельной в своих гуманных чувствах к людям нашей матери.

Заехать к Вам не могу. Через 10-15 дней выписываюсь из госпиталя в действующую армию. Ганя прислала телеграмму с просьбой приехать. Не смогу заехать к ней. Послал ей письмо. Пиши Гане чаще. Ты ведь знаешь, какая она слабая и больная».

После вышеприведенного послания у нас оказались письма только с 1950 года.

3 сентября 1950 года

В конце августа Лева встречает на Балтийском вокзале Менделя Иоффе. Мендель рассказывает о большом пире по случаю рождения первенца у Соломона и Хаи-Леи, о свадьбе Хацкеля и Песи.

Затем посещение ильюшкинских Устьи и Таньки. Они рассказывают об исчезновении деревень, о трагической гибели земляков от рук немцев и местных нацистов, о трагической смерти Хацкеля, о свадьбе которого поведает М. Иоффе.

Вчера на Балтийском вокзале встретил Менделя Иоффе. Было достаточно времени, и он рассказал мне, как гостил у нас в Сатонкино на праздновании дня рождения Менделя, первого сына у наших родителей. Он так же помнит свадьбу Песи, которая игралась в доме невесты в Решетниково. На свадьбе гуляли от субботы до субботы, жениха – курчавого Хацкеля из Ильюшкино, встречали на 4-х тройках с бубенцами. Вино было в огуречных бочках, и черпал из них всяк приходящий ковшами.

С Менделем я заехал по пути к ильюшкинской Устье. В Володарке на улице Рабочей, дом 5, в собственной половине дома живут Устья, похожая на Якима, древняя Танька, Маринка, с ними же напротив в теплой пристройке корова красной масти, три борова, четыре улья в старых колодах. Нас приняли очень гостеприимно: на сковороде шипело сало и на подносе красовались две бутылки – портвейн и московская. Пил один Мендел. Устья рассказала: Ильюшкино и Ерзовка отжили свое, ни одной постройки. В дни нашествия немцев старостой был Лешка Кушковский. Панфил – черный ворон, и Евдоким, едва поворачивающий язык в поганом зеве, вроде подавившийся горячей картошкой, сражались с партизанами. По доносу Лешки был повешен активный борец за дело народное Тимоха Блиновский. Мир праху его. За связь с партизанами повешены вниз головой Муля Кузнец, Михель, семья Велкис и Нишкас. Активно поддерживал партизан Ильюха, тоже из Блинов. Он рисковал жизнью, но не струсил. Предатель Лешка осужден на 15 лет. Его жену прикончил Ванька Блиновский, и получил за это 25 лет. Архип Кушковский недавно повесился. Сашка ильюшкинский поседел, полысел и хворает после пятилетнего отбывания за мошенничество.

Я во время рассказа Устьи смотрел пытливо на Таньку, бывшую «Вихру». Она сидела благоговейно напротив меня, свесив с кровати судорожные, старческие ноги в стоптанных котках и тугим ухом прислушивалась к нашему разговору.

Танька вышла замуж за Якима в возрасте 30 лет. Ей сейчас 88 лет. Она совершенно неграмотна, но помнит все до мелочей. Не помнит лишь в каком году умер Яким, но помнит, что вдовствует уже 32 года. Она меня поправила, когда я спутал масть нашей коровы, которую в темную, осеннюю ночь задрали волки. Она была, поправила Вихра, не бурой, а белой масти. Все дети Соломона были черные, а один у вас – Хаим-Бер, был беленький. Она рассказала про предсмертные часы Хацкеля. Его везла ко рву на навозной телеге, опутанного проволокой, ее родственница из Ильино. Хацкель рвал на себе волосы и кричал слова молитвы «Адонай,

шма Исроел» (слушай, бог наш), и пытался высвободиться из груди наброшенных на него полумертвых от истощения и шока тел, но его стукнул прикладом конвоир-полицай. Он присмирел. Его вместе с другими опрокинули в глубокий ров с трупами и еще живыми людьми. Свежий холм земли то вздымался, то опускался после засыпки его глыбами мерзлого грунта. Когда возница возвращалась в обратный рейс за другими трупами, на повороте мелькнула вдруг высвободившаяся из-под холма седая голова обезумевшего Хацкеля с дико-огненными зрачками. И всюду, где бы не ходила, сидела и ездилла наша родственница, ее преследовал обезумевший, дикий зрачок заживо засыпанного, замурованного в страшный ров святого мученика Хацкеля – столяра, вечного труженика, хлебобоба из Ильюшкино. Она вскоре скончалась от разрыва сердца.

Из глаз старушки текли слезы: «Жалко до боли мне Хацкеля. Он наш родной, близкий. За что их псы черные, бешеные немцы так злодейски казнили? Хацкель, добрый Хацкель, он сидел, я помню, у изголовья покойного Якима, нашептывая молитву и плакал. Добрейший души был человек. Попадись мне тот немец или проклятый полицай, единственным моим зубом разорвала бы их на мелкие клочья и бросила бы поганое отребье псам на съеденье. Эти злодеяния во веки не должен забыть ни израильский, ни русский народы». Она подошла к маленькой иконе, висевшей на плинтусе окна и трижды осенила себя крестным знаменем: «За святую душу Хацкеля».

Долго я не мог придти в себя от потрясения. Страшная душевная боль, похожая на зубную, и по сей день волнует кровь и жжет мой мозг.

После рассказа нашей милой Хаи-Леи, как братски и любовно Хацкель снаряжал нашего многострадального отца в последний путь, я собирался все годы выразить ему свою глубокую признательность. Но события предупредили мои планы.

7 ноября 1950 года

По направлению Обкома Лева работает в плодотомническом совхозе «Имени Марти». Выращены и распространяются новые сорта вишен и черешни. Наведение порядка и борьба с клеветниками. Одна из причин их поведения – «кулацкое происхождение». Вспоминает Ильюшкино и пророчества Софьи Михайловны. О проводах в дальний путь сестры Фани. Башмак и помои на голову урядника. Мечты о посещении в будущем родных мест.

Так я и остался на праздники на несколько дней еще в мире здешнем. Свою экскурсию в госпиталь начну с 9 ноября. Предпраздничные дни провел в совхозе. Накануне сделал доклад перед рабочими о 33-й годовщине Октября. Начались уже заморозки. Вчера выпал первый снег, слегка лишь попудрив землю. Несмотря на холод, деревья не сбросили еще лист. В комнате моей в совхозе дуют ветры, температура ниже нуля. Нужно было протопить печь, но нет свободного для этого времени. Только что вернулся с мартышкинского участка, где строится новый четырехквартирный дом. В этом году все сельскохозяйственные работы закончили в срок. За перевыполнение плана по основным культурам ассигнована премия. Из всех совхозов нашего треста мы работали лучше. Нами выращены впервые новые сорта вишен – мускатная и мраморная, черешня «Ленинградская черная», «Ленинградская сладкая», «Зорька». Наши черешни и новые сорта вишен развезены по всем совхозам треста. Из Москвы получена приветственная телеграмма. Управляющий трестом выехал для приветствия лично. Через несколько дней исполнится три года моей работы в этом совхозе. Много всяких треволнений и испытаний пережиты. В первый год работы я был блокирован нечистой силой. Пророчили провал и гибель – одни доносы следовали за другими.

Ни ложь, ни клевета не могут утопить тех, кто идет смело по правильному пути. Мне было значительно труднее утверждать правоту при частом, вынужденном лечении. Весной этого года, перед началом сева, я вернулся в совхоз из месячного отпуска по болезни. А за месяц было допущено много ошибок в работе. Мой заместитель, старший агроном Яскин, открыл компанию против отсутствующего директора. При разборе дела в моем присутствии от кляуз и наветов остались рожки, да ножки. Яскин оказался отпрыском заядлого кулака, и за свои действия уволен. Он привлек на свою сторону всю мразь. Эта мразь была изолирована и затем выплеснута за борт.

Все-таки в голове у нашего дорогого дяди Левы крепко сидели коммунистические стереотипы. Для нас, авторов этой книги, слова «заядлый кулак» звучат как одобрение, признание в том, что крестьянин был хорошим и трудолюбивым хозяином, а для дяди Левы это был величайший враг.

6 августа начал более радикальное лечение. Правда, оно не дало желаемого результата. Но, по крайней мере, это лечение в авторитетных

учреждениях внесло ясность, что без оперативного вмешательства не обойтись. При благополучном исходе я приобрету работоспособность и, главное, исцеление от страшного, мучительного недуга, терзающего меня. От работы в совхозе, возможно, придется отказаться. Надо найти более уравновешенный вид работы.

Дальше воспоминания о проводах сестры Фани в 1914 году. В те дни, когда свирепствовали репрессии и уничтожались «враги народа», даже сообщение об отъезде в Америку было чревато неприятностями. Поэтому, в письме оно было заменено выражением «провода в дальний путь».

В жаркий июньский день 1914 года в наш дом собрались со всей округи соседи на провода в дальний путь сестры нашей. Среди провожающих были: Марьяся из Великих Лук, бабушка Геня, белобородый праведник Мендел с сыновьями из Логиново. Все ильюшкинские, конечно, из Рыкшино и Забейлейцы, из Песчанки и Гультаев, Студенца и Обабково... Процессия шла через Кушки, Селивестрово и Маево.

В Пустошке остались провожать мать, бабушка, я и Мендель. Отец, наш многострадальный, не мог поехать из-за норовистой лошади, с которой никто не решался возиться.

Мы, вырвавшиеся из теснин ильюшкинского уединения, поскакали, как только тронулся поезд, через все вагоны и буфера. Кондуктор нас настиг на железной, узкой лесенке, ведущей на крышу вагона, без билетов, конечно, и через весь состав грохочущего и лязгающего тарелками буферов поезда повел к заплаканной матери, и начальствующим голосом представил к немедленному родительскому внушению.

Фаня как тигр набросилась на опешившего кондуктора, вырвала нас из его рук, стала обнимать и целовать младших братиков. Кондуктор долго не мог прийти в себя. Через некоторое время кондуктор, придя все же в равновесие, изрек: «Таких бешеных пассажиров я еще не встречал. Быть Вам с Вашей заступницей под колесами вагонов при таком повороте вещей...».

Ностальгические мечты дяди Левы. Настанет день, когда с потомками обойдем родные уголки. Не дожидаясь дорогой дядя, а как писал – поэма.

Наши дети пройдут по живописным долинам рек и озер, посетят рощи и густые леса, где когда-то славной памяти их предки утверждались в

новых, неосвоенных местах. Они посетят Сатонкино, Манулково, Борок и Ильюшкино, где незабвенная Хая-Лея, мать наша, ткала и пела свои задушевные, полные любви и человеколюбия песни. Где сиял ее светлый образ, озаряя быт и жизнь в далекой глуши. Мы встретим людей, близкое ее знавших и помнивших, из Петрашей, Алушково, Бохоново, Пружиницы, Сатонкино. Мы пройдем по дорогам, где плыл сказочный возок наших родителей, возвращавшихся из недельной поездки, и который мы так нетерпеливо ждали.

Мы обойдем луга и пустоши, ореховые рощи, земли и нивы, где сеяли, пахали и косили, речку тихую и милую, где купались, рвали цветы, похожие на священный лотос. Вспомним, как быстро и стремительно скатывались в беге с гор к поляне над речкой и ныряли в ее студёные живительные воды.

4 декабря 1950 года

О тяжелых непрерывных болях, не поддающихся излечению. Решается на операцию в Военно-медицинской Академии. Пришел на Владимирский, где живет семья Фонаревых, чтобы сообщить об этом. Прочел всем письмо о слышанном у Устьи и Таньки.

Я тебе уже писал, что находился на стационарном лечении в Институте переливания крови, а сейчас в санатории «Страховик» на Каменном острове. Особого лечения я здесь не получил. Выписываюсь с теми же болями, с какими вошел в это священное здание. Вероятно, мой многократно пальпированный живот не может ужиться с мирным, консервативным лечением и требует оперативного вмешательства. Меня кололи во все возможные места: и в живот, и в руки, и в ноги, и в спину, меняя лекарства, а затем препараты то Филатова ленинградского, то Филатова одесского. Эффекта никакого. Терпел изжогу, боли головные, и под ложечкой, и к концу этих процедур терял сознание и бился с ослабленным пульсом.

Так изо дня в день, из одной ночи до другой. Бывали и светлые промежутки, но это было обычно тогда, когда я весь ассортимент порошков и пилюль вместе с настойками выплескивал в урну. Все что до сих пор придумано медициной, видимо, недостаточно, чтоб сразу без промедления отправить на тот свет. Когда-то наш деревенский коробцевский фельдшер, великан и обжора, лечил своих пациентов более откровенно.

Он своими порошками вызывал у них шок или столбняк (помнишь случай с нашим отцом).

И вот теперь в Военно-медицинской Академии ложусь на операцию к профессору Григоровичу. Это будет мой последний этап к просветлению, или к небесному царству.

Сиюю сейчас у Гани. Пришел сообщить куда определяю свое брентное тело. Чтобы не повторяться о слышанном у Таньки, я ей прочел письмо.

Леня мастерит что-то на полу, а когда услышал о себе, поднялся и стал тоже слушать. Семь часов вечера. Израиля еще нет с работы. Михаил в какой-то больнице проходит практику. Жду когда Ганя из вороха бумаг извлечет твое последнее письмо. Перед праздником оклеили их сырую комнату обоями. Стало немного уютнее. Рядом со мной вдруг очутился академик Леонард с тетрадкой по русскому языку, и мне придется закончить свое повествование. На маленьком столике тесно вдвоем. Он старательно вычерчивает иероглифы из алфавита. Его красная ручка с пером, похожим на гусиный клюв, посекундно тыкается в чернильную гущу на дне алюминиевой чернильницы. Отливают синевой чернильные пятна на правой щеке и на кончике носа. От русского языка он перешел к арифметике: $8 - 4 = 4$ или $11 + 7 = 18$. Такие задачи он решает совершенно самостоятельно. Более того – от сорока одного отнять три – будет 38.

Письма твоего все еще нет. Ганя делает сразу несколько дел. Варит ужин, подметает пол, консультирует соседку по пошиву легкого платья, сует в камин обрезки досок и ищет письмо. Письмо найдено. Ну, будем читать. Как раз вошел Израиль в новой теплой коричневой тужурке и серой кепке, с письмом от Семена. Письмо твое прочитал. Теперь я могу более внимательно осмотреть Израиля. На нем синяя в белых линиях рубашка, из которой вздымается массивный живот. Лицо отликает глянцем. Выглядит он хорошо. Читает вслух письмо Семена – всем приветы. Между делом рассказали, что Зоря женится на учительнице по имени Шура. В письме Зори несколько слов, что в его жизни никаких изменений, за исключением, что он женился. Ганя опечалена. Кто эта Шура?

Октябрь 1951 года

По-прежнему тяжелые боли не отступают. Семейные неурядицы усугубляют физические страдания. Постоянные боли обостряют нервное напряжение, и от этого эмоционально резкая оценка действий

жены. Также отрицательно Лева характеризует додиного работодателя Бориса Бравина – этого «денежного деятеля с руками-грабками».

После последнего письма к тебе в состоянии моего здоровья ничего не изменилось. Санаторий лишь замазал раны, но не излечил. Продолжение моих мук началось на третий или четвертый день. Должен был пойти на факультетскую хирургию для свершения последней экзекуции. И не пошел по своей глупости. Наконец с величайшими муками все превозмог и освободился от житейских мелочей – отправил семейку в Лесной.

Со своей половиной, видимо, нас бог разлучит. Если не операция хирургическая, то естественный отход. После операции уеду куда-нибудь навсегда. Может это для моего здоровья окажется лучше. Пятого ноября ложусь, наконец, на операцию в Военно-медицинскую Академию к профессору Григоровичу. О дальнейших событиях сообщу. Из санатория я вышел сразу на работу. Дивлюсь, как выдержали мой мозг и нервы нагрузку при столь адских болях – кроме того, семейный путч. Вот уже третий день, как уединился, и стало просторнее и светлее на душе.

Когда я накануне вернулся из Академии в свою летнюю резиденцию, то был встречен: «Ну что, объездил всю родню и деньги им отдал?». Наконец я понял, что этот человек не может понять мои нравственные муки, не говоря уже о физических болях.

У Гани я был несколько раз, и там действительно немного отдохнул душой. Ганя по-прежнему много работает. Израиль был на работе, и я его не видел. Михаил учится преотлично. Леонард осваивает азбуку и священнодействует над клинописью. Он после дачи простудился и несколько недель не учился. Зоря пишет теплые письма домой и душу радует своими успехами. Что может благотворное сделать время. Я помню его в Парском, когда весь свой талант он употреблял на то, чтобы увильнуть от коромысла. Семен был в отпуску – статный, красивый моряк. Додя работает от Бравина – зубра денежного. Шелест лоснящихся бумажек – товар-деньги-товар – девиз жизни Бравина. И руки оттопырены, чтобы загрести барыш.

И здесь у нас возникает мысль, назойливая мысль, а действительно ли Бравин был так плох? Может быть, это и правда, а может быть, и здесь сыграла свою коммунистическая идеология нашего дяди? Не присутствовала ли тут подспудная мысль, что «торгаши», как и кулаки, что-то социально чуждое? Додя – родной брат, и работает помощником у Бра-

вина, и ему простительно. А вот самому Бравину торговлю не простим.

После длительного лечения проведена операция. Состояние здоровья улучшилось. Возвращению на работу пытаются помешать клеветники. Оказался в тяжелом материальном положении.

Я еще не работаю. На пути к моему устройству были воздвигнуты мифические плотины, которые только недавно удалось смыть стальной струей правды. Меня обвинили в том, что болезнь, мучившая меня в течение почти 10-ти лет, придумана была мною, специально для извлечения выгоды. Нашлись мудрецы, поверившие этому, и мне потребовалось полгода хождения по мукам для реабилитации. Мыльный пузырь, наконец, лопнул, и я к концу месяца получаю назначение. Здоровье мое хорошее. С тех пор, как я оставил на операционном столе 2/3 своего желудка, я воспрянул духом. Беспокоят меня только последствия моих мук – склероз сосудов головного мозга. Но это уже непоправимо.

Последнее время я оказался в таком затруднительном положении, что не мог осуществить своего намерения в части помощи тебе, – и пальто, и прочее ушли на пополнение оскудевшего моего бюджета. Особенных лишений я не терпел, но был немного материально стеснен. Теперь, надеюсь, с поступлением на работу улучшится мое положение. Главное, что я теперь свободен от всяких приступов и болей. Хожу по земле с обновленным телом.

Дорогой наш дядя Лева. Был вынужден продать пальто, но «особенных лишений не терпел». Вот как хороша была советская жизнь. Ведь тот же дядя Лева и не догадывался, похоже, что всю жизнь работая и воюя за свою страну, мог бы жить и получше.

ЛЬВУ ДАВИДОВИЧУ 15 ЛЕТ. СОБРАЛАСЬ ВСЯ ЛЕНИНГРАДСКАЯ РОДНЯ.

Торжественный вечер с 25 на 26 ноября, посвященный дню рождения Льва Давидовича, прошел в атмосфере дружеской. На вечере были представители двух династий, древняя ветвь юбиляра доминировала над второй, которая была представлена дородной Феней с тощим мужем Ефимом и сыном Эриком, девицей Кларой со своим беспредельно широким ртом, объемным грузным телом. *(Первая ветвь – родные со стороны Давида Бутмана, вторая – со стороны его жены Гутти).* Отличилась бес-

причинным смехом изрядно выпившая Маня, пришедшая с девочками Фридой и Симой, и взрослой уже Диной.

Ганя была с Израилем, полуврачом Михаилом и только что отслужившим Семеном, и очень живым и статным Леонардом.

Был я с семьей, и семья самого юбиляра.

На вечере были произведения кулинарного искусства дорогой нашей Гани, воплотившиеся в замечательной фаршированной селедке и сладком лэкехе. Были вкуснейшие торты и блюда из рыб Северного и Южного морей. Была водка горькая и сладкие вина. В числе прочих подарков были открытки со стихотворными надписями Тамары, посвященные юбиляру.

ПОРТРЕТ МАТЕРИ ХАИ-ЛЕИ И ОТЦА СОЛОМОНА.

На вечере мне показали увеличенный портрет с изображением нашей незабвенной матери с дорогим отцом. Облик матери, запечатленный в сердце, вдруг ожил во вдохновенном образе, черты столь близкие и дорогие, в которых светились ум и мягкая, волнующая доброта, вызвал глубокую печаль. Ясный, гладкий лоб, густые смоляно-черные волосы, овальный, слегка удлинённый профиль одухотворенного, умного лица, с ясно смотревшими на тебя голубыми глазами, отражающими глубину ума, силу и красоту души, внутреннюю титаническую волю. Как живая предстала передо мною дорогая, незабвенная наша мать. Отец стоял рядом с ней, и казалось, спокойствие и обаятельная сила красоты душевной сообщалось и ему. Во взгляде мягком светилась искорка добродушия и всепрощения. Передо мною в образах и лицах проплыли годы далекие в потрясениях бурного времени. Брат наш Додя стоит невдалеке и тоже печален.

От тебя так ответа не получил. Я еще пока не у дел. Пользуюсь последним месяцем своей инвалидности II группы. Здоровье мое стало лучше. Погода в Ленинграде неустойчивая, то дождь, то заморозки, вчера только по всем тротуарам блестели лужи и сверху беспрестанно лил косой дождь с резким ветром. Сегодня уже на улицах глубокий рыхлый снег и легкий заморозок.

2 февраля 1953 года

Картина быта сестры Гани. Додя в том же «аду». Работу в учхозе Лева собирает бросить.

Дорогой Боря, мне позвонили, что от тебя пришло письмо, и я приехал для коллективной читки на Владимирский, тем более, что эту задачу во вновь приобретенных очках я мог выполнить легко. Письмо прочитал и сейчас пишу ответ на вырванных мягких листах из медицинской тетради доктора Михаила. Где-то позади меня за спиной шумит отличный ученик Леонард, его успокаивает мерным стеганием пирометрист Семен. Михаил более сдержанно их обоих шлепает каким-то собственной конструкции бумажным веером.

Сестра наша, привыкшая к этому шуму, безмятежно кроит Тамаркиной сестре платье. Израиль на работе. Вчера я его видел в полном здравии. В семье этой все по-прежнему. Михаил учится успешно, Леонард имеет отличные отметки. Семен бросил прежнюю, не по душе, работу и перешел по своей специальности пирометристом на завод «Красная Заря». У Доди все благополучно. Он в том же аду долготерпеливо отбывает наказание.

Семья его в той же комнате. Дети здоровы. Иногда он заедет к Гане, иногда я еду к нему.

Мое здоровье стало лучше, чем было. После операции я уже не испытываю прежних мук. Все стало нормально, как и полагается. Работу в учхозе, как тяжелую и неблагодарную, я бросаю и перехожу в ту же систему, где работал раньше. Сейчас я нахожусь в отпуске дома. Отдых так себе, но все-таки отдых. Я еще не получил благословения на полный расчет, но возвращаться обратно в этот храм науки нет желания. Слишком утомителен и тяжел был мой путь к науке. Чувствую я себя хорошо. После тяжело-го труда, долгих бессонных ночей, отоспался. Успокоил немного нервы.

Я передаю словами нашей сестры обстановку, в которой начал писать: «Хуже чем в корчме плохой – шум, гвалт, крик!» Дома в более спокойной обстановке допишу.

6 сентября 1953 года

Заехал на Владимирский. Работа в опытном хозяйстве не успокаивает. Самочувствие хорошее, но настроение неважное. Инсульт и смерть Таньки ильюшкинской. Незадолго до этого виделся с ней, вспоминали земляков. Долго не писал, находился в каком-то затмении.

Был тяжелый период всплеска антисемитизма после ареста врачей. После смерти Сталина обстановка несколько улучшилась. Это повлияло на настроение Левы.

Из Лесного приехал на Владимирский. Чисто в комнате и уютно. Только что закончился ремонт. Оклеена комната голубыми обоями. На стенах висят картины. Веет прохладой. На кушетке в свободном стиле спит государь. Пришла Галя, похорошевшая после летней дачи, в сером новом пальто. Где-то гуляют отпрыски рода.

Я их всех дождусь. А потом уже уеду на ночлег в хозяйство, расположенное в районе станции «Володарское». Небольшое опытное от НИИ гидротехники и мелиорации. На территории речка «Кикенка». Много, кроме того, хлопот и трудностей. И главное, мало интересное для работы. Не овощеводческое и не плодоягодное, где мне приходилось, как ты знаешь, работать продолжительное время. Угодил я в это полуболото вынужденно. Наступило лето, а я висел в воздухе. Ни работы, ни отдыха. Вывез я тогда свой выводок и разместил на чердаке, который оборудовал для жилья – две комнаты и веранда. Ходили они в лес, собирали ягоды и грибы. Посадили картофель и редьку. Теперь они перебрались в огород. Ира поступила в 1-й класс, Тамара в 8-й. Я остался там на чердаке один. Уборочная в этом году тяжелая. Беспреданно льют дожди. Каким-то чудом успели убрать и обмолотить рожь. Яровые еще убираем, а картофель уже начинает загнивать от воды. Здоровье у меня хорошее. Настроение неважное. Живу без особого подъема, с переменным успехом.

В поселке Володарское, как тебе писал, живут Устья с Маринкой. Я их часто вижу. До недавних дней жила с ними Танька. Но в один вечер она выбралась из своей передней в огород, и там застряла на грядке с помидорами. У нее отнялась, вдруг, правая сторона тела. Ее на руках внесли в дом и положили на койку, единственную, кажется, в гардеробе Устьи. Татьяна потеряла сознание, память и речь. За мною прислали нарочного. Хозяйство мое в 2-х километрах от домика, где трагически кончалась жизнь некогда шумливой и бойкой Таньки. Татьяна Григорьевна тяжело дышала с хрипом в груди. Стон глухой стоял вокруг. Я открыл окно, форточек в доме не оказалось, взял Таньку за руку и долго на нее смотрел. Впавшие щеки покрылись восковым налетом. Лоб, высокий открытый Танькин лоб, весь изборожден морщинами. Танька прощлась с земным бытием.

Передо мною картина из светлых и более темных тонов. Маленькая избушка с крохотными оконцами, где стоят на тупом соскакивающем шпунте жернова. В дырявой соломенной кровле проглядывает небо. Танька стоит у печки, хватая ржаные лепешки из печи и кладет на шербатый стол. Яким с тяжелым самосадам на полатях курит беспрерывно.

Длинный, тонкий Васька на лету, обжигаясь, ловит сырой полуфабрикат из быстрых рук матери. Тут же деликатная Маринка и тучная Устья. За неделю до кончины я вспоминал с Танькой о давно минувших днях: о Боровине, о Лейбе, великом страдальце, об Эте и Гирше, и нашей незабвенной Хае-Лее. Обо всем и о обо всех. О Хацкеле мудром, о Рахмиле и Кейлесейне. О Сашке и Югане. Таньку я оставил в забытьи. Вернулся через три дня, чтобы отправить ее в последний путь. Не знала Танька, что «полутрук» ей сделает крест и отвезет на кладбище.

На поминки к Устье собралась многочисленная родня. Сыны Власа из Линева. Из Бригино, Логиново, Меленково и других мест. Долго я тебе не писал, был в каком-то затмении. Письма твои все читал. У Доди я был вчера, а сегодня он был у Гани. Встречаемся мы с Додей очень часто. Он работает по-прежнему очень много. В конце сентября собирается в отпуск.

Сегодня я звонил Шлеймону. Он уволен из прежней работы и весьма опечален своим теперешним положением – преподает историю в ремесленном училище. Просил ему помочь. Шлема в чине подполковника страдал забывчивостью. Не знал, кто и где с ним встречался. Теперь он вспомнил земляков, спустился со стратосферы в доступную людям область. Он даже вспомнил, что жили по соседству в Ильющкино. Лоск искусственный сошел. Так бывает с выскочками.

В сознании советских евреев не изгладилось погромное время с конца 1952 года, «дело врачей», массовые увольнения с работы. Под это попал и подполковник Шлеймон (Соломон), уволенный из армии и вынужденный преподавать историю в ремесленном училище. Естественно, что о Фане и Сюне (живущих в США), только, что они «там же где и были». Очень тягостный период.

Неизменными остались Данилка Ерзовский и Залман-Исроэл. Оба пролетарии. Фоля в командировке в Любаве (бывшей вотчине Рабина), Давид Плясков в том же состоянии холостяком. Фаня и Сюня там же, где и были: живы и здоровы. Тяжело, конечно, быть вдали от родины и близких людей. Но ничего, скажу, существенного не произошло с тех дней, когда ты приезжал к нам.

Очень тягостный период тянулся долго для многих. Были в тревоге и растерянности. Кажется, что это было не у нас, а где-то. И отпечаток того смутного времени еще не изгладился.

Дорогой наш дядя Лева оставил большое количество не только писем, но он многие события в жизни наших семей описывал в замечательных рассказах, наполненных его юмором, мудростью и наблюдательностью. Уверен, что его замечательные дочери Тamarочка и Ирочка смогут собрать сохранившиеся произведения нашего летописца Льва Соломоновича Бутмана. И тогда мир обогатится еще одной талантливой книгой.

Здесь мы помещаем один из рассказов дяди Левы, написанный по поводу знаменательного события в жизни одного из составителей книги – свадьбы одного из сыновей Израиля Захаровича и Гани Соломоновны – Михаила, в далеком уже декабре 1953 года.

СВАДЬБА МИХАИЛА ФОНАРЁВА И ТАМАРЫ ТУМАРЕВОЙ.

31 ДЕКАБРЯ 1953 ГОДА.

(описанная очевидцем, дядей жениха Львом Бутманом)

Свадьба царя Михаила с царицей Тамарой.

Отрывки из виденного
На свадебном пире,
Состоявшемся по поводу женитьбы
Фонарева Михаила
На Тумаревой Тамаре
В ночь под Новый-1954 год
31 / XII -53 года

Написано одним из участников вечера –
Лесным жителем.

«СВАДЬБА ОТРОКА ФОНАРЕВА»

Когда семья из Лесного, приглашенная на свадьбу по поводу женитьбы одного из отроков семьи Фонаревых, достигла кольца трамвайной линии и твердо встала ногами в обуви, начищенной до блеска, на снежную корку крепко скованной морозом земли, перед ней как в сказке открылась живописная панорама парка на фоне архитектурного ансамбля Политехнического института.

Чем дальше по аллее передвигалась семья, тем плотнее и ближе друг к другу теснились вокруг стройные сосны, ели, пихты, лиственницы и березы в парке, тем все жгучей и сильнее ее охватывал восторг от роскошной красоты и богатства природы.

В белых, пуховых тапочках, серебристых латах, словно живые, стояли недвижно в блестящих изумрудных стройные деревья, встречая гостей в торжественной новогодней тиши.

Семья двигалась все глубже по аллее в серебристом мареве заиндевевших деревьев к конечной цели своего пути, ко 2-му профессорскому дому, где готовились к разыгрыванию свадьбы двух студентов медицинского института. Навстречу им в сером полупальто и в меховой шапке торопливо шагал жених, к тому самому трамвайному кольцу, от которого семья только-что отдалилась, и к которому ожидалось прибытие новой группы гостей во главе с родительской четой.

Главные персонажи предстоящего торжества, как выяснилось потом, выстояли на Владимирском полукруге в ожидании такси более получаса и, убедившись в тщетности своих упований на быстрый и легкий транспорт, сели на девятый номер трамвая и благополучно докатили до кольца, к которому и спешил сейчас для встречи родителей стройный юноша со своим русым, в очках, другом, уже женатым, Олегом (не Кошевым, только).

Пока друзья будут скользить по гладкой, изморозью тронутой дорожке к трамвайному финишу, мы отведем первую группу гостей, состоящую из супружеской четы и двух девочек, к профессорскому дому, где на циферблате был начертан искомый номер квартиры – две плотно примыкающие друг к другу восьмерки. Семья уже приблизилась к ним и занялась приведением в порядок своих, от мороза поверженных в уныние, носов, в соответствии с приличием. И, отдышавшись от легкого испуга, что вот- вот они должны лицом к лицу встретиться с самим профессором, начали свой осторожный и трепетный подъем по обыкновенной, как они успели заметить, лестнице, какие нередко встречаются в каменных домах Ленинграда.

Это открытие их немного успокоило и привело, как говорится, в относительное равновесие. Не так значит, страшен будет визит, если начало подъема оказалось обыкновенным, к которому глаза, и особенно ноги, за годы жизни в городе успели достаточно привыкнуть.

От ступеньки на ступеньку поднимались гости по узкой лестнице наверх к квартире №88. И, как это свойственно всем живым существам на

планете земной перед открытием врат рая, скромные жители Лесного очистились от грехов и от пыли снежной и взглянули на прибитую к дверям дощечку с гербом. Надпись возвещала об имени, отчестве и фамилии профессора Тумарева Алексея Семеновича.

Некоторое время гости оставались в нерешительности: нажимать ли им сейчас на кнопку звонка, или дожждаться подкрепления в лице старой гвардии и жениха, марширующих тут где-то недалеко на подступах к крепости профессорского дома?

Но тут за дверью послышался знакомый голос невесты, и это окрылило надежды усомнившихся.

Гостей действительно встретили с радушием: сама невеста в белом, облегающем её стройную фигурку, платье, миловидная, с приятным детским личиком её сестра, и мать невесты с усталым, но добрым и симпатичным лицом, в глазах которой светились одновременно и усталость, и глубокая затаенная грусть, и печаль жизни.

Гости миновали кухню с горками яств и вина и очутились вскоре в узком коридоре, соединяющем две смежных с двумя крайними комнатами. Тут нас встретил сам хозяин большой квартиры – профессор Тумарев, оказавший нам не менее радушный и теплый прием. Профессор небольшого роста, плотно сложенный, с острым быстрым взглядом и движениями, с волевым лицом, оказывал всем гостям почтительное внимание.

Все четыре комнаты большой квартиры были предоставлены полностью все прибывающим и прибывающим гостям.

Вот только ввалилась в комнату целая их группа, самая почетная и дорогая, во главе с родительской четой, под надежным эскортом жениха и его друга, вернувшихся, наконец, из похода.

Сваты встретились впервые, трясли дружески руки друг другу, симпатично при этом улыбаясь.

В одной из комнат, на тахте спал безмятежным сном, притомившийся от беготни по комнатам с бенгальскими огнями, младший отпрыск фонаревского семейства – Леонардо-да Винчи. Его разбудили, к сожалению, неосмотрительно рано. И он снова пустился в марш по комнатам с целым пучком ракет, которые он ловко зажигал и, брызгая искрами, старался непременно попасть в головы и спины блуждающих по комнатам гостей. В меру допустимого гости огрызались, отпрыгивали, защищаясь от леонардовых козней, но принимать более действенные меры не решались...

К гостям то и дело подходили то мать, то отец невесты, стараясь занять чем можно гостей, усаживая и устраивая одних и встречая других.

Постепенно всё движущееся и пахнущее духами и одеколоном твердо осело в комнатах, вполне освоившись с обстановкой.

Каждый из гостей нашел применение своим наклонностям, привычкам и привязанностям. Одни разглядывали реликвии и стояли около рояля, другие любовались из окна парком, третьи уселись перед телевизором смотреть через увеличительную линзу новогоднюю телевизионную программу, четвертые производили в комнате невесты горячую обработку чьей-то головы с расплетыванием и заплетыванием кос.

Жених с невестой готовились к торжественному часу своей жизни, делая последние усилия над своим туалетом.

Ансамбль гостей, меж тем, все более разрастался, пока не заполнил весь почти простор большой комнаты с длинным, сервированным свадебным столом, вокруг которого теснились различной конфигурации и стилия стулья и кресла. В красном углу, на почетном месте за столом уселись жених, сияющий от блаженства, а рядом невеста – чистая, румяная, словно вымытая в кипучем нарзане.

Жених тонкий, высокий, с копной черных волос, венчающих мыслящий, гейневский лоб, с блестящим, быстрым, волевым, слегка ироничным взглядом черных глаз.

Невеста с более мягким выражением больших карих глаз, но с орлиным быстрым взглядом в сторону, сидела бок о бок с суженым своим, наклоняясь то в сторону родителей жениха, то прижимаясь к будущему мужу. (Миша в амплу мужа! Слушайте и внимайте, кто может!)

Гостей собралось немало. Свободных мест у занявшего почти всю длину комнаты стола почти не оказалось. Над установлением приблизительного порядка за плотно облепленным гостями столом принялся сам профессор Тумарев – отец невесты, в конце своей благородной миссии признавший, что легче командовать полком, чем неорганизованными гостями. Непосильный его труд продолжался, однако, еще минут 10 – время как раз достаточное для ознакомления с гостями, прибывшими на свадьбу.

На правом фланге заняли твердо свои позиции родители жениха с младенцем своим Леонардом – младшим братом жениха. С круглой стройной головкой, сверлящими зрачками бегающих во все стороны глаз, он был одет в серый шерстяной костюмчик, полосатую шелковую рубашечку с пионерским красным галстуком, гармонирующим с бенгальскими

огнями, торчащими тут же в кармане.

Отец жениха, дородный Израиль Захарович Фонарев, с массивной, лысой головой, продолговато овальным лицом, гордой осанкой и независимым видом, прибывший на свадьбу сына в дом невесты в широком драповом пальто, красивой, к лицу шляпе, клетчатом шерстяном кашне, в ладно скроенном и крепко сшитом дорогом костюме, в шелковой, гладко выутюженной рубашке с красивым галстуком, новеньких ботинках, притягивающих к себе взор, как бы говорящем: «...смотрите, мол, и понимайте с кем сроднились. Не с голь-шмолью какой, а с солидной формации людьми.»

К нему для полноты композиции была подсажена жена – мать жениха, женщина с глубокомысленным взглядом и житейским опытом, труженица полей и швейного мастерства, в красивом, сверхмодном, специально сшитом в ателье для свадьбы платье, отливающим в матовом свете электрических лампочек всеми цветами радуги и живописными рисунками всевозможных видов и пейзажей, в желтых туфлях с пряжками, с перламутровыми блестками в две строчки, – туфли неописуемой красоты и грации!

Доброе, с чуть заметным напряжением лицо матери, исстрадавшейся за годы воспитания сына, выражало в этот памятный для нее вечер внутреннее сияние души, умиление, и святую, чистую материнскую любовь, доброту сердечную и радость, ликование за сына, определившего, наконец, счастливо свою судьбу и жизнь в кругу столь уважаемой и почетной семьи.

Взгляд ее усталых глаз, от вечных забот с ранего детства по хлебу насущному и труда, на мгновение посветлел, устремившись на сокровище свое, а потом быстро, быстро затуманился от слез радости, переполнившей сердце...

От той поры, когда в страшную годину блокады повисла на волосок от смерти жизнь детей и, в особенности, жизнь ныне ликующего на свадьбе сына, худенького, припухшего в то время от голода, до вынужденного путешествия по чужим краям, без видимой надежды на спасение, от эвакуации и возвращения затем в разрушенный страшной войной, обескровленный город, от жизни без крова в сыром склепе, без воздуха и света, в сырости и мгле, – до нынешнего счастливого дня свадьбы сына, – легла тяжелая полоса испытаний, величайшего горя и мук по силе тяжести и изнурения небывалых...

Миша учился на отлично, сохраняя при сем свежесть памяти и моз-

га, делая уроки на крохотном, выщербленном верхе старой швейной машинки Зингер, уцелевшей каким-то чудом от разгрома в переполненной живыми телами проходной комнатке с квадратурой по 100 сантиметров на душу.

Двум школьникам нельзя было разминуться при встречном движении в комнате. Облако густого дыма и пара плыло беспрерывно, непроницаемой пеленой с кухни в комнату, застилая глаза, предметы и людей в обители темной. Единственное окно этой кельи выходило на двор, где кошки, собаки и коты устраивали концерты.

Если заходили в склеп люди, то усаживались прямо на кровати...

Из мертвящего склепа, где от сырости гибли даже грызуны, семья выбралась только через 5 лет в комнату на Владимирском проспекте.

Вот уже без 5 минут двенадцать. Новый год стучится в дом. Гости за столом шумно задвигались. Откупоривались бутылки с водкой, старкой, вином и шампанским. Заполнялись пенящейся влагой бокалы и рюмки.

Первый тост за молодых, за их счастье, за слияние их душ в единое целое провозгласил, ставший в линейку, полковник, в мундире с пятью колодками наградных лент от орденов и медалей на груди. Военный по лицу имел сходство с матерью невесты. Говорил он и смотрел на окружающих мягко и сердечно, с задушевной искренностью.

После первого тоста последовал второй. Аркадий Евлевич стал еще добрее и смотрел на гостей открытыми, светлыми глазами, вызывая к себе симпатию. Рядом с првозглашающим тосты полковником сидела молча его жена с прической а-ля..., насупившаяся, с натянутым, словно свиная кожа на барабане, лицом, в возрасте за 50 с сохранившимися телесными статями, и острым взглядом на продолговатом, ничего не выражающем лице.

Тут же возле нее сидела Мария Давыдовна, вдова моего брата и дяди жениха Менделя, погибшего на фронте. Она была в вишневом платье, с открытым, посвежевшим белым лицом.

Напротив, по ту сторону сервированого стола сидели: дядя жениха, в новом добротном сером костюме, свежесвыбритый, молчаливый, улыбающийся Додя с острыми, живыми, быстро реагирующими на все, добрыми, излучающими особое тепло, глазами.

Он пылливо на все смотрел и улыбался, приглашая глазами своего, сидевшего у края стола брата, сказать тост в честь новобранцев, полагая в

простоте душевной, что тот в грязь лицом не ударит. Но сколь убедительно его глаза ни склоняли брата на красноречие, последнему не удавалось выполнить просьбу в отношении тоста, из-за особой приверженности к оным полковника в военном мундире с погонами.

Не успевали гости опустить рюмки после произнесенного им очередного тоста, как тут же следовал следующий, еще более обстоятельный и растяжимый, с декламацией полных текстов лирических стихов поэта Щипачева, настраивающих слушателей на дружбу, любовь, славу и доблесть...

Полковник особо почитал поэта, и всеми фибрами своего корпуса и языком, в меру сил своего таланта старался разбросать внимающей добросовестно публике как можно больше связок стихов с ямбами и хореями.

Я ждал терпеливо у окна просвета в туче тостов, и, не дождавшись такого мгновения, грустно думал про себя:

«... Над столом, с поднятой рюмкой,
В мундире и наградах боевых,
Запасшись полной сумкой...
Бросал в эфир пиит горячие стихи..

Он лил как из рога изобилия
поздравительные тосты новобранцам,
не позволяя ни одному Виргилию,
хотя бы с тостом менее удачным,
к публике жадной обратиться..
не мог на это он решиться...

Нет, не склонит гордой головы,
не даст пиит прозе просочиться!
Пока на языке не вскочат волдыри,
ему никак не усмириться!

Наливайте же бокалы с шипучим вином,
пейте до дна, дорогие!
Закусите лирическим стихом
в разыгравшейся тостов стихии,
пожеланий и похвал радушных
от друзей беспутных...»

После многократных кругооборотов по столу согласных и щипящих

рюмок с вином в комнате гостей наступило веселое оживление. Гости вставали со своих мест, выходили из сомкнутого кольца и, совершив по спирали вираж, с полными бокалами шампанского направлялись к сияющей новобрачной чете для поздравлений с приложениями.

Согретые прозой и вдохновенные стихами Щипачева, молодых заключали в объятия, целовали до удушения, и, отлетая в сторону, кричали, убедившись, что жених с невестой еще дышат, ...горько! горько! горько!

Переполненные радостью молодожены тянулись друг к другу, их уста сливались в поцелуй, находя величайший смысл и материально-чувственный эффект в этом вечно неугасающем акте, следующем всегда после величественного народного клича...горько! горько!

За каждым приливом криков «горько!» следовала обычно короткая пауза отлива и, уловив такой миг, невеста сошла со своего свадебного трона и направилась, увлекая за собой своего суженого, к сидящим на другом конце стола родителям.

Дочь поцеловала поднявшуюся навстречу ей мать и перешла к отцу. Жених, ведомый невестой, покорно подставлял части своего темени и лица для излияния родительских чувств, не столь уж и горячих, как успели в том убедиться некоторые. Пройдясь по кругу, молодая чета вернулась обратно и водрузилась на свой трон.

Их ожидал уже следующий тост. На сей раз не в стихотворном, а в сугубо прозаическом изложении. Тост был провозглашен отцом жениха, с которым вы уже успели немного познакомиться. Зря вы сразу не обратили внимание и не познакомились с его сыном Семеном, очень добрым малым, красиво сложенным, в коричневом костюме, женатым, но пришедшим на свадьбу брата без четы своей. Кстати сказать, это никем не было замечено, разве что одним добродушным Семеном, взявшим со стола горсть шоколадных конфет для угощения своей жены.

Давайте послушаем тост отца:

«Сегодня, товарищи!..., – начал патетически тост свой оратор, – мы все здесь собравшиеся, присутствуем на свадьбе двух молодых, наших кровных детей. Мы присутствуем здесь при совершении, так сказать, священного акта соединения двух, тесно уже слившихся воедино душ...

Нелегко нам было вырастить и воспитать доктора... кормить и одевать его... и дожидаться, наконец, торжественного свадебного пира, на котором все мы сейчас находимся... Мы им вдохнули жизнь, вывели и пустили на

житейский тракт... и мы желаем им счастливого пути по неизведанным тропам и перевалам жизни... Выпьем же за долгую, красивую и счастливую жизнь наших славных, дорогих детей!»

Слова сердечного напутствия вызвали всеобщее одобрение и шумные, продолжительные аплодисменты.

Лихорадка тостов меж тем грозила разжечься в пламя бушующего пожара.

К военному Аркадию Евлевичу снова вернулся жар поэзии и длинные тирады щипачевского песнозвучия готовы были излиться в необъятное море...

Все с надеждой глядели на профессора, ожидая словесных излияний в форме тоста. А он, скромно усевшись на краю стола с Любовью Ароновой, молчал. Видимо в мозговых полушариях, где аккумулировалась высшая нервная деятельность, что-то тормозилось.

10-й по счету интернациональный тост Аркадия Евлевича за счастье всех детей мира, в общем, выдержанный политически, был встречен однако оппозиционно.

«Дети разные бывают, поправил его профессор, за каких ты, Аркадий, поднимаешь тост? Ныне сухих в нашем поле зрения, реально нами ощущаемых, или вообще за молодое поколение?»

«Тост требует некоторой конкретизации!», – бросил кто-то реплику со стороны.

Евлевичу недолго пришлось думать о детализации детского тоста. Он тут же произвел рекогносцировку, и тост был видоизменен, с добавлением биолого-материалистической сущности в произношении его, – «...Пью и поднимаю бокал, – возвестил с пафосом полковник, – за конкретных, ныне в материи сухих в науке и любви, наших детей, молодоженов Михаила Фонарева и Тамары Тумаревой! Ура! Товарищи гости.»

Зазвенели рюмки, и конкретный, с материалистической основой тост растворился в сдержанном смехе и улыбках гостей.

Добрый дядя, сидящий в сообществе симпатичной жены своей с янтарными бусами на белом шелковом платье с темно синими разводами, золотым кольцом с рубином под цвет ногтей, снова повторил призыв свой глазами брату своему – произнести тост. Тот пожал плечами, дав понять, что ему на утлой ладье скромности не прорезать высокие волны бушующего моря полковничьих тостов...

Рядом с Додей, с кудрями черных волос на кудлатой голове, сидел второй Дэвик, с юным, вдохновенным лицом художника. Гость с кудла-

той головой представлял семью Финкильштейн – кораблестроителей.

По левую руку от кудлатого музыканта, студента кораблестроительного института Дэвика, сидела златокудрая красавица Таня с пунцевым румянцем на миловидном личике девственной прелести.

Не такая ли, как эта, подумал я, Татьяна вдохновила на подвиг поэтический гения, творца бессмертных строк «Евгения Онегина»?

Татьяна с Ленским, то бишь с Дэвиком, направились к роялю. И зал наполнился аккордами классических симфоний Листа, Шуберта, Моцарта, Бетховена и Штрауса. За классикой полились лирические аккорды еще более сладкозвучной музыки...

О, Боги! Какая прелесть!

Стол был сервирован вкусными яствами, разными винами, в полном соответствии и ассортименте по новейшим законам кулинарии, гастрономии и гостеприимства. Изобилие блюд не иссякало и после 15-го тура тостов.

Прекрасна была фаршированная рыба, приготовленная искусными руками двух матерей. Прекрасны были вина и шампанское...

На краю стола, в молчании, неподвижно, словно статуэтка, в вишневом платье сидела девушка с вдохновенным личиком, задумчивая, с темно русыми волосами, заплетенными в косу с бантиком. Ее младшая сестренка, с двумя косичками, в коричневом школьном платье, глядела на все испуганными карими глазками, стремясь скорее выполнить завет матери об отходе ко сну после второго звонка...

Рядом с дочками сидела их мать, в обрамлении русых волос, в модном темно синем костюме, облегающем стройный, начинающий слегка полнеть, стан.

Когда буря тостов улеглась, и повеселевшее общество вздохнуло свободно, в образовавшуюся паузу поднялся с бокалом в руке профессор, (Евлевич в этот святой миг отвлекся на физиологический процесс переваривания пищи и множественных, высказанных им тостов за свадебным пиром, и поглаживанием жены за исполненную ею двойную операцию поглощения пищи за себя и за тостоговорителя.)

Речь профессора Тумарева была выдержана в спокойном, ровном тоне, без пафоса и междометий с суффиксами. «Друзья мои, хочу напомнить Вам, – произнес ровным, спокойным голосом отец невесты, – слова из произведения классика русской художественной литературы, велико-

го Гоголя, где он говорит о родстве не только по крови, но что существует еще один вид родства – по признакам бытовым (мне послышалось, что по видовым, но это чисто профессиональная привычка), – так вот, продолжал профессор, я предлагаю поднять тост и выпить за утверждение бытового родства, за новое родство по признакам бытовым, за счастливую и дружную жизнь детей наших!»

Тост, хотя и краткий, и не всеми сразу осмысленный, был встречен шумным рукоплесканием.

Слегка охмелевшие гости танцевали мирно фокстрот и другие танцы под аккомпанемент патефонных пластинок. Вместе с гостями кружились в вальсе жених с невестой. Полковник, преуспевший на ниве словесности, показал свой изумительный талант и на поприще танцевальном. Евлевич классически, с забавной виртуозностью отплясывал грузинский танец с саблями...

Пир свадебный длился до рассвета. Гости стали собираться к отчаливанию.

В бухте закачались на волнах прибой челны. На рее развевался розовый флаг мира, любви и надежды...

Тепло и искренне распрощавшись с хозяевами дома, гости разъехались по домам, в виду чего была прервана беседа с флагманом флота о его детстве, юности и тернистом пути к ученой славе.

До новой встречи, дорогие!

Так и остался произнесенным тост одного из участников празднества:

«Друзья мои! Медики, филантропы и гуманисты!

В плавание житейское отправляясь,

Не прерывайте связывющие вас нити

От берега материнского удаляясь!

Не забывайте отчизны уроки,

Лелеющих вас матерей...

В жизнь вашу вписавших яркие строки

Отцов своих и друзей!

Помните о детстве, о юности своей,

О светлых годах учения,

О зарнице красивых огней

Осветивших ваш путь на мгновение...

О пламени любви и дружбы настоящей
 Во все периоды жизни -
 В солнечный день и ненастный...
 К знанию, как к солнцу стремитесь,
 Учитесь, учитесь, и еще раз учитесь!»

28 марта 1954 года

Михаилу Фонареву 23 года. На день рождения собрались все родственники. У дальней Фени уже два внука. Пока живущая в США сестра (Фаня, Фейга) числится как «дальняя Феня».

Маринка, дочь Устья, вышла замуж за туземца из Малашково.

Работа непривлекательная. Мысли об отъезде. Возобновляются боли. Как быстро летит время. Уже 9 лет как кончилась война, сколько людей уже ушли.

На улице весна. Стаял весь снег, не только на проспектах в городе, но и на полях. Разлились реки, чернее стала налитая вешними водами земля. Каждый день совершаю рейсы из города в деревню. На зимний период перебрались в город, семье моей вроде лучше, а мне двойная работа. Встаю в 6 утра и возвращаюсь, когда в 9, а когда и в 12 ночи. Иногда по пути заглядываю к Доде нашему славному у Нарвских ворот, а когда и к Гане заверну. А то бывает, что в один вечер к обоим заезжаю. Додя все также много работает, с утра до поздней ночи.

Недавно мы все были на именинах у доктора Михаила. Собралось с обеих сторон порядочно душ. Тамара крошечная, быстрая и стремительная, с высоким, тонким Михаилом, радушно и весело настроенным.

Мать Тамары, Любовь Ароновна, женщина симпатичная и ласковая. Отец, профессор Тумарев, небольшого роста, неказистый на вид, с выговором вологодским и хрипотцой в голосе, пьющий и курящий с умением достойным. Рыженькая его вторая дочь Таня, миловидная, с прищуренными глазками.

Израиль в ладном костюме, Леонардик в костюмчике бархатном, Ганя в платье праздничном. Все в приподнятом настроении. Додя, Геня и живые непоседы Леночка и Илья, уже юноша со странностями – Лева.

Пили, закусывали отменной фаршированной рыбой, студнем, гусем жареным, и прочим. Гости разъехались уже во второй половине ночи. Ко дню рождения получена была телеграмма от Зори с целой серией фотоснимков.

Живут они хорошо. Прислали в подарок Гане самовар.

От дальней Фени нашей было письмо. У ней уже два внука. Дочь ее еще учится. Кроме близких родных встречаюсь иногда со Шлемой, он спустился со своего пьедестала на обычный грунт, и стал от этого человечнее. Видел Ефима Слуцкого и Илью Бутмана из Пустошки. Конечно, часто вижу Устью и Маринку, последняя совершила вторичное замужество за туземца из высокорасположенной деревни Малашково.

О себе что могу сказать новое, что я еще работаю на старом месте, в хозяйстве непривлекательном, возможно, что соглашусь на поездку в дальние края.

У нас большое сейчас движение, много людей едет на освоение земель. Из нашей квартиры выехала Катя в Казахстан. Мне предложили поехать на Северный Кавказ. Вот туда я бы, пожалуй, и двинулся. Когда все выяснится, и место, и роль моя, я сообщу. Пока готовлюсь к посевной. Отпуск при этом я не смог получить, отсрочили до лета. Самочувствие мое не совсем хорошее. Намечаются симптомы расстройства и боли в желудке. Три года, однако, я чувствовал себя сносно. Пил и ел что попало, а этого, видимо, нельзя было делать. Годы идут, естественно, организм слабеет сам по себе.

Давно ли были еще совсем молодыми, а вот уже 10 лет как окончилась война, 12 лет прошло, как мы были в колхозе «Красный пролетарий» в Гладышеве. Скажи, уже 14 лет, как все рассеялись после 1941 года. Сколько ушло людей за этот короткий отрезок. Так идут годы, движется время и незаметно накапливается, и назревая, лопается и улетучивается, как и не было на свете.

А вот одно из последних писем дяди Левы, адресованное двоюродному брату Давиду – сыну родной бабушкиной сестры Хаи-Леи, живущей в Великих Луках.

9 января 1966 года. Ленинград.

Дорогой мой брат Додя!

Ты несказанно обрадовал меня твоей весточкой о себе. Во все годы моей бродячей цыганской жизни я не выпускал из сердца своего милые образы моих дорогих сородичей.

В моей памяти живы все годы и мимолетные встречи с вами. Тот день, когда я у вас был в Великих Луках, запечатлелся на всю жизнь.

Мне кажется, что попади я в этот город на берегу Ловати, нашел бы то место, где стоял ваш дом. Все вы теперь рассеялись по белому свету. Помню, как мне Давид Евлевич Плясков сообщил по телефону адрес Фоли в Иваново, и я получил от него ответ на свое письмо. Он мне подробно написал обо всех и даже прислал фото милой и умной Рохи-Леи – матери вашей. Он писал мне о ее тяжелом недуге, лишившем ее свободного передвижения из-за хронического ревматизма ног. Я тотчас написал письмо по твоему адресу, но не суждено ему было дойти до адресата... В тот же день я был сбит с мотоцикла шедшей позади автомашиной и угодил с сотрясением мозга и переломом руки в районную больницу. И все тогда было повернуто.

Сейчас это все прошло. Мне сообщили о вашем визите с Фолей в Ленинград. И я был весьма огорчен, что ты не мог продолжить свой маршрут на машине до Приозерска. Там чудесный, очень живописный пейзаж.

Карельский перешеек привлекает своими красотами многих туристов. Система озер объединена красавицей Вуоксой и являет собой чудо природы.

На одном из красивейших мест расположена техническая база института, где я работаю. Там, на берегу Отрадненского озера, в ореоле ароматного хвойного леса, ты бы нашел приют и сердечный прием. Видимо, Давид и Борис, – мои братья, тебе рассказывали об этом.

Я не теряю надежды на встречу с тобою в этом месте, тем более, что ты, как мне передали, высоко квалифицированный водитель и обладатель автомобиля. Побывав в Ленинграде, ты уже знаешь все наши адреса. Я буду в этом году в Приозерске. Приезжайте с Фолей и членами семей к нам подышать насыщенным озоном карельским воздухом.

Мне передали, что ты много преуспел в науке, и чрезвычайно занят. Буду весьма рад и признателен тебе, если ты до путешествия к нам найдешь досуг написать мне с возможной подробностью о жизни и делах ваших, а, главное, о здоровье и самочувствии мамы. И, если ты осведомлен, то напиши и о своей тете Басе и ее дочерях. Напиши мне их адреса, а заодно и адрес Фоли. Я от него получил до моей катастрофы очень подробное и душевное письмо...

Что тебе написать о себе?

Вероятно, тебе рассказывали. Живу я и работаю в Приозерске – это в 140 километрах от Ленинграда, – бывший Кексгольм. Здесь, на берегу Ладожского озера раскинулось опытное хозяйство и научно-исследова-

тельский филиал Северного научно-исследовательского института Гидротехники и Мелиорации. И вот я в роли директора и старшего научного сотрудника здесь уже 5 лет. А до этого, как тебе известно, работал в числе тридцатитысячников председателем колхоза.

Моя агрономическая работа в совхозах и колхозах не легко мне давалась. Здоровье мое пошатнулось, и я уже начал подумывать о пенсии. Большой и сердечный привет тебе, маме и всей твоей семье от Давида, Бориса и Гани.

У нас зима, холодная и морозная. Глубокий снег, метели и вьюга. Но зато воздух звонкий, как серебро, и чистый, как алмаз.

Многое из природы Карельского перешейка напоминает мне благодатный и родной илюшкинский пейзаж с его косогородами, лугами и долинами, лиственными и хвойными лесами, ореховыми рощами, реками и озерами.

Желаю тебе крепкого здоровья, бодрого настроения, успеха в творческом труде и счастья в жизни.

Лева.

9 января 1966 года. Ленинград.

Нам хочется завершить эту главу о нашем любимом дяде Левае рассказом Леонарда Фонарева:

ТАМ ГДЕ РОСЛИ КОНФЕТЫ

Рассказ для детей и взрослых

Помню как сейчас. Конфеты росли прямо на кустах дикой малины и сирени. Да, да! Настоящие конфеты кондитерской фабрики имени Надежды Константиновны Крупской. «Мечта», «Старт» и «Коровка». Это случилось в маленьком селе Прибытковое под Ленинградом вскоре после войны. Я, второклассник ленинградской школы № 219, был личным свидетелем этого необычного явления природы.

В то лето мои родители вместе с родственниками, по традиции, снимали дачу под Ленинградом на время летних каникул. Переезжали серьезно. Брали с собой все кастрюли и сковородки, кровати с никелированными набалдашниками, керосинки, керогазы и другие ныне музейные редкости. Мама, которая была портнихой в своей многодетной семье с

восьмилетнего возраста, обязательно брала швейную машинку «Зингер» У нее и у знаменитого писателя Юрия Олеши был один и тот же лозунг: «Ни дня без строчки» Правда если в Ленинграде она принималась за работу в 6 утра, то на даче она позволяла себе спать до 7 утра.

Телевизоров и прочего баловства, естественно, не было. Зато было радио – одно на всех. Вернее не радио, а громкоговоритель с наглой квадратной мордой. Он находился в Доме отдыха работников мясной промышленности, метрах в ста от нашего дома и с утра до вечера проклинал американских поджигателей войны и предателя Тито. Чтобы так орать, – шутила мама, – надо было есть много мяса. Мы просыпались под гимн Советского Союза и засыпали под песни о любимом друге и вожде – товарище Сталине.

Главы семей, конечно, продолжали работать и выбирались к нам только на воскресенье. Суббота была тогда рабочим днем. Телефонов не было, приедут они или не приедут мы точно не знали. Но обязательно шли на станцию «Елизаветино» в трех километрах встречать наших отцов.

И только дядя Лева, брат моей матери, приезжал на казенной, как тогда говорили, машине. Это был открытый джип «Виллис» (из американских подарков) с персональным шофером по имени Мыкола. Мыкола, помню, отличался непостижимым апетитом и был серьезным испытанием для наших матерей. Он съедал пищу быстрее, чем ему подносили.

Только приговаривал:

– Чо ешо будэ? – Случись Мыколе жить в наше время в Америке он бы стал знаменитым чемпионом по поеданию сосисок или гамбургеров и угодил бы в книгу рекордов Гиннеса. Не сомневаюсь, что вдохнуть двадцать пять сосисок было бы для него лишь разминкой перед обедом.

Его начальник и пассажир дядя Лева был председателем большого колхоза. Он был не простым председателем – он был Спасателем. Каждый год дядя Лева спасал по одному колхозу. Сельское хозяйство, по которому ударила коллективизация, а затем война было в ужасном состоянии. Мужиков не было: они либо погибли, либо сбежали в город на заработки. Остались женщины с детьми. Талантливый изобретатель и человек с большим сердцем, дядя Лева, что-то обязательно придумывал, чтобы облегчить участь рабов колхозной жизни.

В конце года колхозники умоляли оставить дядю Леву, но Партия была непреклонна:

Лев Соломонович Бутман был один, а отстающих колхозов было множество. Поэтому каждый новый год он начинал на новом месте. В Ленинграде у него была красавица жена и две чудные дочери, ему предлагали работу в научно-исследовательском институте, но ему, как лермонтовскому паруснику нужны были бури. Двенадцатилетним мальчиком он присоединился к отряду красноармейцев, который проходил мимо его родного местечка под названием Ильюшкино, и прошагал вместе с ними несколько километров. С тех пор он так и остался в душе юным красноармейцем.

Как-то в один из своих краткосрочных приездов он спросил:

– Ребята, а вы знаете, что у вас тут конфеты на кустах растут?

Новость была «на ура» встречена моими двоюродными братьями и сестрами.

– Где они ластут? – с восторгом закричал самый младший – 3-летний Ильюша.

– Сейчас покажу, – ответил дядя, и вся компания двинулась в путь.

Ильюша и дядя Лева шагали впереди. Как полагалось председателю колхоза того времени дядя Лева был в гимнастерке и в военных брюках под названием «галифе», заправленных в сапоги. У него было много орденов и медалей, но он никогда не одевал даже орденских ленточек. Во время войны ему пришлось выпрыгивать с парашютом из горящего самолета. К счастью, он остался жив и не попал в немецкий плен. Мама говорила, что не будь он евреем, то получил бы звание Героя Советского Союза. Сам дядя Лева о войне никогда не говорил.

Взволнованный Ильюша первым обнаружил сладкое сокровище.

– Вот они ластут, – закричал он.

И, действительно, конфеты росли прямо на кустах дикой малины и сирени, неподалеку от «мясного» радио. Как это мы их раньше не замечали? Настоящие конфеты кондитерской фабрики имени Надежды Константиновны Крупской. «Мечта», «Старт» и «Коровка». Они выросли вместе с белыми ниточками, совсем как на новогодней елке в Доме Культуры.

Но человеку, даже маленькому, всегда мало.

– А шоколадных конфет нет? – спросил кто-то (шоколадные конфеты были много дороже).

– Ленинградский климат не позволяет, – объяснил дядя Лева.

После его отъезда мы бегали каждый день проверять не поспели ли новые конфеты. Но их не было. Однако стоило приехать нашему доброму волшебнику, как конфеты появлялись опять. Он радовался вместе с нами и «удивлялся» тому, что мы не замечали их в его отсутствие. Он был мечтателем, аккуратно писал стихи в общую тетрадку, которая всегда была при нем в его военной полевой сумке. Из поэтов любил Михаила Светлова и его знаменитую «Гренаду».

И вдруг джип с Мыколой за рулем перестал приезжать. Прекратились и конфетные «урожаи». Как выяснилось, дядя Лева слег в госпиталь. Сказались военные раны. В госпитале он продолжал писать стихи и любил делиться своими планами на будущее, которым не суждено было осуществиться. Как и светловский герой он рано ушел из жизни...

С тех пор прошло очень много лет. Человечество слетало на луну, послало вездеходы на Марс, вооружило компьютерами первоклашек, но оно так и не научилось выращивать конфеты на кустах дикой малины и сирени.

Это умел делать только скромный агроном дядя Лева.

* * *

Часть I: Глава 7

А.П. САПУНОВ – ПЕВЕЦ ВИТЕБСКОГО КРАЯ.

Изучая материалы по истории Витебской губернии, мы познакомились с трудами выдающегося историка и краеведа, певца Витебской земли, Сапунова Алексея Парфеновича.

А.П. Сапунов родился в 1851 году в г. Усвяты (теперь районный центр Псковской области). После получения высшего образования в Москве он много лет проработал в канцелярии Витебского губернатора. Был высокообразованным человеком, знал несколько языков, в том числе польский, древнегреческий и латинский.

Сапунов редактировал и лично написал много статей для «Памятных книжек Витебской губернии». Ряд работ этого историка посвящен жизни и быту евреев, составлявших в то время значительную часть населения городов и местечек губернии. В своем большом труде «Витебская старина» он упоминает о патриотической роли евреев во время Отечественной войны 1812 года. Список книг и статей, принадлежащих перу Сапунова, занимает несколько страниц.

В основном труды историка посвящены Белоруссии и Витебской губернии. Большую часть своих книг и статей А.П. Сапунов написал в небольшом имении недалеко от Витебска, которое сам окультурил и благоустроил.

В «Справочнике по истории дореволюционной России», в списке материалов по Витебской губернии оказались очень полезные для нас книги, составленные Сапуновым:

37.12.2.9. «Список населенных мест Витебской губернии».

38.66.4.29. «Землевладения и земледельцы Витебской губернии».

Обе книги изданы в Витебске в 1906-1907 годах.

Мы обрадовались тому, что в этих работах обнаружили сведения о поселениях наших предков Фонаревых и Хроловых в Лудзенском и Не-

вельском уездах. Причем, приведены имена наших деда и прадеда, как владельцев земли в деревне Ильюшкино Рыкшинской волости Невельского уезда.

Здесь и дальше шифры книг указываются по каталогу РНБ.

В фундаментальном труде Алексея Парфеновича – «Река Западная Двина», изданном в Витебске (кстати, все Фонаревы и Бутманы жили в бассейне этой большой реки), мы нашли описание озера Язно, длина которого 8 верст, а ширина до 2 верст.

На его берегу расположены родные для нас деревни, в том числе Сатонкино и Петраши. Описание и перечисление всех рек, речушек и озер бассейна Западной Двины занимает толстый том.

Мы искали в нем речку, расположенную у деревни Ильюшкино и упомянутую в книге «Землевладение и земледельцы Витебской губернии». Нашлось озеро Спастырское, недалеко от Ильюшкино, может быть из него или в него втекала эта речка. Дядя Лева писал об ильюшкинской речке с белыми лилиями, куда они бегали купаться. Но название не указывал. Теперь мы узнали – это Спастырка. Существует ли она сейчас, или в результате бездумных советских мелиораций исчезла, как и многие другие реки с чистыми водами?

Озеро Язно казалось нам в детстве огромным, как море с таинственными и необитаемыми островами. Кстати, в последние годы петербургские зоологи на лето вывозили на эти острова обезьян. Видимо, экология родных нам мест достаточно благоприятна.

После революции для Сапунова наступили тяжелые годы. Имение было разорено. Чтобы не умереть от голода, он был вынужден за бесценок распродавать свою уникальную библиотеку. Скончался Алексей Парфенович в нужде и бедности в 1924 году.

С 1925 г. имя этого выдающегося человека долго нигде не всплывало. Завесу молчания прервала в 1991 г. газета «Витебский рабочий». В РБН под шифром находится книга о его жизни: «Сапуновские сокровища». Автор – Д.Р. Газин, издана в 1998 г. в Витебске.

Труды Алексея Парфеновича являются ценным источником информации для людей, интересующихся своим прошлым, и особенно для тех, предки которых жили в Витебской губернии. В трудах Сапунова они могут найти конкретную информацию о своих родственниках, подобно той, которую удалось обнаружить нам.

* * *

Часть I: Глава 8

СУДЬБА МЕНДЕЛЯ И МАРИИ БУТМАНОВ

РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА МЕНДЕЛЯ. НЕДЕЛЬНЫЙ ПИР В ЧЕСТЬ ЭТОГО ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОБЫТИЯ.

В конце XIX века, в поисках лучшей доли, семья Соломона Бутмана перебралась через границу еврейской оседлости и поселилась сначала в деревне Сатонкино Рыкшинской волости. В этой же волости располагалось и Ильюшкино.

Сатонкино – старинная русская деревня в псковской глубинке (существует и поныне, но состоит теперь лишь из нескольких домов), располагалась на берегу богатого рыбой живописного озера Язно.

Основными занятиями жителей деревни были земледелие и садоводство, но не брезговали они и рыболовством. Деревня утопала в прекрасных садах. Выращивали груши, яблони, сливы, ягоды. В Рыкшинской волости и в прилегающих к ней деревнях селилось, в основном, православное население, но жили здесь и староверы, предки которых перебрались в эти отдаленные места, уходя от преследования церковных властей. Здесь же нашли пристанище и множество еврейских семей. Все эти люди жили в мире и в уважении друг к другу.

Так было и в 1900 году, когда в семье Соломона и Хайи-Леи Бутманов родился Мендель. Это было очень радостное событие, ведь после двух дочерей появился, наконец-то, и мальчик. Сейчас в это трудно поверить, но пировали в честь рождения Менделя 7 дней.

Поведал об этом наш дорогой семейный летописец Лев Бутман. В сентябре 1950 года он встретил на Балтийском вокзале ильюшкинского земляка Менделя Иоффе. Вот что тот рассказал:

– Празднество началось во вторник и кончилось в тот же день, но на

следующей неделе. Было 60 приглашенных со всей округи евреев. Выпили несколько бочек вина, съели 2 коровы и половину рыбы из озера Язно. Присутствовали старики: Авром-Тевье, отец Соломона Хаим-Бер – красивый, рослый, широкоплечий, с окладистой бородой, умнейший из гостей, а также отец Хаи-Леи – Рэфозл-Залман, Давид из Решетниково, Мендель из Логиново, и многие другие.

Менделю Иоффе тогда было 10 лет, и хотя все это происходило полвека тому назад, он ничего не забыл.

А нам остается только удивляться тому, с каким размахом могли погулять тихие и скромные евреи. Куда уж нам до них!

И все же семья Соломона не прижилась в Сатонкино, вскоре после рождения Менделя она перебралась обратно в родовую деревню Ильюшкино.

Здесь у Соломона и Хаи-Леи родились остальные дети: Лева, Давид, Зиновей и Хаим-Бер.

УЧЕБА В ХЕДЕРЕ, А ЗАТЕМ ЕШИБОТ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ ВИТЕБСКЕ. МЕНДЕЛЬ ЗАПИСЫВАЕТСЯ В КРАСНУЮ АРМИЮ.

Когда еврейские мальчики подрастали, их отправляли в начальную еврейскую школу – хедер, которая находилась в деревне Кушки, недалеко от Ильюшкино.

О своей учебе там Мендель вспомнил в письме, которое отправил жене с фронта 2 сентября 1942 года: «Кажется, недавно мы всей гурьбой отправлялись в хедер. Я, Соломон, Гриша и Лева Шмуяловичи, Хроловы Яша и Залман, Исроэл и другие, всего 12-13 ребят».

Маленький Мендель хорошо учился. Родители и соседи отмечали его быстрые ум и сообразительность. Однако поступки Менделя и его младшего брата Левы не всегда отличались благопристойностью. И об этом вспоминает наш летописец в своем письме брату Хаим-Беру 7 ноября 1950 года:

Это было очень давно. Софья Михайловна давала на общем обеде в Ильюшкино отзыв о нашем семействе.

– Потомки Хаи-Леи и Соломона, – говорила она, – по своим деяниям напоминают неожиданно разбушевавшийся циклон, ураган над тихой, благоухающей землей.

Она наблюдала одновременно клубы дыма и перья от перин и подушек, брызги разбитого стекла и струи воды из камышовых трубок, обра-

щенных на нее из окна дедовского дома. Она пророчила тогда, что своей смертью эти дьяволята не окончат, или сорвутся с трубы, или с конька крыши, или утонут, или погибнут в драке. Этим заключением Софья Михайловна разговор и закончила.

Учитывая буйный нрав сыночка, родители сочли необходимым отправить Менделя в религиозное училище повышенного уровня – ешибот, находившийся в губернском городе Витебске. Там, дескать, загруженный учебой и под присмотром строгих наставников, он присмирееет, а потом, Бог даст, из него может получиться и раввин. Способностей Менделю не занимать. Несмотря на то, что учился он хорошо, вышло не совсем так, но об этом чуть позже.

Через несколько лет в этот же ешибот старшая сестра Эстер-Гайла привезла на учебу и Леву.

Однако братья проучились вместе недолго. Грянула революция, сбросили царя, попечители разбежались, и ешибот закрылся. Ребята вернулись домой, в родное Ильюшкино.

Время настало голодное, как следует прокормить свое большое семейство Соломон и Хая-Лея уже не могли. И тогда Мендель, а парнем он был рослым, хотя годков и не хватало, задумал записаться в Красную Армию.

А вот еще один подвиг наших юных дядюшек Менделя и Левы, о котором сообщается в этом же письме:

Произошло это незадолго до бурных дней февраля 1917 года. Менделю шел 17-й год, Леве исполнилось 11 лет. В Ильюшкино для сбора недоимок приехали волостной писарь Турков и урядник Сундуков. Урядник, уловивший в ответах Соломона неуважение к властям, замахнулся на него нагайкой. Но в его левый глаз тут же попал брошенный с чердака опорок. Сундуков вместе с конем налетел на крыльцо дома. Конь проломил ступеньки, урядник грохнулся через его шею на землю и закричал: «Заточу на каторгу!»

Отец быстро ретировался в холодный чулан, а Лева с Менделем вылили на голову Сундукова помои. Ребят целый день искал курносый десятский Николай из Кушков. Сундуков, так и не дождавшийся окончания поисков, уехал не солоно хлебавши, а Николай предсказал братьям черную смерть от рук пристава и писаря.

После этого оставаться в деревне было опасно. Несмотря на то, что родители были против, Мендель все же осуществил свою мечту. Он при-

бавил на комиссии пару годков, был зачислен в армию и отправлен на фронт.

ТРУДОВАЯ ЭПОПЕЯ МЕНДЕЛЯ И ЕГО ЖЕНИТЬБА НА МАРИИ ДАВИДОВНЕ СВЕРДЛОВОЙ.

После окончания Гражданской войны Мендель вернулся в Пустошку. Он устроился работать здесь на механическом заводе.

В Пустошке Мендель познакомился с Израилем Фонаревым, который после очередной доставки контрабандного груза из Латвии не мог вернуться на родину, т.к. граница с Латвией оказалась закрыта усиленной охраной.

Мендель пригласил Израиля в Ильюшкино, где познакомил со своей сестрой Эстер-Гайлой. Молодые люди друг другу понравились. Произошло это в 1925 году, а в начале 1927 года у них родился один из авторов этого сборника – Захар, названный в честь деда Залки – отца Израиля.

Мендель помог Израилю устроиться на работу старшим обходчиком в лесное хозяйство «Казенные лешни».

В 1926 году Мендель уехал в Ленинград, куда устремились многие жители Пустошкинского района. После Гражданской войны и разрухи огромный город нуждался в рабочей силе.

В 1929 году Мендель познакомился с молодой Марией Давидовной Свердловой. Ей было тогда 17 лет, и их брак был зарегистрирован лишь через год в Пустошке, куда Мендель ненадолго привозил Марию.

В ноябре 1929 года у молодой четы родилась дочь Дина.

С 1930 по 1934 г. Мендель трудился в городе Бологое, затем работал в карельском городе Кемь, после чего перебрался в город Сольцы. Однако нигде постоянно закрепиться не смог.

Поддавшись призыву осваивать целинные сибирские земли для создания очага еврейского народа, он, как и многие другие энтузиасты, поехал в этот далекий край, где в 1937 году оказался в роли директора хлебопекарного производства Еврейской автономной области.

ФИНСКАЯ КОМПАНИЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. ГИБЕЛЬ НА ЛЬДУ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА.

Но и здесь одиссея Менделя не закончилась. Осенью 1938 года он возвратился в Ленинград, где прошел военную переподготовку, после чего

был мобилизован в армию и отправлен на финский фронт.

Прошел всю войну. Посчастливилось, что вышел из этой мясорубки живым и смог вернуться домой.

В апреле 1940 года у Бутманов родилась вторая дочь – Сима.

Мирная жизнь продолжалась недолго. В июле 1941 года офицер запаса Мендель Бутман снова в действующей армии, он зачислен в команду 12-го запасного танкового полка.

В этом же месяце у Марии и Менделя рождается третья дочка – Фрида.

Семья жила тогда на улице Декабристов, д. 17, кв. 21.

Сохранилось несколько открыток, присланных Менделем с Ленинградского фронта в то время, когда войска находились в обороне.

Одна из них от 24.09.1941 года, написана в 22 часа. Указанный в ней адрес: здесь, п/я 957, 2-я рота, Бутман. На открытке 3 почтовых штемпеля: Ленинград, Красногвардейский 25.09.41.17; Ленинград Почтамт; Ленинград Почтамт, экспедиция 28.09.41.17.

В этом послании Мендель спрашивает у жены, почему она ему уже 2 недели не пишет, просит передать теплое белье, кожаные перчатки. Интересно, получила ли деньги, есть ли письма от Дины? (Она была в пионерском лагере и не смогла сразу вернуться домой из-за начала войны).

Последнее письмо от 13.11. 1941 года: «Проверено цензурой». Действующая армия 419-ая ППУ, 153 СП, 3-й батальон, 7-я рота, лейтенант Бутман.

Написано карандашом: «Я знакомлюсь с новой обстановкой. Очень доволен, что 10.11. 1941 г. удалось заглянуть домой и видеть вас всех (кроме Дины). Привет Зусе и Леве. Передавай привет нашим».

Мендель успел побывать тогда и на улице Ракова, д.11 (теперь Итальянская) в семье Фонаревых.

Мендель Бутман погиб 27.11. 1941 года при переходе через Ладожское озеро.

После его смерти остались 3 дочери-сироты и жена-вдова, которая не могла даже получать пособие на детей по смерти мужа, так как он считался пропавшим без вести.

А по тем суровым и безжалостным законам каждый пропавший без вести, как это определял великий вождь и учитель И. Сталин, считался врагом, перебежчиком, сдавшимся в плен. И никакого снисхождения семье такого человека быть не могло.

МАРИЯ БУТМАН (СВЕРДЛОВА) И ЕЕ ДЕТИ.

Мария (по документам Менуха) Давидовна Бутман, в девичестве Свердлова, родилась в 1910 году в Пустошке.

Ее мать, Свердлова (урожденная Берковская) Роза Гиршевна, родилась в 1885 году. С мужем, Свердловым Давидом Соломоновичем, она прожила 13 лет до его смерти в 1923 году.

Мария окончила семилетнюю школу в Пустошке в 1925 году, и сразу пошла работать.

После регистрации брака с Менделем Мария переехала в Ленинград, где опять устроилась на работу, так как надо было содержать Дину и мать. А как видно из истории жизни Менделя, поддержка с его стороны была не очень значительной.

К началу Отечественной войны у Марии на руках, кроме старшей, Дины, оказались еще 2 малютки – Сима и Фрида.

В марте 1942 года вся семья эвакуировалась из Ленинграда по льду Ладожского озера и попала в город Агрыз Татарской АССР.

С августа 1942 года Мария работала кладовщиком-приемщиком на овощебазе райпищесторга в Агрызе. Увы, чтобы кормить семью, которой вождем народов было во всем отказано, Мария вынуждена была иногда приносить в карманах какие-то овощи.

АРЕСТ. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В КОЛХОЗЕ.
НАПАДЕНИЕ МАРОДЕРОВ.

В марте 1943 года, по доносу, у Марии был произведен обыск, при котором обнаружили несколько луковиц. Ее арестовали, уволили с работы и присудили к принудительным работам в колхозе.

Никакого снисхождения к матери-одиночке, жене погибшего фронтовика, нашей дорогой советской властью проявлено не было. Дочь-школьница, 2 девочки-малютки и их бабушка оказались на грани голодной смерти. Как они смогли тогда выжить, непонятно.

Семья жила в Агрызе в отдельном закутке, в большом деревянном бараке, в котором ютились семьи и других эвакуированных.

Когда Мария отбывала в колхозе срок, в их закуток заявились двое мужчин в солдатской форме и потребовали чем-нибудь с ними поделиться.

Странно, что пришли они именно к Бутманам, и было ясно, кто-то подсказал, здесь живут евреи, значит есть чем поживиться. Бабушка объ-

яснила, что они эвакуированные, и у них вообще ничего нет.

Через несколько дней мародеры заявили снова, уже утром. Роза Гиршевна была в это время в магазине, а Дина в школе. Дома находились только 2 маленькие девочки, которые громко разревелись. Бандиты пригрозили, что если дети не успокоятся, то их побьют ремнем. После этого солдаты сорвали наволочки с подушек и стали набивать их всем, что попадалось под руки.

Когда бабушка вернулась, то обнаружила, что замок сорван, но самое страшное для нее было другое, из закутка не доносилось ни звука. Роза Гиршевна чуть не потеряла от страха сознание, сбежался народ.

Почтальонша сказала: «Подожди, Григорьевна, я посмотрю». Сима и Фрида от пережитого страха и пролитых слез спали таким глубоким сном, что даже не слышали, как вошла соседка. Та, увидев, девочек, сразу успокоила бабушку.

МАРИЮ ОСВОБОЖДАЮТ. УСТРОЙСТВО В ОБЛАСТИ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД.

От принудительных работ Мария была освобождена только в сентябре 1944 года. Она сразу же начала хлопотать о возвращении в Ленинград. Сначала решила съездить туда одна. Но, увы, попасть в город Марии не удалось, для этого требовались вызов или специальный пропуск.

В ноябре 1944 года она смогла устроиться на работу в Ленинградской области инструктором по приобретению оборудования в Зеленецком Доме инвалидов.

И только к осени 1945 года Мария добилась права возвратиться в Ленинград. Она тут же приехала в Агрыз за детьми и бабушкой. Сима вспоминает, что мама привезла тогда батон, вкус которого девочка запомнила на всю жизнь.

Тогда, если у человека не было командировочного удостоверения или военных документов, попасть в поезд было большой проблемой. Но и эту преграду Мария преодолела.

Семья поселилась в девятнадцатиметровой комнате бабушки в коммунальной квартире на Литейном проспекте, д. 24. Всего там проживало 8 съемщиков. Так что скучно никому не было.

В Ленинграде Мария устроилась на работу по линии Леноблсобеса. Жизнь семьи начала постепенно налаживаться, но в феврале 1951 года Леноблсобес ликвидировали, и Мария потеряла работу. Четыре месяца

после этого она с утра до вечера пыталась куда-нибудь устроиться. Возвращалась домой и падала без сил. Семья жила тогда на детскую пенсию за погибшего на фронте Менделя, которой, наконец-то, с огромным трудом удалось добиться. И вот Мария нашла работу. Жизнь продолжалась.

СВАДЬБА ДИНЫ И РОМАНА.

Через 12 лет после гибели Менделя в 1941 году на Ленинградском фронте, в его семье происходило знаменательное событие. Старшая дочь Дина выходила замуж за Романа из молдавского города Бендеры. Об этом событии наш летописец Лев Бутман подробно написал в письме от 19 сентября 1953 года своему брату Хаим-Беру:

Вчера, в канун Пасхи, на улице Пестеля одновременно совершались помолвка и свадьба дочери нашего брата, Дины, с Романом из Бендер Молдавской ССР.

На свадьбе были многочисленные родственники Розы и Марии из Пустошки, Невеля и Великих Лук, старые, средних лет и молодые, гражданские и военные. Все пришли с подарками и поздравлениями. Дина – высокая, стройная, в голубом шелковом платье, две ее сестренки уже с признаками, отличающими мальчиков от девочек, в синих платьицах с белыми отложными воротничками. Бабушка Роза в трикотажной кофте, еще бодрая и счастливая за мнимое счастье внучки. Жених в сером костюме – высокий, немного сутулый, с продолговатым лицом, с длинным, чуть загнутым кверху носом, шепелявым говорком, булькающим в гортани, плохо выговаривающий «р», быстрый в движениях и словоохотливый.

Здороваясь, он жал мне руку и твердил: «Дядя, я очень рад, дядя, я счастлив, буду, дядя, примерным, внимательным». Я успевал лишь в интервалы, очень, между прочим, короткие, вставить слово-другое, вроде:

«Давно ли друг друга знаете?»

– Уже две недели, дядя, – последовал ответ.

– А чем же ты занимаешься?

– Я учусь, дядя, в трудовых резервах, в индустриальном техникуме на всем готовом. Кроме того, имею специальность фрезеровщика и диплом 6-го разряда электрогазосварщика. Я, дядя, все уже перепробовал за свою жизнь, мне уже, слава богу, 25 лет, я, дядя, не пропаду.

Роза Григорьевна от радости без ума.

– Так радостно на сердце, – говорит старушка, – что слезы брызжут из глаз. Дина, наша Дина выходит замуж за идешен бохер, еврейского парня из очень приличной семьи. Его братья и мать живут в Бендерах. Полное его имя Фукс Роман Яковлевич.

На свадьбе были Ганя с Израилем. Ганя сшила невесте платье, помогла приготовить свадьбу. Додя с Геней и Левкой приехали со столовым сервизом, я с Зоей и с Тамаркой с двумя кастрюлями и двумя хрустальными кружками с китайской раскраской. К торжеству принесли поздравительные телеграммы из Москвы, Молдавии, Багуми. Гостей было так много, что облепили длинный стол как мухи. Некоторым пришлось стоять. Стол был уставлен различными винами и закусками.

Первый тост, как обычно, произнес Израиль:

– Дорогие дети. Вам выпало счастье жить в столь хорошее время, когда зарница коммунизма блеснула и зажгла своим пламенем почти весь земной шар, нам, иден, живется лучше, чем жилось в прошлом году. Ура, товарищи!

Израиль, записной оратор, не без скрытой иронии использует патристический штамп «зарница коммунизма блеснула и зажжет весь мир».

«Нам иден (евреям), лучше в этом году, чем в прошлом» – прошел год 1953-й – год «дела врачей», смерти вождя трудящихся всего мира И.В. Сталина. Год пика государственного антисемитизма.

Тост вызвал жаркие хлопki и жажду к напиткам.

Поздравлений было много. Шумели, жужжали так оригинально и хаотично, что каждый говорил и мог слушать только себя. Кто-то постучал вилок о опорожненный графин, и волны прибоя стихли. Тост, сказанный после этого, вызвал слезы, плакали навзрыд невеста, Мария, бабушка Роза и наша Ганя.

– Дорогие друзья! Родители радуются счастью своих детей, радовался бы, несомненно, и славный герой, павший смертью храбрых за Родину и народ – отец невесты. Он отдал жизнь и за счастье своих детей, и за счастье детей всего мира – вечная слава героям Отечественной войны. Прошу почтить вставанием память славного сына нашего народа.

Все встали. Рыдание охватило все ряды. Несколько минут стояла торжественно-траурная тишина. Выплакавшись, стало легче. Свадьба пошла заново, с прежним шумом. Кто-то чиркнул ядовитым языком:

– Зачем он на свадьбу мертвецов зовет и вспоминает? И так народ еле жив.

– Хорошо, – сказала Роза, – что вспомнили о дорогом человеке. Слезы

облегчили нам душу, и невесте нужно было в памяти своей представить образ отца.

Уехали мы со свадьбы уже к утру. На улице шел дождь. День, до этого светлый и теплый, по-весеннему радостный, сменился пасмурной погодой и прохладой сырого утра.

Однажды Сима, которая училась тогда в 9 классе, зашла к маме на работу в Апраксин двор. Мария работала там агентом по снабжению для швейного производства. Сима увидела, как маме выгрузили из машины на спину огромный рулон ткани, который Мария потащила в цех.

Вот так, не боясь никаких трудностей, эта женщина зарабатывала на то, чтобы воспитать и выучить детей, подготовить их к самостоятельной жизни.

Дочери вспоминают, что не помнят маму смеющейся, но не видели ее даже в самые тяжелые моменты и плачущей. Все перенесенные невзгоды отразились на здоровье Марии. Она скончалась в возрасте 57 лет, в августе 1969 года. Старшая дочь Дина умерла в 1988 году. Судьбы двух младших дочерей, Симы и Фриды, сложились вполне благополучно, хотя и не всегда безоблачно.

В 1961 году Сима вышла замуж за Геннадия Щепеткова – выпускника мореходного училища. Геннадий добился высокого служебного положения, стал руководителем морского пароходства. В 2002 году Геннадий Щепетков скончался от сердечного приступа. Сейчас у Симы двое сыновей – Михаил и Геннадий, которые подарили своей маме внуков. Сыновья успешно трудятся на престижных работах и, наверное, с трудом представляют, как тяжело пришлось в свое время Менделю и Марии.

Фрида тоже уже бабушка. Сейчас живет с мужем Григорием, ветераном ВОВ, известным в прошлом футболистом «Зенита», в Израиле. Ее дочка Жанна – предприниматель, владеет производством в Санкт-Петербурге, имеет израильское гражданство.

* * *

Часть I: Глава 9

ВЕТЬ ДАВИДА БУТМАНА.

ДАВИД БУТМАН ВЫРАСТИЛ ДЕТЕЙ, ПОСТРОИЛ ДОМ
И ПОСАДИЛ ЦЕЛЫЙ САД ДЕРЕВЬЕВ.
ЖЕРТВА АНТИСЕМИТИЗМА.
В ЧЕСТЬ ТРОЦКОГО. ГОСТЕПРИИМСТВО.

Давид Соломонович Бутман родился 20 декабря 1907 года. В детстве он учился в Хедере. Хорошо читал и писал на идише. Семья Бутманов явно не отличалась богатством, об этом можно судить хотя бы потому, что Давид вспоминал, как он радовался, когда в его жизни появились первые сапоги.

В молодости он был настолько ярким комсомольцем, что даже не явился на похороны собственного отца, так как того предавали земле по религиозному обычаю. Своего старшего сына Леву Давид назвал Львом в честь Троцкого. Но жизнь многому Давида научила, прошли годы, и он освободился от своего коммунистического мировоззрения, по крайней мере, дети застали его человеком, как минимум, с иронией относящимся к Советской власти.

Да и к религии Давид явно поменял отношение, потому что в зрелом возрасте в пасху ел не хлеб, а мацу, постился в Йом Кипур, ходил в эти дни в синагогу. Правда, скорее всего, это не было религиозным рвением, а являлось данью национальным традициям, в которых он был воспитан с детства.

Давид учился в Ленинградском химико-технологическом институте, с последнего курса ушел в торговый институт. Но сначала трудился все же по первой специальности. Проявил себя прекрасным специалистом. Работал на заводах «Красногвардеец» и «Экономайзер», основал там ряд лабораторий, в том числе и центральную химическую, стал ее заведующим, был и начальником цеха.

В начале пятидесятых годов Давид вынужден был покинуть свою работу, столкнувшись с неприкрытым антисемитизмом.

У него было трое детей: Лева, Лена и Илья. Нужно было кормить семью, и Давид принял предложение своего двоюродного брата Бориса Бравина (директора большого гастронома на Нарвской площади) стать заведующим винным отделом.

Он трудился там до середины шестидесятых годов, перейдя потом работать на ЛОМО, где трудился простым гальваником.

Давида всегда тянуло к работе на земле. Он мечтал о собственной даче. Осуществил это желание вместе с братом Львом, с которым они построили дом на две семьи в Ленинградской области, на берегу прекрасного озера Отрадное. Давид очень любил эту дачу, работал на ней с утра до ночи. Построил там еще сарай, кухню, беседку, маленький гостевой домик и т.д.

Развел образцовые сад и огород. Будучи очень добрым и гостеприимным человеком, Давид всех к себе на дачу приглашал, всех принимал, для всех находил место.

Он вообще старался помочь всем своим родным, делая это при малейшей возможности. Племянники до сих пор вспоминают, что если им нужно было встретиться с девушкой, а даже в кино пригласить ее было не на что, то они тут же обращались за помощью к «дяде Доде».

Он был человеком очень скромным, даже стеснительным, делая добро людям, никогда об этом не распространялся. Любил преподносить подарки, никогда не сплетничал. Был человеком немногословным.

Однажды Давид встретил на улице свою бывшую сотрудницу, у которой, пока она находилась в эвакуации, заняли комнату, и ей негде теперь было жить. Давид получил согласие от своей жены Гути и пригласил Розу Соломоновну к себе. Они же и помогли ей устроиться на работу. Эта женщина прожила у них 9 лет, до тех пор, пока не подошла ее очередь на жилплощадь.

Между Давидом и Гутей существовало молчаливое соглашение никогда не говорить о Мире (умершей в 1945 году первой жене Давида – матери Левы) и о Зяме (погибшем на фронте первом муже Гути). Но Давид часто ездил на еврейское кладбище, где Мира была похоронена. Посадил на ее могиле березку, которая росла там десятки лет. Гутя знала о поездках Давида. Знала она и о том, что он мечтает быть похороненным рядом с Мирой, но никогда против этого не возражала.

Давид Соломонович Бутман прожил 71 год. Умер 20 февраля 1979 года.

Незадолго до смерти он сказал мужу своей дочери Лены, Мите, что хотел бы умереть в одно мгновение, и чтобы его похоронили рядом с Мирой, под березкой, которую он посадил на ее могиле.

Произошло все так, как он хотел.

А березка простояла еще двадцать лет, после чего ее опрокинуло ураганным ветром.

Его жена, Гутя Эльевна Бутман (урожденная Шапиро) до самого своего отъезда в Израиль постоянно посещала эту могилу, с уважением относясь не только к памяти своего мужа, но и к памяти Миры Саадеевны.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ГУТИ ШАПИРО. ПОТЕРЯ ВСЕХ БЛИЗКИХ. ВСТРЕЧА С ДАВИДОМ. НОВАЯ СЕМЬЯ. ЭМИГРАЦИЯ.

Гутя Эльевна Шапиро родилась 18 августа 1918 года в Витебске. В 18 лет она вышла замуж и уехала из родного города. Со своим будущим мужем Гутя познакомилась на праздничной демонстрации, ей было тогда 16 лет.

Перед отъездом из Витебска она работала в бухгалтерии на заводе «Металлист». Ее сестра-двойняшка Хася тоже трудилась в бухгалтерии, на фабрике по производству очков.

Гутя уехала со своим мужем Зямой Казанским в Ленинград. Перед войной Зяма работал там администратором и переводчиком в гостиницах «Европейская» и «Астория», а Гутя воспитывала дочек и занималась домашним хозяйством. На лето супруги отправили детей в Витебск к бабушке и дедушке – родителям Гути.

Когда началась война, Гутя находилась в Доме отдыха под Лугой. Услышав это страшное сообщение, она отправилась в Ленинград. Своего мужа Гутя дома не застала. Вскоре явился его брат Шоя, который сообщил, что Зяму вызвали в военкомат, откуда прямо сейчас отправляют на фронт. Гутя успела попрощаться с мужем, после чего устремилась на вокзал, пытаясь выехать к детям в Витебск. Но в Белоруссию отправлялись уже только воинские эшелоны. Выезд туда гражданских лиц был невозможен из-за стремительного немецкого наступления.

Бабушка Бася (Берта Соломоновна) упустила возможность эвакуироваться, она говорила, что хорошо помнит немцев по Первой мировой войне и уверена, ничего плохого мирному населению они не сделают. Когда осознала, наконец, какую ошибку совершила, было уже поздно.

Ни родителей, ни детей, ни сестры Гутя никогда уже больше не видела.

В семидесятых годах она ездила в Витебск, Побывала на том месте, где когда-то стоял их дом. Гутя рассказала потом, что там к ней подошел какой-то мужчина и заявил:

– Здесь жили две сестренки-близняшки, и мне кажется, что вы одна из них.

Мужчина сообщил о том, как погибли ее родные. Когда их расстреливали, соседей согнали на это смотреть Мужчину помнил, Бася подтолкнула одну из внучек, крикнула, чтобы та бежала. Но ребенку тут же подстрелили ножку. Вся Гутина семья, вместе с остальными евреями, была уничтожена. Ее старшей дочери Софе было тогда 4, а младшей, Тамаре, 2 года.

Зяма погиб в первый же год войны на острове Готланд.

Один из братьев Гуты, Исаак, был кадровым офицером. Войну он встретил в Вильносе. Погиб в 41 году. Старший брат, Бома, также погиб в самом начале войны.

Жена и сын Исаака, Фаина и Эрнест, остались живы. Выжила и семья Бомы – жена Роза и дочка Клара.

Эрнест в 1991 году эмигрировал в Израиль с женой Лизой и двумя сыновьями – Вениамином и Александром. Лиза умерла там от рака.

Дочка Бомы, Клара, с мужем Юлием и сыном Эдуардом в девяностых годах эмигрировали в Германию.

Зяма успел отправить Гуте несколько писем, в которых настаивал на том, чтобы жена уехала из Ленинграда. Гутя эвакуировалась вместе с Фаиной и Эриком в Башкирию. Там она познакомилась и подружилась с женой Давида – Мирой, и их сыном Левой. Уже в то время Мира была очень больна. После снятия блокады возвращались домой вместе с Давидом, который приехал в Башкирию за своей семьей. Но Мира с мужем и сыном вышли в Ярославле.

После войны, в 1946 году, Гутя и Давид неожиданно встретились в Ленинграде на Невском проспекте. Давид рассказал, что в 45 году, на двадцать девятом году жизни, Мира умерла от порока сердца.

Давид и Гутя начали встречаться. Давида атаквали тогда многие одинокие женщины, но не только он сам, но и десятилетний Лева предпочли всем Гутю. Давид сделал ей предложение. Согласилась она не сразу, сказала, что надеется найти своих детей. Давид ответил: «Будем искать вместе». В 1947 году они расписались. В том же году у них родилась дочка Лена, а в 1948 – сын Илья.

В 1988 году Гутя Бутман вместе с дочерью Еленой, ее мужем Матвеем и четырьмя внуками: Диной, Давидом, Даниилом и Дмитрием эмигрировали в Израиль.

Основной причиной этого послужили опасения Матвея за судьбу своих детей. В то время настойчиво ходили разговоры о предстоящих погромах. Разговоры разговорами, но у Гостиного двора в Петербурге, прямо на Невском, спокойно продавались, да и сейчас продаются газеты «Русский нацист», «Русский черносотенец», «Штурмовик» и так далее, призывающие расправляться с евреями. Очень важно было и то, что маленький Дима был очень болен, и родители надеялись, что в Израиле ему окажут помощь.

В Израиле Гутя прожила вместе с Еленой и ее семьей, окруженная теплом и заботой, до глубокой старости, не дожив до 89 лет около двух месяцев. Умерла она мгновенно, во время семейного обеда. Как будто что-то предчувствуя, в этот день в доме Елены и Матвея собрались все их дети и внуки. Произошло это 22-го июня 2007 года, как раз в годовщину того самого дня, который определил гибель всех ее близких.

Похоронена Гутя Эльевна Бутман на кладбище израильского города Кирьят-Гат.

СЕМЬЯ ЕЛЕНЫ И МАТВЕЯ КОГАНОВ.

Все дети Елены и Матвея родились в Ленинграде, а затем вместе с родителями эмигрировали в Израиль. Все четверо названы на «Д». Давид – в память о своем дедушке Давиде Соломоновиче Бутмане.

Елена Коган (урожденная Бутман) родилась 16 мая 1947 г. в Ленинграде. Закончила электромедицинский техникум, после чего 23 года работала в конструкторском бюро завода «Красная Заря».

Основным увлечением Елены с самого детства были театр и литература (благодаря старшему брату Лева). Но в советское время и в театр было трудно попасть, и хорошие книги купить нелегко. За билетами в БДТ Елена стояла ночами, а подписаться на собрания сочинений, не отмечаясь неделями в специальных очередях, тоже не удавалось. В Израиле работает и ведет хозяйство своей большой семьи.

Муж Елены, Матвей, родился 18 июля 1957 г. на Украине, в городе Коростене Житомирской области. В 1980 г. закончил медицинский институт в Ленинграде. Женившись на Елене, остался в этом городе жить. Работал врачом, освоил дополнительную специальность иглотерапевта.

В Израиле заведует медицинской лабораторией в поликлинике города Беер-Шевы.

Их старшая дочь Дина родилась 3 января 1977 г. В детстве занималась художественной гимнастикой, училась музыке в Доме Пионеров, затем в музыкальной школе. В Израиле училась в школе, служила в армии. 22 апреля 2000 г. родила сына Талика. Закончила технологический колледж, получив первую ученую степень по химии. Работает инженером на химическом заводе в г. Беер-Шеве.

Ее муж, Виталий Рябой, родился 4 октября 1970 г. жил до репатриации в Петродворце. В Ленинграде закончил медицинское училище. В Израиле учился на курсах медбратьев. Заочно повысил свою квалификацию в Тель-Авивском университете, получив первую степень. Работает в поликлинике возле Беер-Шевы.

23 апреля 2007 г. у них родилась дочь Ила-Джейн, а 6 июня 2009 года – сын Даниель.

Давид Коган родился 10 июня 1980 г. После окончания школы в Израиле, 3 года отслужил в армии. С детства занимался боксом. Был чемпионом Израиля среди юниоров. Закончил колледж по специальности инженер-электронщик. Закончил школу тренеров при институте физкультуры. Работает на заводе «Интель» (филиал американского предприятия) и тренирует детей в спортивной школе города Кирыят-Гат.

Его жена Екатерина родилась в Минске 11 октября 1979 г. Училась в Бар-Иланском университете. Получила первую научную степень по социологии и антропологии, одновременно училась в школе медсестер в Ашкелоне. Работала медсестрой в больнице г. Ашкелона и продолжала проходить обучение на первую и вторую медицинскую степень в Тель-Авивском университете. В настоящее время работает главной медсестрой в детской поликлинике в Гедере.

15 января 2006 г. у них родилась дочь Эмили, а 3 октября 2010 г. дочь Мишель-Джейн (второе имя дано в честь бабушки Гути).

Даниил Коган родился 7 декабря 1982 г. В школе в Израиле считался и самым недисциплинированным, и самым спортивным мальчиком. Также являлся чемпионом Израиля по боксу среди юниоров. Учился на курсах спасателей. Работал в бассейнах, инструктором по спортивной стрельбе в пейнтбольном парке в Бет-Берле. Сейчас трудится на одном из предприятий в Кирыят-Гате и учится в Ашкелоне – будущий инженер-электронщик.

Его жена Елена родилась 21 сентября 1983 г., приехала в Израиль из

Кишинева. По профессии она медицинский секретарь. Работает в отделе снабжения на одном из предприятий Кирыят-Гата. Вторая ее профессия – дизайнер.

14 апреля 2006 г. у них родилась дочь Эден, а 5 ноября 2009 г. сын Ярин-Хэн.

Дмитрий Коган родился 2 марта 1987 г. С трех лет живет в Израиле. Еще не женат, очень любит всех своих родных, особенно племянников, которые отвечают ему взаимностью. Серьезно увлечен классической гитарой. 10 лет учится у известного израильского гитариста Йорама Зербиба. Участвовал во многих мастер-классах классической гитары. Сам уже обучает детей игре на гитаре. Начал учебу в высшей музыкальной школе в Тель-Авиве.

ЛЕВ БУТМАН. ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК. ФУТБОЛ И ШАХМАТЫ. САХАЛИН И СИБИРЬ.

Лев Бутман родился 24 ноября 1936 года. В детстве Лева был трудным ребенком. Например, он организовал и возглавил групповой побег из пионерского лагеря. Но Леву, как правило, прощали, в основном, за его спортивные успехи. Сохранилась фотография, где ребенком, самым маленьким по росту, он стоит среди других футболистов во вратарской форме. Лева с раннего детства увлекался и шахматами. Кстати, он пришел в Ленинградский Дом пионеров одновременно с Борисом Спасским. Увлечение шахматами было просто сумасшедшим, когда рядом не было партнера, одна рука передвигала белые фигуры, вторая – черные. Больших высот в шахматах Лев не достиг, но перворазрядником стал. Был Лева и штангистом, тоже первого разряда.

Еще одно пламенное увлечение Льва Бутмана – литература. Он очень хорошо знал современную поэзию. Когда ему требовалась публика, то он усаживал своих маленьких брата и сестру, Илью и Лену, на шкаф, и читал им стихи. Благодаря этому Илье и Лене передалась его любовь к литературе.

Илья уверен, в том, что он стал профессиональным писателем, есть заслуга и его брата.

В детстве Лев был не только хулиганом, но и романтиком, он очень любил походы и говорил, что закончит институт и уедет куда-нибудь на Север. Так и вышло. После окончания Ленинградского Химико-Технологического института Лев уехал работать сначала на Сахалин,

потом в Сибирь. Будучи главным инженером проекта, там он всю свою трудовую деятельность и провел.

Первой женой Льва была Тамара. В 1963 году у них родился сын Миша. После развода Лев жил в Усть-Илимске со своей новой женой Валентиной.

Сын Льва, Миша, владелец строительной фирмы. У него пятеро детей: Дмитрий (1989 г.), Александра (1998 г.), Янита (2003 г.), Сергей (1988 г.), Слава (1994 г.). Сергей и Слава – приемные дети Михаила.

Лев Давидович Бутман умер после длительной и тяжелой болезни 16 февраля 2011 года. Он похоронен к своим родителям на Преображенском еврейском кладбище.

ИЛЬЯ БУТМАН, ЕГО ЖЕНЫ, ДЕТИ И ВНУКИ. БУРНАЯ МОЛОДОСТЬ. ВТОРОЕ ГРАЖДАНСТВО. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ. ДЕТИ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ.

Илья Бутман родился 27 июля 1948 года. Его молодость проходила очень бурно, он любил выпить, гульнуть, даже служба в армии в этом плане Илью не охладила. Правда, все это время он понемногу занимался литературой. Впервые опубликовался в 16 лет.

В 24 года женился на Софье Гельман. 20 июня 1972 года у них родился сын Роман.

Женитьба, и особенно рождение ребенка, несколько преуменьшили пыл Ильи, более плотно занялся он и литературным трудом. Его произведения замелькали в различных журналах, газетах, альманахах и сборниках, как в Советском Союзе, так и за рубежом. Илья стал руководителем Ленинградского Клуба сатиры и юмора, который возглавлял 11 лет. Одновременно он организовал творческое объединение «Авторы на эстраде», с которым, в качестве писателя-юмориста и веселого детского писателя объездил с гастрольями всю страну.

В 1978 году Илья развелся, женившись вскоре на Евгении Арановской. От этого брака у него появились еще два сына – Марк (22.09.1978) и Борис (25.11.1983). Через 7 лет Илья снова развелся. За этот период он побывал редактором юмористического журнала «Стебок», детских журналов «Баламут» и «Автобус».

В 1994 году Илья женился на Татьяне Косаревой, помог воспитать ее детей – Алексея и Ирину.

Вскоре он стал редактором детского журнала «Буратино». Позже яв-

лялся редактором одновременно двух эротических журналов: «Интим-Калейдоскоп» и «Без комплексов», что не мешало ему быть и автором детских книг. Илья Бутман – член правления и председатель приемной комиссии Петербургского отделения Союза литераторов России.

Все трое его сыновей эмигрировали в Израиль.

В конце 2005 года Илья тяжело заболел, принял второе, израильское гражданство. Несмотря на четвертую степень рака и метастазы, израильские врачи совершили чудо и вылечили его.

На момент написания этих строк Илья проживает в Санкт-Петербурге. Каждые несколько месяцев ненадолго выезжает к своим родным в Израиль.

Старший сын Ильи, Роман, прилетел в Израиль в январе 1991 года, за 2 недели до начала войны в Персидском заливе. Он начал работать в новой для себя стране в качестве тракториста в кибуце.

В том же году Роман поступил в Хайфский университет. В 1995 году он его закончил, получив первую степень. Параллельно учебе Роман работал в больничной кассе «Клалит» (1993 – 1999).

Закончил там трудовую деятельность ответственным за маркетинг во всех поликлиниках Хайфы и референтом дирекции по вопросам маркетинга района Хайфы и Северной Галилеи. Позже Роман поступил в Израильское отделение Английского университета Дерби, в 2004 году защитил диссертацию, получив вторую ученую степень по управлению бизнесом.

В 1999 году Роман стал совладельцем пейнтбольного парка в университетском городке Бейт-Берл.

Со временем появилось еще четыре филиала этой фирмы. С 2004 года здесь открыто отделение, занимающееся тренировкой полицейских и армейских подразделений, а также групп быстрого реагирования на территориях Иудеи, Самарии и сектора Газа.

Роман женился на бывшей москвичке Маре, которая несколько лет помогала ему в качестве шеф-повара в ресторане пейнтбольного парка. Сейчас она воспитывает их детей.

30 мая 2003 года у них родился сын Дин-Йонатан, 7 июля 2007 года – дочка Алиса.

Средний сын Ильи, Марк, родился 22 сентября 1978-го года. С 1985 по 1991 г. учился в 210-й школе, прослав там зlostным хулиганом и антисоциальным элементом. Из школы его выгнали за взрыв в химическом

кабинете и расхищение антуража из класса НВП (1 противогаз, 1 неработающая противотанковая мина и пара рваных галош в качестве емкости для муляжных патронов). В 1992 году Марк переехал в Приморский район Петербурга, где продолжал наводить беспредел в школе № 538, из которой был выгнан за драки и прогулы в 8-м классе. Сменил еще 2 школы: 224-ю еврейскую (откуда был выгнан за драку с главным раввином) и вечернюю 125-ю. В 1994 году (в 16 лет) уехал в Израиль по программе абсорбции молодежи, и через 11 месяцев был выгнан из школы за инсценировку самоубийства через повешение и изменение оценок в школьной базе данных в компьютерной сети. Закончил экстерном школу в Петербурге, проработал в России год и окончательно уехал на историческую родину. До отъезда постоянно занимался спортом. В хронологическом порядке: акробатика, цирковая студия, гимнастика, хоккей, баскетбол, кик-боксинг, мотокросс и т.д.). В 1996 году поступил на подготовительное отделение Хайфского университета. Через год призвался в Армию Обороны Израиля в качестве бойца по борьбе с террором в подразделении, прикомандированном к мотопехотному батальону.

Отслужив 2 года и 8 месяцев, был демобилизован по ранению (когда пьяный в стельку сделал неудачное сальто назад на дискотеке) и отправлен на гражданку с 3-мя боевыми наградами.

С 2000 по 2003 год работал пэйнтбольным инструктором. В 2003 году женился на бывшей астраханке Надежде Рубинштейн. Надежда не смогла устроиться по специальности и закончила школу медсестер, а затем и акушерские курсы. Работает сейчас в больнице Ихилов в Тель-Авиве. 10 сентября 2004 года совместно с женой Марк явил на свет сына Эрнеста. Но этого показалось им мало. 5 апреля 2008 года они родили второго сына – Артура.

В данный момент Марк развивает 2 своих бизнеса.

Младший сын Ильи, Борис, эмигрировал в Израиль вместе со своей мамой Евгенией. Отслужил в армии. В 2007 году женился на Анне. 5 апреля 2008 года юные супруги создали дочку Эвелин. В отличие от отца и обоих своих братьев, молодость которых проходила очень бурно, Боря всегда спокоен и уравновешен. Он обожает подводную охоту, любит экстремальные виды спорта, историю и литературу, но поступать собирается на факультет «управление персоналом». В настоящее время Борис живет в Хайфе.

* * *

Часть I: Глава 10

О СЕМЬЕ ХАИМ-БЕРА И РОЗЫ БУТМАНОВ.

Хаим-Бер Бутман родился 8 ноября 1911 года, он был младшим сыном в семье Соломона и Хаи-Леи. Жена Хаим-Бера, Роза (Рейза Нухимовна), родилась 5 августа 1920 г. в Молдавии.

Хаим-Бер первым из братьев перебрался из Пустошки в Ленинград, устроился на работу, получил комнату. Затем помог переехать братьям и сестре Эстер-Гайле с мужем Израилем и тремя детьми. Нашел этой семье жилье – комнату в центре города, на Мойке, 40. Перевез он в Ленинград и свою маму – нашу бабушку Хаю-Лею, с которой, будучи тогда холостым, Хаим-Бер жил вместе до начала войны.

Во время Отечественной войны Хаим-Бер был ранен, вследствие чего у него плохо работала кисть левой руки. Через много лет после войны он решил оформить военную инвалидность, что потребовало много времени и нервов. К сожалению, толком воспользоваться почетным званием инвалида ВОВ не успел, так как скончался в возрасте, когда ему исполнился 71 год.

Хаим-Бер, передавший нам замечательные записки о деревне Ильюшкино, о своем брате Леве, о дореволюционной жизни, скончался в Ленинграде 26 августа 1982 года, ровно через 2 года после смерти своей сестры Эстер-Гайлы. Жена Хаим-Бера, Роза, умерла в Ленинграде 13 февраля 1985 года.

ДЕТИ ХАИМ-БЕРА И РОЗЫ: СЫН ЮРИЙ И ДОЧЬ ЕЛЕНА.

(ПОСЛЕ ЗАМУЖЕСТВА СИНЕОКОВА)

Сын Юрий

Юрий Бутман родился 22 июля 1946 года в городе Рени Измаильской области. В 1954 году его родители переехали в Ленинград.

В 1961-1963 годах Юрий работал и заканчивал вечернюю школу. С 1963 по 1969 год учился на вечернем отделении ЛИИПа (Ленинградский институт авиаприборостроения), одновременно работал старшим инженером.

В 1970 году Юрий женился на Галине Ножкиной.

С 1979 года Юрий Бутман работал главным метрологом ЛТИ ЦБП (Ленинградский технологический институт целлюлозно-бумажной промышленности).

В октябре 1996 года Юрий эмигрировал со своей семьей в Германию, в город Ганновер.

Старшая дочка Юрия и Галины, Татьяна, родилась 4 января 1972 года. В 1994 году окончила университет. Вышла замуж за Александра Гуревича. В Ганновере у нее родился сын Макс.

Младшая дочь, Анна, родилась 8 мая 1983 года. В 2003 году окончила гимназию в Ганновере. Поступила в институт г. Бремена на экономический факультет.

Дочь Елена

Елена Синеокова (урожденная Бутман) предоставила для этой книги свои воспоминания, которые мы здесь и приводим:

Все началось в далеком 1944 году в Бессарабии, ныне Молдавии, которую только что освободили от фашистов. Мой отец, Борис (Хаим-Бер) Бутман, после очередного ранения и лечения в госпиталях, получил от ленинградского военкомата назначение на должность начальника санитарной службы в городе Бельцы. В то же самое время моя мама Роза, бабушка Сурка, тетя Рая и дядя Семен возвратились в Бельцы из Казахстана, где они находились в эвакуации. Вернулись они, по сути, «в никуда». Их дом был разрушен и разграблен. Практически все родственники и друзья погибли во время немецкой оккупации. Представьте себе состояние людей, измученных хроническим недоеданием и тяжким физическим трудом, переболевших тифом и вернувшихся домой после трех лет чужбины. Надо было как то устраиваться и жить дальше.

В первую очередь, необходимо было найти средства к существованию. Роза, которой в то время было 23 года, начала сразу же искать работу. Она устроилась медсестрой в санэпидемстанцию, где начальником, как вы наверно уже догадались, работал Борис. Буквально в первую же

минуту знакомства мой будущий папа страстно влюбился в мою будущую маму.

Я не думаю, что Роза сразу же ответила ему взаимностью, ведь официально она была замужем. Перед войной, в 1940 году, Роза вышла замуж за своего земляка, и на момент встречи с Борисом ее муж еще находился на фронте.

В 1945 году он возвратился домой и они с Розой жили вместе. Можете представить себе страдания Бориса. Он начал действовать очень активно, признался ей в любви, обещал увезти в Ленинград. Роза находилась в нерешительности. И вот она приняла решение уехать одна в Бухарест. Борис догнал любимую женщину уже на перроне вокзала, плакал, умолял остаться, рвал на себе рубашку.

Роза не устояла перед таким натиском, осталась. Через какое-то время она поняла, что беременна от своего мужа. Следует упомянуть, что жили они в провинциальном маленьком городишке, где слухи распространялись быстрее мысли. Что там произошло на самом деле, я не знаю, эта тема была в нашей семье табу. Но могу себе представить в какой ад превратилась жизнь Розы.

И она решилась на отчаянный поступок, - на шестом месяце беременности ушла от мужа к Борису, который был безмерно счастлив.

Для него беременность любимой женщины препятствием не была. Борис сразу же принял и полюбил этого еще не родившегося ребенка, и на протяжении всей своей жизни был для него настоящим заботливым отцом.

Мой брат Юрий родился в 1946 году, и до 16-летия не знал о тайне своего происхождения. Но есть на свете «добрые люди». Когда мой брат был в Молдавии, ему рассказали всю правду. К счастью, Юра, искренне любивший нашего папу, не захотел ничего слушать и твердо заявил, что отец у него один. Через много лет, когда мы были с братом в Израиле у наших родственников, у Юры была возможность познакомиться со своим биологическим отцом или хотя бы просто посмотреть на него издали. Он не захотел, объяснив свое решение тем, что если этот человек до сего времени не искал с ним контактов, значит ему это было не нужно, и, соответственно, для моего брата эта встреча тоже не представляла интереса.

Я, желанный ребенок, родилась в 1950 году. В роддоме, из-за антисанитарии, я заразилась инфекционным заболеванием. Врачи отказались меня лечить, не было нужных медикаментов. Я была обречена. Только

один мой папа не хотел в это верить. Он достал за бешеные по тем временам деньги пенициллин и, таская меня на руках ночи напролет, все время повторял: «Вот увидите какой красавицей она вырастет!» По воспоминаниям моего любимого брата, я была прыщавая и противная, но ему, бедному, все равно приходилось за мной ухаживать, за что я ему благодарна по сей день.

В 1953 году наши родители решили перебраться в Ленинград. Сначала на разведку поехал папа, и с первой же оказией выслал посылку со школьной формой для Юры. Это событие мой брат вспоминает до сих пор. Он был единственным первоклассником в настоящей форме и объектом зависти всех своих товарищей. Нужно отдать Юре должное, учился он тогда на одни пятерки, так что папа старался не зря.

В 1954 году наша семья переехала в Ленинград. Все наши новые родственники: папина любимая сестра Галя с мужем Израилем и четырьмя сыновьями, брат Лева с женой Зоей и их девочками, брат Додя с женой Геней и их тремя детьми встретили нас очень тепло и сердечно. Меня, за большое сходство с папиной мамой, сразу же нарекли бабушкиным именем, Хаей Леей.

Я прекрасно помню огромную коммунальную квартиру на Владимирском проспекте, где в 18-метровой комнате проживала вся многочисленная семья тети Гали, и где меня часто оставляли ночевать.

Хочется сказать много добрых и теплых слов в адрес всех мною любимых папиных родственников.

Итак, наконец-то мечта моего отца сбылась. Мы жили в самом красивом городе мира! Но путь к мечте был тернист.

В Ленинграде сразу же получить жилье было невозможно. По чьей-то протекции, к сожалению, не помню, кто точно нам тогда помог, мы получили комнату в доме отдыха в живописном курортном Зеленогорске, под Ленинградом. Мама сразу же устроилась медсестрой. Папа тоже нашел работу. Юра пошел в школу и сразу же из круглого отличника превратился в двоечника.

Учеба давалась ему с трудом, наверное потому, что в его старой школе преподавание велось на молдавском языке, а у Юры были большие сложности с русским. Но это длилось недолго. Очень скоро мой невероятно способный брат догнал и перегнал по учебе своих одноклассников.

Жизнь в Зеленогорске запомнилась мне не очень, но один эпизод из того времени все же врезался в память. Был какой-то праздник, по-моему, новоселье, и вся многочисленная родня приехала к нам. Мне было тогда

пять лет. Народ веселился. Мама много пела, у нее был удивительно красивый голос, который я, к сожалению, не унаследовала. В мамином репертуаре были песни на четырех языках, один из которых итальянский. Но вот кто-то из «фонарят» решил надо мной подшутить. Я думаю, что это были Семен с Михаилом (дети тети Гали).

– Леночка, – сказали они, – как же тебе не стыдно быть такой замарашкой? Посмотри какие черные у тебя от грязи глаза! Иди немедленно в ванную и помой их с мылом.

Последствия этой шутки были для меня довольно плачевны. Будучи девочкой ответственной и законопослушной, я очень тщательно выполнила приказ старших братьев. Орала потом, как резаная. Помню, мама капала мне что-то в глаза. Братьям сильно за меня попало.

В Зеленогорске мы прожили недолго. Что-то там не сложилось, и мы со всеми нашими пожитками оказались на улице. Помню, дождь лил как из ведра, мама плакала. Нам предоставили какое-то временное пристанище. А вскоре папа получил должность санитарного врача в Петергофе, и мы перебрались в поселок Стрельна.

Каждый год к нам туда приезжали родственники из Молдавии, и папа показывал им Ленинград, делал он это виртуозно.

В Стрельне мы снимали маленький домик, состоящий из одной небольшой комнатки с русской печкой и прихожей-кухней, где стоял керогаз.

Наш хозяин, отставной генерал, был жестоким и злым человеком, крови он у нас попил немало. Папа даже батрачил на этого генерала, т.е. после своей основной работы санитарным врачом, занимался хозяйским огородом.

Стрельниковский период жизни запомнился мне еще и посещениями дяди Левы. Для нас это всегда был большой праздник. Помимо того, что карманы дяди Левы были забиты сладостями для нас с Юрой, он вносил в дом еще и положительную энергетику.

Папа с дядей часто брали меня с собой в гости к землячкам из деревни Ильюшкино – Устье и Марии. Они жили недалеко от нас, в поселке Володарский. Мне хорошо запомнился этот добрый, уютный дом, вечно пахнувший свежее испеченными пирогами.

Не могу не вспомнить и еще одну женщину, которая вошла в нашу жизнь в тот же период – Марию Львовну. Мама подружилась с ней на своем новом месте работы.

Тетя Маруся была тогда замужем за милиционером и воспитывала

маленького сынишку Коленьку, которого мы с Юрой прозвали плаксой, потому что он по любому поводу распускал нюни. Тетя Маруся жила недалеко от нас, и мы очень часто ходили к ней в гости. И вот ее брак распался. Муж бросил тетю Марусю с маленьким ребенком и переехал жить в Ленинград. Это было для нее, разумеется, очень сильным ударом, и мои родители старались ее поддержать и утешить.

Особенно в этом преуспел мой любвеобильный папочка. Я вынуждена сказать, что несмотря на страстную любовь к маме, папа был очень равнодушен к женскому полу и на протяжении всей их совместной жизни не раз давал поводы для ревности. Но этот случай был особым.

Не знаю уж, как эта связь между моим отцом и тетей Марусей вышла наружу, но помню, что скандал тогда был грандиозный. Мама вызвала всех папиных родственников из Ленинграда, чтобы совместными усилиями наставить отца на путь истинный. Сам же виновник этой неприглядной истории спрятался у нас дома на чердаке. Тетя Галя с тетей Геней и Шурой умоляли его спуститься вниз, обещая уладить все миром. Но папа так и просидел до темноты на чердаке. Слава тебе Господи, все со временем успокоилось, мама великодушно простила не только папу, но и тетю Марусю, и до последних дней своей жизни была с ней дружна.

Для меня тетя Маруся тоже стала очень близким человеком, а с ее сыном Колей мы с Юрой дружили до самого нашего отъезда в Германию.

У меня в памяти остался еще один «яркий» эпизод из жизни того времени – пожар в нашем доме. Ранним утром, пока мы все еще спали, папа как всегда поставил на керогаз ведро с водой для умывания и вышел во двор. Когда он вернулся, прихожая, в которой стоял керогаз, уже пылала. В первую очередь отец всех нас разбудил и помог выбраться из дома. Потом, в суматохе, он схватил ведро с кипятком и сразу же получил ожоги первой степени. Не обращая внимания на нестерпимую боль, вероятно, он находился тогда в шоковом состоянии, папа начал тушить пожар. Именно отец с ним и расправился. Папа долгие месяцы потом лечился от полученных ожогов и ходил с перебинтованными руками. Кстати, наши хозяева, генерал со своей семьей, палец о палец не ударили, чтобы нам помочь.

В 1960 году мы наконец-то, после стольких мытарств, получили ордер на двухкомнатную квартиру в Ленинграде на улице Ленсовета. Нашему счастью не было предела. Ведь у нас теперь, кроме двух жилых комнат, будет еще и сверкающая своей белизной ванна, кухня с газовой плитой и колонкой.

Благодаря посылкам из Америки от папиной сестры Фани, мы смогли как-то обставить нашу квартиру и купить самое необходимое. Жизнь стала налаживаться. Мы с братом пошли в школу, папа получил должность санитарного врача, а мама устроилась медсестрой в детский туберкулезный диспансер.

С переездом в Ленинград у меня появилась возможность поближе познакомиться с моими двоюродными братьями и сестрами. Особенно я подружилась с детьми дяди Давида и тети Гени – Ильей и Леной. Этот дом №2 на углу Московского проспекта и Сенной площади стал для меня очень родным. Я там буквально дневала и ночевала. Доброта тети Гени и дяди Давида не знала границ.

Моим духовным воспитанием занялась Леночка. Будучи одухотворенной и поэтической натурой, она старалась и мне привить любовь к литературе, поэзии, живописи, а главное, к театру. Благодаря ей я стала заядлой театралкой. Мы часами простаивали перед билетными кассами знаменитейших на всю страну театров, в надежде получить места хоть на галерке. Особенной популярностью пользовался тогда театр имени Горького под руководством Товстоногова.

Увлечение театром привело меня в драматический кружок, а после школы я пыталась поступить в театральную студию при ТЮЗе.

К сожалению, не смогла убедить экзаменаторов в своем таланте, да и конкурс тогда был сумасшедший, почти 100 человек на место.

В 1967 году я окончила школу и поступила в Кораблестроительный институт. Там познакомилась со своим будущим мужем – Олегом Синеоковым. После свадьбы переехала жить к нему. Я устроилась работать на завод инженером по оборудованию, параллельно продолжала учиться в институте. В 1974 году на свет появилась наша дочь Юлия. В 1975 году я окончила институт и получила диплом инженера-электромеханика. Через 9 лет наш брак с Синеоковым распался, и я с дочерью вернулась в дом своих родителей.

В 1982 году ушел из жизни мой любимый папа, а в 1985 следующая тяжелая потеря – умерла мама. Мне было тогда 34 года. Несмотря на тяжелые испытания, нужно было жить дальше.

Пришли новые времена, началась перестройка. У меня было уже несколько специальностей, поэтому я ничего не боялась. Могла быть техником, технологом, конструктором, снабженцем.

Для многих умных и талантливых людей, обладающих к тому же организаторскими способностями, появилась возможность открыть свое дело.

Мой любимый брат Захар был одним из них. Ему есть чем гордиться. Продукция кооператива «Термобалт», который он организовал, пользовалась большим спросом. Проблема была лишь со снабжением. И тут Захар вспомнил о своей младшей сестричке, то есть обо мне, и пригласил к себе на работу начальником по снабжению. Долго уговаривать меня не пришлось, и я с большим энтузиазмом принялась за новое дело. Так как по своей натуре я очень контактный и открытый человек, живая работа с людьми давалась мне легко и доставляла истинное удовольствие. По роду своей деятельности мне приходилось часто ездить в командировки, и я исколесила почти всю страну. Это было очень интересное и даже познавательное для меня время. Я благодарна брату за поддержку и высокую оценку моего труда.

В 1996 году мы с Юлей переехали на постоянное место жительства в Германию, туда же эмигрировал и Юра с семьей. Сначала я жила в городе Эрлангене, который находится в Баварии, а Юра – в Ганновере. После окончания курсов немецкого языка я устроилась на работу простой гладильщицей, а через некоторое время стала заместительницей своей начальницы. В 1999 году переехала к своей дочери в Берлин, где и проживаю по сей день. Сейчас я на заслуженном отдыхе. Изучаю иностранные языки, читаю книги, но самое большое удовольствие мне доставляет работа в саду на нашей даче под Берлином. Видимо, любовь к природе и к работе на земле генетически передалась мне от отца. Вместе с ним мы часто ходили по грибы и ягоды. Он же научил меня и ориентироваться в лесу.

Никогда не забуду прекрасное время, проведенное в Суходолье, где благодаря нашим отцам, а, в основном, конечно, дяде Леве и дяде Доде, дача которых там находилась, мы, их дети, племянники и внуки, могли проводить свои летние каникулы, а позже и отпуска на берегу красивейшего озера Отрадное, богатого всевозможной рыбой и раками.

Вся наша многочисленная семья Бутманов-Фонаревых с удовольствием вспоминает об этом времени.

Дочь Елены.

Юлия Гузенфельд (урожденная Синеокова) – единственная дочь Елены Бутман. Родилась в Ленинграде в 1974 году. После окончания школы серьезно увлеклась востоковедением и поступила в Санкт-Петербургский

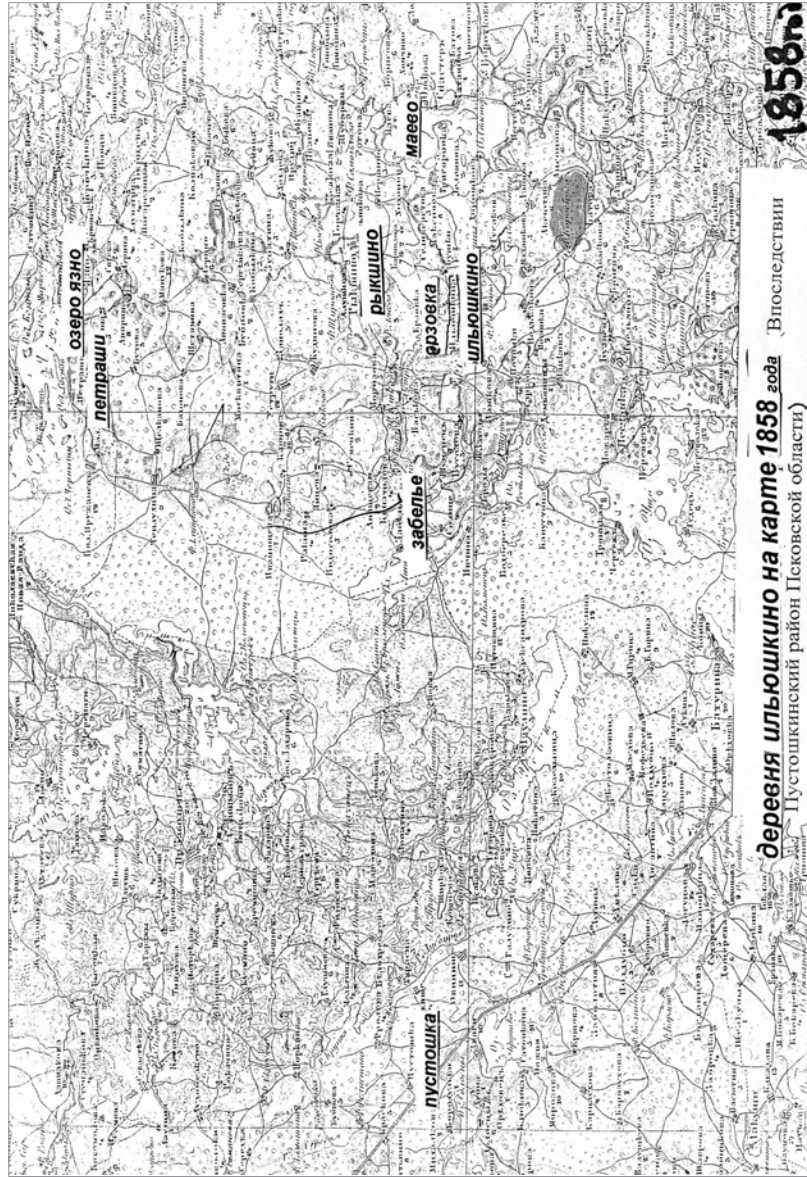
Восточный институт на кафедру японского языка. К сожалению, закончить обучение не удалось, в 1996 году Юлия вместе с мамой покинула родные северные берега и переехала в Берлин.

Здесь, после окончания языковых курсов, Юлия поступила в университет Гумбольдта, где она изучала библиотечно-информационное дело и славистику, получила звание бакалавра искусств.

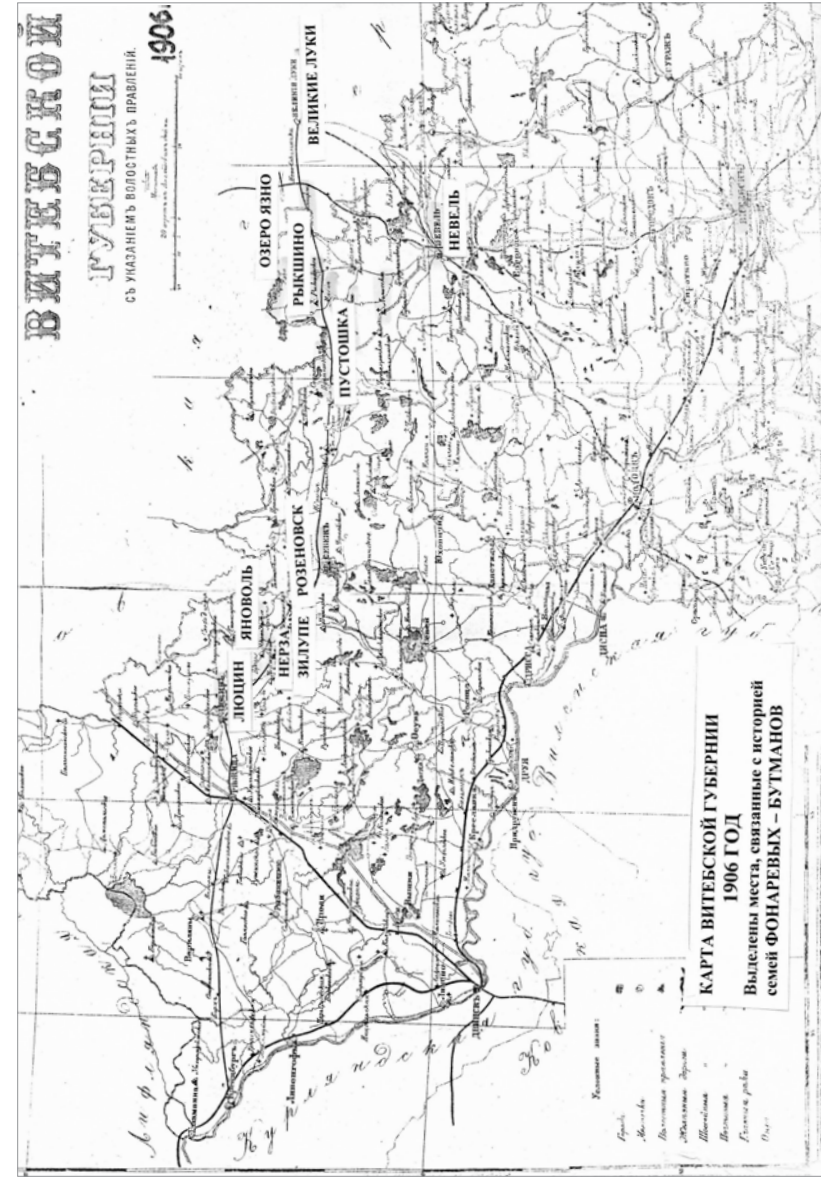
Из Берлина, наконец то, открылись новые горизонты. Следуя зову Востока, Юлия много путешествует, покоряет горные вершины Гималаев, а в спокойной берлинской гавани отдает все свое свободное время книгам, занимается исследованием литературной жизни русского Берлина 20-х, 30-х годов.

В 2008 году Юлия вышла замуж за Геннадия Гузенфельда, теперь из фамильного древа Бутманов-Фонаревых вырастает новая ветвь.

* * *

Ильюшкино на карте 1858г.

Пустошка на карте Витебской губернии 1906 г.

Ксерокопия «ПОДЛИННОГО СПИСКА ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ ИЛЬЮШКИНО ИУДЕЙСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ПО ПЕРЕПИСИ 1882 ГОДА». (Архивный фонд НИАБ № 1416 оп 2 д. 16150)

№	Имя	Пол	Дата рождения	Место рождения	Семейное положение	Земельный участок
1	Ильинский Михаил	Муж	1833	Ильинск	Семейный	14 кв.
2	Ильинский Михаил	Муж	1839	Ильинск	Семейный	14 кв.
3	Гордеевский Михаил	Муж	1845	Ильинск	Семейный	14 кв.

Список жителей деревни Ильюшкино. 1880г.

4	Ильинский Михаил	Муж	1858	Ильинск	Семейный	14 кв.
5	Ильинский Михаил	Муж	1839	Ильинск	Семейный	14 кв.
6	Ильинский Михаил	Муж	1881	Ильинск	Семейный	14 кв.

Список жителей деревни Ильюшкино. 1880г. (Продолжение)

Хая-Лея и Соломон Бутманы

Фаня Печенюк (Бутман), 1960г.

Мендель Бутман

Бабушка Хая-Лея с внуками: Захаром, Левой, Михаилом, Тamarой, Соломоном и Диной

Жена Менделя – Мария Бутман, урожденная Свердлова

Дина Менделевна Бутман

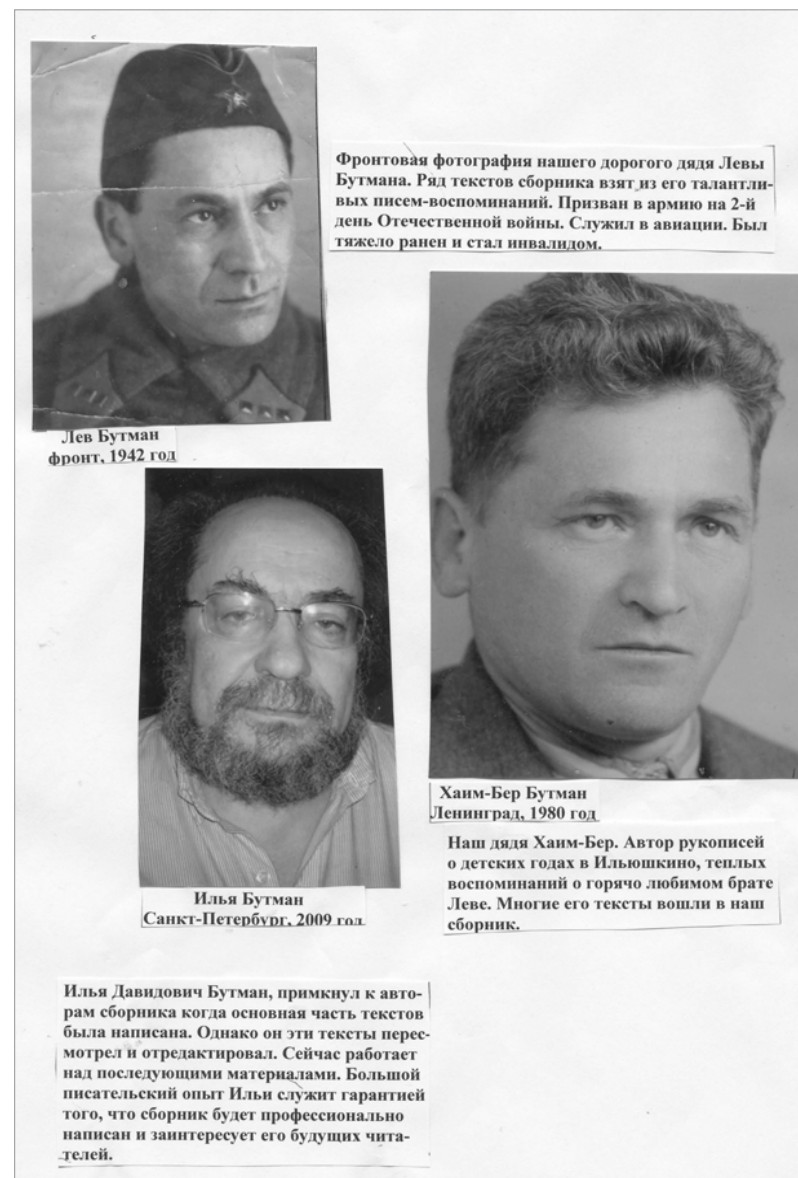
Бабушка Хая-Лея со старшим сыном Менделем

Мендель Бутман со старшей дочерью Диной

Фрида Гиндина (Бутман)

Лев Бутман. Борис Бутман. Илья Бутман.

Ганя, Геня, Зоя, Лев, Захар, Роза, Шура, Хаим-Бер

Братья Бутманы Борис и Лева с женами Розой и Зоей, Израиль и Ганя Фонаревы, Маня - жена Менделя. Дети Бориса Юра и Лена, Шура - жена Захара, дочка Левы и Зои - Ира.

Семьи Давида и Льва Бутманов

Израиль, Ганя, Геня, Тамары, маленькие Леночка и Илья, 1953г.

Давид Бутман с первой женой Мирой

Давид Бутман с сыном Левой

Лев Давидович Бутман со своей первой женой Тамарой

Гутия Бутман (тогда Казанская)
со своей дочкой Софочкой

Софочка – дочка Зямы и Гути
Казанских

Илья Бутман с женой Софьей

После переезда из Молдавии Хаим-Бер временно поселился в Зеленогорске. Ленинградская родня в 1954 году на перроне Финляндского вокзала перед посадкой в поезд для посещения семьи Хаим-Бера.
Слева направо: дядя Лева, Шура, Эстер-Гайла, тетя Зоя и тетя

После смерти в 1966 году нашего дорогого дяди Левы, его братья Давид и Хаим-Бер Бутманы установили на его могиле, на кладбище «9 января», памятник.
1975 год. Хаим-Бер и Давид около памятника брату.

У могилы Льва Бутмана

У памятника Давида Соломоновича Бутмана (1907-1979).
Слева направо: Захар Фонарев, Елена Синеокова (урожденная Бутман), Фрида (дочь Менделя Бутмана), Тамара (дочь Льва Бутмана) Илья (сын Давида), Тамара и Александра Фонаревы. 2004 год

2008 год. Семья Симы Менделевны Щепетковой (в девичестве Бутман). Стоят: сыновья Симы Миша и Геннадий, студентка Саша – дочь Миши, Ваня – сын Геннадия. Сидят: Жанна (племянница Симы) с мужем, Сима, Захар Фонарев. Рядом с ним стоит брат Леонард.
Дети Симы – состоявшиеся бизнесмены. Геннадий владеет брокерской фирмой, Миша занимается юридическими вопросами.

Семья Симы Щепетковой (Бутман)

Илья Бутман с женой Татьяной.

Гуля Бутман (жена Давида) с внуками Мариком (сын Ильи) и Данилом (сын Елена)

Илья Бутман с сыновьями, Израиль.

Сыновья Ильи Бутмана: (слева направо) Марк, Борис, Роман

Ира Бутман (Каширская) с внуком Михаила Фонарева – Мариком

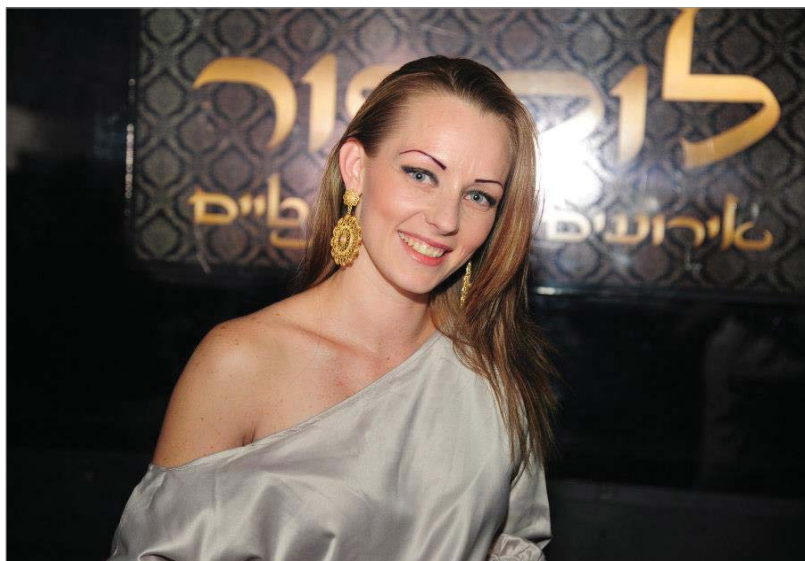
Сын Иры Бутман Лева со своими детьми

Ира Бутман с сыном Левой и племянником Мариком

Тамара Сташкова (Бутман) с сыном Сашей

Лена Коган жена Дани

Слева направо: Татьяна Бутман (старшая дочь Юры), Михаэль Дитерс – муж Татьяны, Лия Яблоник – мать Юрия Брауна, мужа младшей дочери Ани, Аня Браун (дочь Юры), Юрий Браун – муж Ани, Галина – жена Юры Бутмана, Юрий Бутман – глава семьи.

Семья Лены Коган(Бутман) и Мити.
Дети: Давид, Даня, Дима, Дина, Виталий Рябой, Даня Коган Рябой, Ила,Э

Лена Синеокова (Бутман) с дочерью Юлей.